

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

JOURNAL OF LEGAL ANTHROPOLOGY AND CONFLICTOLOGY

Сетевое научно-практическое издание
Основан в 2022 году
Выходит 4 раза в год

№ 4(13) – 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

FOUNDER AND PUBLISHER:
Federal State Budgetary Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»

**Сетевое научно-практическое издание
«Журнал юридической антропологии и конфликтологии»**

Рецензируемый научный журнал
Издается с декабря 2022 года
Выпускается 4 раза в год

Публикует научные работы на русском и английском языках по актуальным проблемам юридической науки.
Приоритетными направлениями исследований для Журнала являются вопросы юридической антропологии и конфликтологии, теории, истории и философии права, сравнительного правоведения, методологии правовых исследований.
Редакция Журнала высоко ценит и поддерживает юридико-антропологические и конфликтологические исследования в области различных отраслевых юридических наук, а также междисциплинарные работы по изучению государственно-правовой реальности.
Журнал принимает к публикации: обзоры, оригинальные статьи, краткие сообщения от ведущих ученых России, зарубежных исследователей, преподавателей, аспирантов, соискателей, адъюнктов.
Миссия журнала – обеспечение открытого доступа к результатам оригинальных научных работ в области юриспруденции, а также междисциплинарных исследований в различных сферах взаимодействия общества, государства и права; развитие широкой научной дискуссии, направленной на формирование соответствующих современным реалиям концептов правовой теории.

Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации серия Эл № ФС77-83459 от 15 июня 2022 г.

Адрес Редакции и Учредителя:
394018 Воронеж, Университетская пл., 1
Тел.: +7 (432) 2208276
<https://journalac.ru>
E-mail: journalac@mail.ru
Дата выхода в свет номера: 15.04.2026

При использовании материалов Журнала ссылка на Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» обязательна

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
© Воронежский государственный университет, 2026

**Networking scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology"**

Reviewed scientific journal
Published since December, 2022
4 issues released per year

Publishes scientific issues in Russian and English languages on the current problems of the juridical science.
The priority areas of research for the Journal are the issues of legal anthropology and conflictology, theory, history and philosophy of law, comparative law, juridical methodology.
The editorial board of the Journal highly appreciates and supports the legal-anthropological and conflictological research in various fields of legal sciences, as well as multidisciplinary works on the study of governmental and legal reality.
The Journal accepts for publication: reviews, original articles, brief messages from the leading Russian scientists, foreign researchers, lecturers, graduate students, applicants, adjuncts.
The mission of the Journal is to provide open access to the results of the original researches in the sphere of jurisprudence, as well as the multidisciplinary works in different areas of interaction between society, state and law; developing the broad scientific discussion aimed at the formation of the concepts of legal theory, corresponding to the modern realities.

Network scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
Registration certificate Эл № ФС77-83459 of 15.06.2022

Editorial committee and founder address:
394018 Russia, Voronezh, Universitetskaya square, 1
Tel.: +7 (432) 2208276
<https://journalac.ru>
E-mail: journalac@mail.ru
Issue publication date: 15.04.2026

When using the materials of the Journal the reference to the networking scientific and practical edition "Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is required

The materials of the Journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© Voronezh State University, 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Махина С. Н.**, доктор юридических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Заместители главного редактора: **Малиновская Н. В.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Завьялова И. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Ответственный секретарь – **Шелестов Д. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Члены редакционной коллегии: **Алексеева Т. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Архипов В. В.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, г. Санкт-Петербург); **Баев М. О.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Баулин О. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Бирюков П. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Васильев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Россия, г. Барнаул); **Власенко Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Российский университет дружбы народов (Россия, г. Москва); **Гамбарян А. С.**, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский (Славянский) университет (Армения, г. Ереван); **Демичев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России (Россия, г. Нижний Новгород); **Дорская А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (Россия, г. Санкт-Петербург); **Зражевская Т. Д.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Ломакина И. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Малько А. В.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, г. Саратов); **Михайлов А. М.**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва); **Носырева Е. И.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Павлов В. И.**, кандидат юридических наук, профессор, Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск); **Панько К. К.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Сазонникова Е. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Раззоков Б. Х.**, доктор юридических наук, профессор, Таджикский государственный университет коммерции (Республика Таджикистан, г. Душанбе); **Романовская В. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород); **Сорокина Ю. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Старилов Ю. Н.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Честнов И. Л.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Шеменева О. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж).

EDITORIAL COMMITTEE OF JOURNAL

Chief editor – **Makhina S. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of VSU Law Faculty, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Executive editors: **Malinovskaya N. V.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Zavyalova I. S.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Executive secretary – **Shelestov D. S.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Members of editorial committee: **Alexeeva T. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, The North-West Institute of Management of the RANEPa (Russia, Saint-Petersburg)*; **Arkhipov V. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg)*; **Baev M. O.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Baulin O. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Birukov P. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Vasiliev A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Altai State University (Russia, Barnaul)*; **Vlasenko N. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation, Peoples' Friendship University of Russia (Russia, Moscow)*; **Gambaryan A. S.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Russian-Armenian (Slavic) University (Armenia, Yerevan)*; **Demichev A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia, Nizhny Novgorod)*; **Dorskaya A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, The Northwestern Branch of Russian State University of Justice (Russia, Saint-Petersburg)*; **Zrazhevskaya T. D.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Lomakina I. B.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg)*; **Malko A. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Povolzhsky Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russia, Saratov)*; **Mikhailov A. M.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Russia, Moscow)*; **Nosyreva E. I.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Pavlov V. I.**, *Candidate of Legal Sciences, Professor, Academy of Ministry of Internal Affairs of Republic of Belarus (Republic of Belarus, Minsk)*; **Panko K. K.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Sazonnikova E. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Razzokov B. H.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Tajik State University of Commerce (Republic of Tajikistan, Dushanbe)*; **Romanovskaya V. B.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)*; **Sorokina Yu. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Starilov Yu. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Chestnov I. L.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg)*; **Shemeneva O. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*.

СОДЕРЖАНИЕ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ ПРАВОВОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

<i>Крупеня Е. М.</i> Право как антропологическая реальность: опыт, смысл и человекоцентризм в фундаментальной теории права	7
<i>Калинина Е. В.</i> Эсхатология и утопия как инструменты социально-правового конструирования в иудаизме и иудео-христианстве	17
<i>Малиновская Н. В.</i> Образы власти и закона в китайском правосознании	25
<i>Петров А. А.</i> Критика идеи отраслевого приоритета как самостоятельной коллизионной максимы	37
<i>Потапов Ю. А.</i> Факторы, влияющие на правовую реальность и правоприменительную практику	52
<i>Ахмедов У. Н.</i> Цифровая личность и цифровой образ человека: концептуальные основы и проблемы идентификации	64
<i>Лаврёнов Н. А.</i> Юридическая техника и правовые технологии как элементы правового конструирования	71

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

<i>Царёва Ю. И.</i> Место amercements в системе штрафов средневековой Англии	81
<i>Фонова И. В.</i> Применение идей профессора И. А. Галагана об административной ответственности в современной судебной практике	93
<i>Лунёв Р. С.</i> Особенности организации и функционирования судебной системы в древнеиудейском государстве: судебные органы, процедуры и правосудие по Торе	104

СТРАНИЧКА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Сиверина Ю. Л.</i> Виды цифровых технологий, применяемых в публичном управлении	116
<i>Столповских Н. О.</i> Правовые позиции о стандарте доказывания «вне разумных сомнений» в делах о банкротстве сквозь призму традиционных положений отечественного доказательственного права	129
<i>Шутов В. В.</i> Механизмы государственного противодействия религиозному экстремизму в России: исторический анализ	139

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

<i>Сиринько В. А., Ефремов Д. А.</i> Обзор Пятой ежегодной международной научно-практической конференции «Из архаики в XXI век: правовое конструирование» (Воронежский государственный университет, 28 мая 2025 г.)	152
---	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	176
-------------------------------------	-----

CONTENTS

ANTHROPOLOGICAL VECTORS OF LEGAL CONSTRUCTION

<i>Krupenya E. M.</i> Law as anthropological reality: experience, meaning and human-centrism in fundamental legal theory	7
<i>Kalinina E. V.</i> Eschatology and utopia as instruments of social and legal engineering in Jewish and Jewish-Christian thought	17
<i>Malinovskaya N. V.</i> Images of power and law in Chinese legal consciousness.....	25
<i>Petrov A. A.</i> Criticism of the idea of sectoral priority as a separated legal conflict maxim	37
<i>Potapov Yu. A.</i> Factors influencing the legal reality and law enforcement practice	52
<i>Akhmedov U. N.</i> Digital personality and the digital image of a person: conceptual foundations and problems of identification	64
<i>Lavryonov N. A.</i> Legal technique and legal technologies as elements of legal construction.....	71

CONFLICTOLOGICAL VECTORS OF LEGAL REALITY

<i>Tsareva Y. I.</i> Amercements in the penalty system of Medieval England	81
<i>Fonova I. V.</i> Application of professor I. A. Galagan's ideas on administrative liability in modern judicial practice	93
<i>Lunev R. S.</i> Features of the organization and functioning of the judicial system in the Ancient Jewish State: judicial authorities, procedures and justice according to the Torah	104

YOUNG SCIENTISTS' PAGE

<i>Siverina Yu. L.</i> Types of digital technologies used in public administration	116
<i>Stolpovskih N. O.</i> Legal positions on the «beyond a reasonable doubt» standard of proof in bankruptcy cases through the lens of traditional provisions of domestic evidentiary law	129
<i>Shutov V. V.</i> Mechanisms of state counteraction to religious extremism in Russia: historical analysis	139

REVIEWS, CRITIQUES

<i>Sirinko V. A., Efremov D. A.</i> Review of the 5th Annual International Scientific and Practical Conference "From Archaic to the 21st Century: Legal Construction" (Voronezh State University, May 28, 2025)	152
---	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	176
--------------------------------------	-----

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ ПРАВОВОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

УДК 340.1

ПРАВО КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ОПЫТ, СМЫСЛ И ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЗМ В ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

Е. М. Крупеня

Государственный академический университет гуманитарных наук

Поступила в редакцию 1 декабря 2025 г.

Аннотация: в работе анализируется переосмысление категории «право» автором антропологической концепции В. И. Павловым в качестве обоснованного с научной точки зрения ответа на системный кризис позитивизма в форме нормативизма. Автор показывает, что в рамках антропологической концепции право перестает быть институциональной абстракцией и интерпретируется как форма человеческого существования, включающая опыт, смысл, культурную память и др. Особое внимание уделяется понятийному аппарату, используемому в монографии, в частности таким категориям, как «правовое бытие», «правовая реальность», «правовая действительность», «правовое существование» и «правовая субъективация» – они составляют теоретико-методологическую основу человекоцентричного правопонимания. На основе критического осмысления антропологической концепции выводятся практические следствия для теории права, правотворчества и правоприменения.

Ключевые слова: антропологическая концепция права, правовой опыт, правовое бытие, правовая реальность, правовая действительность, человекоцентризм.

LAW AS ANTHROPOLOGICAL REALITY: EXPERIENCE, MEANING AND HUMAN-CENTRISM IN FUNDAMENTAL LEGAL THEORY

E. M. Krupenya

State Academic University of the Humanities

Abstract: the paper analyzes the scientifically grounded reinterpretation of the category of “law” by V. I. Pavlov, the author of the anthropological concept, as a response to the systemic crisis of uncritical positivism manifested

© Крупеня Е. М., 2025

in normativism. The author demonstrates that, within the framework of the anthropological concept, law ceases to be an institutional abstraction and is instead interpreted as a form of human existence, encompassing experience, meaning, cultural memory, and other essential dimensions. Particular attention is devoted to the conceptual apparatus employed in the monographs specifically, such categories as “legal being, legal reality, legal actuality”, “legal existence” and “legal subjectivation” – which together constitute the theoretical and methodological foundation of a human-centered understanding of law. Based on a critical examination of the anthropological concept, the paper derives practical implications for legal theory, lawmaking, and law enforcement.

Key words: anthropological concept of law, legal experience, legal existence, legal reality, legal validity, human-centrism.

Современная теория права переживает глубокий методологический кризис, обусловленный эпистемологической несостоятельностью формально-юридических объяснительных моделей в условиях растущей сложности правовой реальности и усиления человеческого измерения в праве¹. В данном контексте монография профессора В. И. Павлова² представляет собой значительный вклад в фундаментальную юриспруденцию, предлагающий не эмпирическую коррекцию, но онтологическую реконструкцию самой категории «право» на основе различных научных методов³. Как справедливо отмечает автор концепции, речь идет о «фундаментальной переориентации всей правовой науки – от институционально-нормативного подхода к человекоцентричному, антропологически обоснованному»⁴. Данное положение является отправной точкой для анализа, проводимого в настоящей работе.

Телеологически данный текст ориентирован на то, чтобы критически оценить логику и научную новизну в переосмыслении категории «право» в антропологической концепции В. И. Павлова, а именно: переход от права как системы предписаний к праву как форме человеческого существования, в результате которого формируется правовой опыт. Для достижения цели необходимо было осуществить анализ не только декларативных тезисов, но и теоретико-методологического аппарата,

¹ Подробнее об этом см.: *Честнов И. Л.* Постклассическая программа культурального измерения права // *Культуральные исследования права : монография / под ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова.* СПб., 2018 ; *Павлов В. И.* Антропологическая концепция права в современном фундаментальном правоведении : теоретико-методологическое содержание и инструментальное значение : монография. Минск, 2025.

² См.: *Павлов В. И.* Указ. соч. С. 86–103.

³ См.: Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 147–148.

посредством которого осуществляется эта трансформация. В частности, системы взаимосвязанных категорий: «правовое бытие», «правовая реальность», «правовая действительность», «правовое существование», «правовая субъективация»⁵. Именно в их иерархической структуре и семантических соотношениях раскрывается внутренняя логика презентуемой в монографии концепции.

1. Кризис нормативистского правопонимания и теоретико-методологический императив реконструкции. Критика нормативизма у В. И. Павлова носит не прикладной, а онтологический характер. Позитивистское правопонимание в форме нормативизма, сводящее право к системе общеобязательных, формально определенных, государством гарантированных норм, – восходит к трудам классика отечественной общеправовой теории С. С. Алексеева, концептуально игнорирует антропологическую реальность, в которой право рождается и живет, т. е. в сознании, воле и опыте конкретного человека, постольку, поскольку оно человекоцентрично⁶. Подобная редукция, по мнению В. И. Павлова, ведет к десубъектации права и его превращению в формальный инструмент управления, что подрывает саму основу его легитимации.

Следует отметить, что В. И. Павлов уважительно относится к интеллектуальной истории позитивизма и признает вклад отечественных и зарубежных исследователей в развитие данного направления. Тем не менее он констатирует наличие кризиса позитивизма и его крайних форм, но лишь этим не ограничивается. Профессор формулирует теоретико-методологический императив: создание нового понятийно-категориального аппарата как «выражения логической структуры, внутренней организации системы теоретического знания»⁷. При этом подчеркивается принципиальная недостаточность индуктивного обобщения эмпирических данных, поскольку «для того, чтобы построить теорию, необходимо сначала найти некоторые общие понятия, принципы и гипотезы, которые должны быть приняты за основание дедукции»⁸.

Ключевой новацией антропологической концепции права, как представляется, выступает предлагаемый подход к формируемому антрополого-правовому опыту, который видится автору как переживаемое, осмысленное взаимодействие человека с правом, в котором право перестает быть абстракцией и становится частью его жизненного мира. Такое видение опыта выводит его за рамки привычного когнитивного («зна-

⁵ См.: Павлов В. И. Указ. соч. С. 150.

⁶ См.: Там же. С. 156.

⁷ Там же. С. 156–162.

⁸ Там же. С. 150.

ние права») или поведенческого («соблюдение норм») измерений и переводит его в плоскость экзистенциального присвоения.

Важно, что такой правовой опыт включает в себя как эмоционально-ценностные («восприятие справедливости», «осознание собственного достоинства»), так и когнитивно-волевые аспекты («готовность к ответственности», «диалог с правовой системой»). Именно через этот синтетический опыт право приобретает экзистенциальную легитимность, которая, как справедливо отмечает автор антропологической концепции, не может быть обеспечена исключительно формальной действительностью нормы.

Особое значение опыт обретает в контексте антрополого-правовой модели человека в праве. Ее разработка объясняется системой факторов, среди которых в качестве приоритетных автор называет несколько, связывая их с необходимостью:

- получения целостного представления человека в правовой реальности и обоснования данной модели в качестве средства правового регулирования общественных отношений;
- получения точного представления о существовании и формах проявления человека в правовой реальности;
- преодоления кризиса традиционной концепции субъектности в праве, а также ее дальнейшего развития с целью повышения качества правовой регламентации⁹.

Не требует значительных интеллектуальных усилий признание, что тем самым профессор Павлов вводит в теорию права критерий его легитимности¹⁰, который коренным образом отличается от позитивистского (формальная валидность и устойчивость правовых институтов).

Внимательное знакомство с содержанием фундаментальной монографии Вадима Ивановича, содержание которой детально раскрывает его концепцию права, позволяет констатировать: антропологическая концепция позиционируется не как эмпирическая гипотеза, но как дедуктивная конструкция, выстроенная по образцу фундаментальных наук.

2. Понятийно-категориальный аппарат: иерархия онтологических уровней. Для настоящей работы, задуманной в качестве теоретико-правовой, особую научную ценность представляет разработанный В. И. Павловым иерархический понятийно-категориальный аппарат, позволяющий структурировать право в его антропологической интерпретации.

⁹ См.: Павлов В. И. Указ. соч. С. 192.

¹⁰ См.: Крупеня Е. М. Легитимация в контексте действия механизма саморегулирования (на примере права публичных статусов гражданина) // Легитимность права : коллективная монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Чеснова. СПб., 2019. С. 324–337.

На вершине иерархии располагается категория «правовое бытие». Оно мыслится онтологически дуально. В. И. Павлов в процессе конструирования логико-смысловой конструкции подчеркивает, что правовое бытие, с одной стороны, «указывает на право и его осуществление в связи с правовым существованием человека в праве, с другой – указывает на способ понимания и существования права как целого, единства, тождества, взятого в абстракции»¹¹.

Иными словами, право как явление существует и рассматривается только в контексте правовой жизни человека. Это означает, что бытие права не предстает как трансцендентная сущность, но как целостность, составленная из всех других правовых явлений и всегда соотношенная с человеком.

Непосредственно под правовым бытием располагается близкая по смыслу категория «правовая реальность». Она используется автором антропологической концепции для обозначения сферы, «в границах которой осуществляется правовое бытие»¹². Особое внимание заслуживает двойственность этой категории: в онтологическом аспекте она указывает на «мир права», в гносеологическом – на картину правовой реальности как «познавательную модель», данную правовому деятелю. Содержание правовой реальности, как отмечает В. И. Павлов, зависит от конкретной правовой среды, и особенно правопонимания. В этом убеждает предложенное определение категории «правовая реальность», которая обозначает «существующий мир права в совокупности составляющих его идеальных (концептуальных) и материальных (фактических) элементов, обладающих правовой значимостью вследствие различных способов их юридизации в рамках определенной правовой концепции»¹³, что подчеркивает ее интерсубъективный, а не объективистский характер.

Категория «правовая действительность» – финальная ступень в понятийно-категориальной иерархии, которая составляет наиболее предельно-абстрактное и точное концептуальное общетеоретическое понятие. Ее отличительная черта – корреляция с практической актуализацией. Автор прямо указывает на то, что «правовая действительность понимается как право в действии, данное человеку в практическом выражении»¹⁴, она всегда складывается из актуализированных элементов правовой реальности, выраженных практически. В этой оппозиции, «реальность ↔ действительность», четко фиксируется различие между

¹¹ Павлов В. И. Указ. соч. С. 156.

¹² Там же. С. 157.

¹³ Там же. С. 160.

¹⁴ Там же. С. 161.

потенциальным (нормативным полем) и актуальным (реально функционирующим) в праве.

3. Человек в праве: от «субъекта» к «существованию» и «субъективации». Безусловным достижением автора антропологической концепции является реконструкция фигуры человека в праве. Автор последовательно отказывается от формально-догматического «субъекта права» в пользу категорий, наполненных более глубокими смыслами, определяющими границы понимания всей концепции. В их числе «правовое существование» и «правовая субъективация».

«Правовое существование» представлено в тексте монографии в форме дифиниции: «...это практически выраженная значимость нахождения человека в правовой действительности в актуализированной ситуации относительно осуществления общеобязательного правила поведения применительно к конкретному факту правовой жизни»¹⁵. Определение понятия позволяет обратить пристальное внимание на то, что правовое существование мыслится как «актуализированный процесс», характеризующий весь комплекс личностно-правовых свойств человека – от отношения к субъективному праву до ценностных ориентаций. Такой фокус в анализе позволяет рассматривать человека не как точку приложения нормы, но как активного участника конституирования правовой реальности.

Логическим завершением анализа правового существования человека выступает категория «правовая субъективация». Близкая по смыслу правовому существованию, она вводится в анализ с понятной и логически оправданной целью – обозначить «процесс конституирования, формирование лица от “человека в праве” к субъекту конкретного правоотношения и характеристики процесса личностно-правового строительства»¹⁶. Представляется, что данная категория отвечает на ключевой для современной теории запрос: как человек становится правовым субъектом. Ответ автора антропологической концепции права таков: через включение в юридический дискурс, через опыт, обретение смысла и признание. Тем самым осуществляется переход от статики субъекта к динамике субъективации.

4. Эвристические перспективы антропологической концепции права: теоретические и практические импликации. Не будет преувеличением заметить, что антропологическая концепция права, разработанная В. И. Павловым, обладает значительной эвристической перспективой. Ее теоретические импликации включают перспективы для дальнейших исследований, по меньшей мере, на таких направлениях, как:

¹⁵ Павлов В. И. Указ. соч. С. 162.

¹⁶ Там же. С. 163.

- эпистемологический поворот от логико-формального к герменевтико-феноменологическому подходу в правоведении¹⁷;
- переосмысление правосознания¹⁸ как первичного по отношению к норме, а не как ее производной;
- введение культурно-антропологической экспертизы в процедуру правотворчества¹⁹ и правоприменения;
- трансформация роли судьи из «применителя нормы» в интерпретатора²⁰ смысла, ориентированного на принципы справедливости.

Предложенный в концепции переход от нормы к смыслу и опыту влечет за собой глубокие последствия как для общеправовой теории и философии права, так и для его практического применения. Признавая это, важно принять во внимание и иметь в виду, что автор антропологической концепции подчеркивает: его концепция – это не альтернатива традиционной юриспруденции, а ее необходимое развитие под влиянием вызовов времени. Это позволяет избежать деструктивного противопоставления и указывает на путь интеграции.

Всемерно поддерживая изложенные выше, а также иные сюжеты монографии, посвященной изложению антропологической концепции права, в качестве дискуссионных можно отметить следующие:

- необходимость дальнейшей конкретизации процедуры «культурно-антропологической экспертизы»;
- вопрос о соотношении «антропологической восприимчивости» и правовой определенности;
- уточнения требует вопрос о соотношении понятий «правовая субъективация» и «социально-психологический механизм действия права», который в достаточной степени разработан в общеправовой теории.

Монография В. И. Павлова представляет собой фундаментальный теоретический труд, вносящий существенный вклад в преодоление кризиса современной правовой теории. Предложенная антропологическая кон-

¹⁷ См. подробнее: Юридическая герменевтика в XXI веке : монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. СПб., 2016.

¹⁸ Калинина Е. Ю. Изучение иррациональной природы правосознания в рамках культурно-антропологического подхода // Культуральные исследования права : монография / под ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб., 2018 ; Малахов В. П. Теория правосознания. Опыт формирования : монография. М., 2020.

¹⁹ См.: Крупеня Е. М. О значении лингво-культурных концептов для толкования права : к ресурсам культуральной программы исследования (на примере франкофонного сегмента романо-германской правовой семьи) // Толкование права : классика и постклассика : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2024.

²⁰ См.: Харитонов Л. А. Между интерпретационной свободой и произволом : суд на краю фронта // Толкование права : классика и постклассика : коллективная монография. СПб., 2024.

цепция обеспечивает онтологическое обоснование человекоцентризма в праве через стройную систему взаимосвязанных категорий. Ее сильные стороны – строгость дедуктивного построения, глубина онтологического анализа и практическая ориентация – позволяют рассматривать ее не как умозрительную конструкцию, но как научный инструментарий для анализа правовой действительности XXI в. Дальнейшая разработка концепции, в частности в направлении ее прикладной инструментализации, представляется перспективной задачей для отечественной юридической науки.

Библиографический список

- Алексеев С. С.* Теория права / С. С. Алексеев. – М. : Норма, 2001. – 448 с.
- Калинина Е. Ю.* Изучение иррациональной природы правосознания в рамках культурально-антропологического подхода / Е. Ю. Калинина // Культуральные исследования права : монография / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. – СПб. : Алетейя, 2018. – С. 128–156.
- Крупеня Е. М.* Легитимация в контексте действия механизма саморегулирования (на примере права публичных статусов гражданина) / Е. Н. Крупеня // Легитимность права : коллективная монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – СПб. : Алетейя, 2019. – С. 324–337.
- Крупеня Е. М.* О значении лингво-культуральных концептов для толкования права : к ресурсам культуральной программы исследования (на примере франкофонного сегмента романо-германской правовой семьи) / Е. М. Крупеня // Толкование права : классика и постклассика : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – СПб. : Алетейя, 2024. – С. 211–234.
- Малахов В. П.* Теория правосознания. Опыт формирования : монография / В. П. Малахов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2020. – 335 с.
- Павлов В. И.* Антропологическая концепция права в современном фундаментальном правоведении : теоретико-методологическое содержание и инструментальное значение : монография / В. И. Павлов. – Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2025. – 622 с.
- Харитонов Л. А.* Между интерпретационной свободой и произволом : суд на краю фронта / Л. А. Харитонов // Толкование права : классика и постклассика : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – СПб. : Алетейя, 2024. – С. 305–329.
- Честнов И. Л.* Постклассическая программа культурального измерения права / И. Л. Честнов // Культуральные исследования права : монография / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. – СПб. : Алетейя, 2018. – С. 7–42.
- Юридическая герменевтика в XXI веке : монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. – СПб. : Алетейя, 2016. – 440 с.

References

Alekseev S. S. Theory of law / S. S. Alekseev. – Moscow : Norma, 2001. – 448 p.

Chestnov I. L. Postclassical program for the cultural dimension of law / I. L. Chestnov // Cultural studies of law : a monograph / edited by I. L. Chestnov, E. N. Tonkov. – Saint Petersburg : Aleteya, 2018. – Pp. 7–42.

Kalinina E. Yu. Studying the irrational nature of legal consciousness within the framework of the cultural-anthropological approach / E. Yu. Kalinina // Cultural studies of law / edited by I. L. Chestnov and E. N. Tonkov. – Saint Petersburg : Aleteya, 2018. – Pp. 128–156.

Kharitonov L. A. Between interpretive freedom and arbitrariness : court on the edge of the frontier / L. A. Kharitonov // Interpretation of law : classics and postclassics : a collective monograph / edited by E. N. Tonkov, I. L. Chestnov. – Saint Petersburg : Aleteya, 2024. – Pp. 305–329.

Krupenya E. M. Legitimation in the context of the self-regulation mechanism (using the law of public status of citizens as an example) / E. M. Krupenya // Legitimacy of law / edited by E. N. Tonkov and I. L. Chestnov. – Saint Petersburg : Aleteya, 2019. – Pp. 324–337.

Krupenya E. M. On the importance of linguistic and cultural concepts for the interpretation of law : towards the resources of the cultural research program (using the francophone segment of the romano-germanic legal family as an example) / E. M. Krupenya // Interpretation of law : classics and postclassics : a collective monograph / edited by E. N. Tonkov and I. L. Chestnov. – Saint Petersburg : Aleteya, 2024. – Pp. 211–234.

Legal hermeneutics in the 21st century : a monograph / edited by E. N. Tonkov, Yu. Yu. Vityutnev. – Saint Petersburg : Aleteya, 2016. – 440 p.

Malakhov V. P. Theory of legal consciousness. The experience of formation : a monograph / V. P. Malakhov. – Moscow : UNITY-DANA : Law and Law, 2020. – 335 p.

Pavlov V. I. Anthropological concept of law in modern fundamental jurisprudence : theoretical and methodological content and instrumental significance : a monograph / V. I. Pavlov. – Minsk : Academy of the Ministry of internal affairs of the Republic of Belarus, 2025. – 622 p.

Для цитирования:

Крупеня Е. М. Право как антропологическая реальность: опыт, смысл и человекоцентризм в фундаментальной теории права // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 4(13). С. 7–16.

Recommended citation:

Krupenya E. M. Law as anthropological reality: experience, meaning and human-centrism in fundamental legal theory // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 4(13). Pp. 7–16.

Сведения об авторе

Крупеня Елена Михайловна – главный научный сотрудник Центра исследования права и культуры юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный академический университет гуманитарных наук», доктор юридических наук, доцент

E-mail: elena.krupenya@gaugn.ru

Information about author

Krupenya Elena Mikhailovna – Chief Research Fellow of the Centre for the Study of Law and Culture, Law Faculty, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “State Academic University for the Humanities”, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: elena.krupenya@gaugn.ru

ЭСХАТОЛОГИЯ И УТОПИЯ КАК ИНСТРУМЕНТЫ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ В ИУДАИЗМЕ И ИУДЕО-ХРИСТИАНСТВЕ

Е. В. Калинина

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского;
Приволжский исследовательский медицинский университет*

Поступила в редакцию 15 июня 2025 г.

Аннотация: в условиях социально-политических трансформаций в массовом и научном (социогуманитарном) дискурсе неизбежно активизируется поиск оптимальной политической, социальной и правовой модели. В данный поиск вовлечены не только ученые, практикующие специалисты, но и представители различных социальных групп. Чем более настоятельными становятся трансформационные «встряски», тем большую популярность приобретают мистические, религиозные, эсхатологические и даже утопические «мотивы».

Ключевые слова: эсхатология, апокалиптико-утопические социально-правовые конструкции, иудаизм, иудео-христианство, юридическая антропология.

ESCHATOLOGY AND UTOPIA AS INSTRUMENTS OF SOCIAL AND LEGAL ENGINEERING IN JEWISH AND JEWISH-CHRISTIAN THOUGHT

E. V. Kalinina

*National Research State University of Nizhny Novgorod
named after N. I. Lobachevsky; Privolzhsky Research Medical University*

Abstract: in the context of socio-political transformations, the search for an optimal political, social and legal model is inevitably activated in mass and scientific (socio-humanitarian) discourse. Not only scientists and practicing specialists are involved in this search, but also representatives of various social groups. The more alarming the transformational “shakes” become, the more popular mystical, religious, eschatological and even utopian “motives” appear.

Key words: eschatology, apocalyptic utopian social and legal formation, Judaism, Jewish-Christian thought, legal anthropology.

Выбор проблематики обусловлен, с одной стороны, процессами, происходящими в современном российском обществе, – поиск эффективных мировоззренческих и ценностных опор во избежание разрушения социума изнутри. С другой стороны, современные вызовы солидарности общества и его целостности, пусть и выглядят инновационно, таят в себе скрытые перманентные механизмы управления общественным сознанием.

Не секрет, что манипулятивные технологии воздействия на население постсоветского пространства, помимо инверсии ценностных ориентиров, искажали образы и конструкции допустимого и желательного взаимодействия между индивидами, а также индивидами и коллективным целым – будь то общество или государство. Продвижение трендов *демократизации, псевдо-демократизации и фокуса на защиту прав и свобод человека*, в ущерб *безопасности коллективной*, привело к атомизации и расчеловечиванию масс, и – на данный момент это уже становится очевидным, – грозит разрушением *антропологического кода народов*, для которых *концепты коллективизма и общественной солидарности* изначально превалировали над индивидуализмом. А то, чего не добились либеральная риторика, – дискредитация основ веры (не только религиозной, но и веры в зачатки человеческой гуманности и праведности), удалось завершить путем подмены смысла понятий, переписывания истории и «ревизии» итогов мировых войн и иных антропогенных «встрясок».

Тем не менее не только политические элиты использовали приемы социальной инженерии. Обратимся к историческим примерам активного вовлечения масс в социально-правовое конструирование как реакции на дестабилизацию зоны политического, экономического, социального и правового комфорта.

Утопическая мысль всегда являлась ответной реакцией на осознание несовершенств социального, политического, этического устройства, попыткой выстроить альтернативную реальность. Это граничило порой с эскапизмом: конструирование образа идеальной и гармоничной социальной модели, существующей в ином, вымышленном мире (утопия (дословно – «не существующее место») Т. Мора).

Зачастую утопические сюжеты были основаны на ретроспективе в утраченное прошлое, идеализации общинной «экосистемы» как самодостаточного организма (Индия, Китай, Вьетнам и др.), сохранение традиций которого обеспечивало нравственную индивидуальную и коллективную «чистоту». Отсюда и призывы к рецепции традиционных ценностей.

Примечательно, что помимо универсальных признаков оптимальных моделей (коллективная безопасность, мирное сосуществование, матери-

альное и духовное процветание) каждый этнос наделял такой образ чертами, ассоциировавшимися с собственными специфическими потребностями – возвышенными либо приземленными, – это зависело от среды обитания, условий жизни, степени зрелости самой народности и ряда других обстоятельств.

Характерной закономерностью эпохи существенных социально-политических трансформаций можно считать распространение в массах апокалиптических настроений, неоднократно наблюдавшееся в истории человечества. Один из таких примеров приходится на период формирования почвы для одной из мировых религий (а заодно и новой этико-правовой мировоззренческой конструкции) – *христианства*.

Поскольку особенностью религиозно-правовых учений можно считать гармоничный сплав эсхатологии и утопичности, обратимся к рассмотрению иудейских и раннехристианских апокалипτικο-утопических политико-правовых идей и попыток их реализации.

Специфика древнеиудейских (а впоследствии и раннехристианских) апокалипτικο-утопических концепций, в отличие от «продуктов» мифологического мировоззрения Античности и от моделей идеального общества Нового времени, была связана с неизбежным «концом времен». Существующие социально-правовые модели больше не способны соответствовать архетипическим нравственным максимумам – мировосприятие людей деформировано в результате ценностной деградации общества, в результате чего оно не вправе оставаться деонтологическим мерилом. Иудейские пророки описывали *возможное* новое совершенное общественное устройство *в будущем*, при условии успешного преодоления эсхатологических жертв и испытаний.

В истории иудейской правовой системы обнародование таких апокалипτικο-утопических образов знаменовало печальную кульминацию очередного этапа становления древнееврейской государственности, к сожалению для народа Книги, вызванную его неспособностью придерживаться договорных заповедей. Так, существенный всплеск иудейской утопической мысли, наблюдавшийся в период Первого Храма, был вызван дестабилизацией общества, приведшей к распаду некогда целостного Объединенного Израильского царства на два государства: Израиль и Иудею.

Предложенный иудейскими пророками периода Первого Храма Михой¹ (מִיכָה) (Михеем) и Йешаягу (יְשַׁעְיָהוּ) (Исайей) образ идеального миропорядка, *при условии успешной реализации религиозного проекта социально-правового конструирования*, выглядит, примерно, следующим образом: установление всемирного правления Всевышнего (прямая (непо-

¹ Книга Михи – шестая среди книг «малых» пророков.

средственная) теократия), как следствие – реализация идей справедливости и равенства; народы научатся понимать друг друга и, через осознание истинной ценности человеческой жизни, откажутся от насилия и войн; признание идеи всеобщей безопасности приведет к установлению повсеместного мира, а орудия разрушения и войны будут перепрофилированы на созидательный труд².

И иудеям, и христианам известно приводимое пророком Йешаягу (Исайей) образное описание, представляющее идиллическую картину желаемого будущего благоденствия и мира без насилия: «(6) И волк будет жить (рядом) с агнцем, и леопард будет лежать с козленком; и телец, и молодой лев, и вол (будут) вместе; и маленький мальчик (будет) водить их. (7) И пастишь будут корова с медведем; детеныши их лежать будут вместе; и лев будет есть солому, как вол. (8) И будет играть грудной младенец над норою кобры, и отнятое от груди дитя протянет руку свою к логову гадюки. (9) Не будут делать зла и не будут губить на всей Моей святой горе, ибо полна будет земля знанием Господа, как полно море водами»³.

Следующий этап поиска оптимальной социально-регулятивной модели был запущен после разрушения Первого Храма в 586 г. до н. э. Помимо переосмысления совершенных еврейским народом «ошибок» – выяснения, в чем именно состояло критическое отклонение от Торы, отдельное, более радикальное, направление социально-политической мысли сконструировало «алгоритм» поведения в преддверии «конца времен», который далее был подхвачен отшельническими сообществами, чей опыт представляет собой ценный эмпирический материал ранних коммунистических экспериментов.

Возвращаясь к содержанию и цели иудейских и иудео-христианских эсхатологических утопий, резюмируем базовые требования к достижению последней: конструирование определенной идеологии – этического учения, и, в соответствии с ним, – «общества нового типа» – общности высокоморальных людей, достойных стать «гражданами» государства Всевышнего. Как и в традиционных утопических учениях, здесь не предложены конкретные детали достижения столь амбициозной цели, но даны подсказки воспитательного характера: осуждение формальной власти (светской и религиозной) и ее проявлений, включая признанные религиозные мероприятия (исходная идея: всё, что является атрибутами и проявлением действующей официальной власти (отступившей от исходных этико-религиозных ценностей), так же испорчено и порочно,

² Йешаягу (Исайя), 2:2-4: «2. И будет, в последствии дней утвердится гора дома Господня как вершина (всех) гор, и возвысится над холмами, и устремятся к ней все народы. [...] 4. И рассудит Он народы, и даст поучение многим народам; и перекуют они мечи свои на орала, и копыя свои – на садовые ножницы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать».

³ Книга пророка Исайи 11:6-9.

как и сама эта власть). В отсутствие «чистого», неоскверненного культового пространства и в ожидании установления прямой теократии следует возводить храм Всевышнему в собственной душе. Этому должно способствовать переосмысление персональных мотивов принимаемых решений, а поскольку предполагаемая конструкция объективируется в социуме, требуется и внешняя демонстрация готовности индивида к определенным жертвам ради достижения столь высокой цели. В связи с этим типичным для таких апокалиптических общин становится отказ от устоявшихся характерных составляющих комфорта: не только от роскоши, но и от частной собственности вообще. Здесь, однако, имеется в виду отказ от персональной собственности в пользу создания собственности коллективной, но отдельно взятой общины. Зачастую это сопровождалось и разрушением ранее возникших брачных уз, что можно было бы расценить как противоречие идее консолидации общины, ведь именно семья в рамках традиционного мировосприятия является базисом любого социума. Можно лишь предположить, что в представлении столь критично настроенных отшельнических общин семья, возникшая согласно канонам и регуляторам развращенного общества, изначально порочна.

Иудейские и иудео-христианские утопические идеи оставили след в истории политико-правовых учений благодаря не столько своей новизне, сколько попыткам их реализации.

Во второй половине XX в. американский политолог и религиовед, Майкл Баркун, исследовавший истоки христианской идентичности через призму конспирологических воззрений, используя термин «коммунальные эксперименты», охарактеризовал апокалиптические общины, перечислив следующие их признаки: наличие организованности, осознанность выбора, относительная самодостаточность общинной системы, «групповое проживание» и наличие объединяющей цели: реализация идеальных общественных отношений⁴.

Профессор Э. Я. Баталов, в результате проведенного в конце XX в. масштабного анализа утопических конструкций, предложил свое определение утопических коммун и сформулировал их характерные черты. По его мнению, утопична сама природа таких сообществ, ибо они ставят перед собой практически невыполнимую миссию – воплотить образ идеального социума, вопреки исторической, политической, правовой парадигмам; попытаться «жить “по утопии”», что идет вразрез с «господствующими в обществе целями, принципами и нормами»⁵.

⁴ См.: *Barkun M. Communal Societies as Cyclical Phenomena // Communal Societies. 1984. Vol. 4. P. 35.*

⁵ *Баталов Э. Я. В мире утопии : пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989.*

Несмотря на признание неизбежного поражения подобных экспериментов, Э. В. Баталов в 4-м Диалоге перечислил условия жизнеспособности коммунитарных экспериментов, большинство из которых вполне применимы и к реалиям иудейских и раннехристианских утопических сообществ: религиозно-сектантская сущность общины; отказ от индивидуальной собственности в пользу коллективной; отказ от института брака; харизматичность духовных предводителей и авторитарность в принятии решений, что снимает ответственность с рядовых общинников (прим. – Е. К.); социальная однородность; единообразие трудовой деятельности и относительно невысокий уровень культуры и самосознания общинников. При этом эффективным формирующим фактором выступает этика и психология труда. Ученый также обозначил еще один существенный компонент успешной и долгосрочной реализации коммунитарных проектов – коллективная память о ранее испытанных религиозных гонениях, «постоянно стимулируемая в процессе социализации» общинников.

Причины ограничений, предусмотренных в коммунитарно-утопическом конструировании, вполне понятны: создатели таких социальных конструкций стремятся упразднить или же свести к минимуму стимуляторы развития человеческих пороков, способных привести к дестабилизации общества: осознанный отказ индивида от персональной собственности и переход на совместное использование материальных благ призваны были обеспечить ощущение равноправия и солидарности внутри общины; общеобязательный физический труд и такие же общеобязательные совместные религиозные мероприятия воспринимались в качестве воспитательных инструментов – прививание дисциплины и единой идеологии должны были гарантировать ожидаемый идеальный результат: появление новой высоконравственной общности, когда каждый будет соблюдать *божественные заповеди, не искажая смысл религиозно-правовых рекомендаций, и руководствоваться естественным правом. В итоге отпадет необходимость в механизме сдерживания: люди не будут больше нуждаться в ограничительных и запретительных нормах.*

Привлекательность религиозно-утопических концепций в целом обусловлена надеждой на достижение (пусть даже в далеком будущем) социального, политического и правового равенства. Духовные этико-правовые предписания адресованы всем без исключения. Более того, воспитательный компонент таких идеологических конструкций состоит в возложении большей ответственности на специальных субъектов – лиц, наделенных хоть какой-то властью и влиянием.

Ценность и уникальность религиозных апокалиптико-утопических идей несмотря на примитивную доктринальную основу, заключаются

в большом эмпирическом потенциале: описания ожидаемого будущего представлены не в трактатах ученых, а вплетены в тексты Священных писаний в качестве видений пророков, а также закреплены в учредительных коммунитарных актах. Да, можно критиковать недостаточную проработку алгоритма достижения образа желаемого будущего, однако тем и характерна утопия (в отличие от антиутопии) – обрисовкой канвы, без излишних деталей.

Библиографический список

Баталов Э. Я. В мире утопии : пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах / Э. Я. Баталов. – М. : Политиздат, 1989. – 319 с.

Каутский К. Античный мир, иудейство и христианство / К. Каутский. – СПб. : Издательство «Шиповник», Типография «Т-ва Андерсона и Лойцянского», 1909. – 414 с.

Мень А. На пороге Нового Завета / А. Мень. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – 800 с.

Пятикнижие и гафтарот / коммент. д-ра Й. Герца. – М. : Изд-во «Мосты Культуры» ; Иерусалим : Феор ; Гешарим, 2001. – 1455 с.

Салыгин Е. Н. Теократическое государство / Е. Н. Салыгин. – М. : Центр конституц. исслед. Мос. Обществ. Науч. Фонда, 1999. – 127 с.

Свентоховский А. История утопии / А. Свентоховский. – М. : Типография В. М. Саблина, 1910. – 426 с.

Шифман Л. От Текста к Традиции – История Иудаизма в эпоху Второго Храма, Мишны и Талмуда / Л. Шифман. – М. : Мосты культуры, 2002. – 275 с.

Barkun M. Communal Societies as Cyclical Phenomena / M. Barkun // Communal Societies. – 1984. – Vol. 4. – Pp. 35–48.

Kanter R. M. Commitment and Community / R. M. Kanter. – Boston, MA : Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1972. – 303 p.

References

Barkun M. Communal Societies as Cyclical Phenomena / M. Barkun // Communal Societies. – 1984. – Vol. 4. – Pp. 35–48. [In Engl.]

Batalov E. Ya. In the World of Utopia : Five Dialogues on Utopia, Utopian Consciousness, and Utopian Experiments / E. Ya. Batalov. – Moscow : Politizdat, 1989. – 319 p.

Kanter R. M. Commitment and Community / R. M. Kanter. – Boston, MA : Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1972. – 303 p. [In Engl.]

Kautsky K. The Ancient World, Judaism, and Christianity / K. Kautsky. – St. Petersburg : Rosehip Publishing House, Anderson and Loitsyansky Printing House, 1909. – 414 p.

Men A. On the Threshold of the New Testament / A. Men. – Moscow : Eksmo Publishing House, 2005. – 800 p.

Salygin E. N. Theocratic State / E. N. Salygin. – Moscow : Center for Constitutional Research of the Moscow Society of Scientific Research, 1999. – 127 p.

Shifman L. From Text to Tradition : a History of Judaism in the Era of the Second Temple, Mishnah, and Talmud / L. Shifman. – Moscow : Mosty Kultury, 2002. – 275 p.

Swientochowski A. History of Utopia / A. Swientochowski. – Moscow : V. M. Sablin Printing House, 1910. – 426 p.

The Pentateuch and Haftarah / commentary by Dr. J. Hertz. – Moscow : Bridges of Culture Publishing House ; Jerusalem : Feor ; Gesharim, 2001. – 1455 p.

Для цитирования:

Калинина Е. В. Эсхатология и утопия как инструменты социально-правового конструирования в иудаизме и иудео-христианстве // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 4(13). С. 17–24.

Recommended citation:

Kalinina E. V. Eschatology and utopia as instruments of social and legal engineering in Jewish and Jewish-Christian thought // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 4(13). Pp. 17–24.

Сведения об авторе

Калинина Евгения Валерьевна – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Приволжского исследовательского медицинского университета, доктор юридических наук, профессор

E-mail: ev_kalinina22@mail.ru

Information about the author

Kalinina Evgenia Valerievna – Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, National Research State University of Nizhny Novgorod named after N. I. Lobachevsky, Professor of the Department of Public Health and Health Care, Privolzhsky Research Medical University, Doctor of Legal Sciences, Professor

E-mail: ev_kalinina22@mail.ru

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ И ЗАКОНА В КИТАЙСКОМ ПРАВОСОЗНАНИИ

Н. В. Малиновская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 декабря 2025 г.

Аннотация: в статье анализируется роль и значение образов власти, закона, наказания, государства в китайском правосознании. Автор показывает происхождение и символизм образа власти, а также его нумерологические характеристики и их природу в китайском обществе. Отмечается, что западноевропейские исследователи склонны формировать негативный образ закона и права в китайском государстве. На примере отдельных символов закона и справедливости автор показывает, что само понятие закона в Древнем Китае необязательно связано с понятием наказания и не несет в себе выраженного негативного смыслового контекста.

Ключевые слова: право, закон, справедливость, суд, китайское правосознание, сечжи, цилинь, ван, императорская власть.

IMAGES OF POWER AND LAW IN CHINESE LEGAL CONSCIOUSNESS

N. V. Malinovskaya

Voronezh State University

Abstract: this article analyzes the role and significance of the images of authority, law, punishment and the state in Chinese legal consciousness. The author demonstrates the origin and symbolism of the image of authority, as well as its numerological characteristics and their nature in Chinese society. It is noted that Western European scholars tend to form a negative image of law and justice in the Chinese state. Using individual symbols of law and justice as examples, the author demonstrates that the very concept of law in ancient China was not necessarily associated with the concept of punishment and did not carry a pronounced negative connotation.

Key words: law, justice, court, Chinese legal consciousness, xièzhì, qílín, wang, imperial authority.

Правовая система КНР основана на уникальном сочетании древних правовых традиций, восходящих к моральной философии даосизма и конфуцианства, и современного правового регулирования с восприятием западных правовых традиций, механизмов рыночной экономики и свободной конкуренции. Характерно, что новые тенденции правового регулирования, пришедшие из континентального права, не подменили собой уже сложившихся основ функционирования права и государства в Китае, но только укрепили традиционные государственно-правовые устои. Всё это во многом обусловлено особым правовым менталитетом, отношением к власти и закону, которые складывались в китайском обществе на протяжении тысячелетий и имеют корни в глубокой древности. Их понимание особенно важно для объективной оценки европеизированных суждений о китайской правовой системе, которые позволяют отдельным исследователям утверждать, что «история права в Китае – это в значительной степени история его отсутствия или ограничения»¹. В современных условиях, когда китайское правовое регулирование складывается достаточно успешно для того, чтобы не препятствовать развитию рыночных начал экономики и активным инвестиционным процессам, одним из первых оформляет использование искусственного интеллекта в правовом пространстве, следует, как минимум, более внимательно относиться к резким оценкам и шаблонным суждениям о китайском праве.

Основы восприятия закона закладываются уже в шанско-иньский период, когда законодательные нормы еще не выделяются из общей системы социальных норм, среди которых доминируют нормы этического характера, обязывающие к уважению старших, преклонению перед знатностью рода, преданности правителю (вану). В конце периода – к XII–XI вв. до н. э. – приказы вана уже становятся обязательными велениями, не подлежащими обсуждению. Воля вана приравнивается к закону, а философия конфуцианства и легизма лишь укрепляет такое убеждение. Если по Конфуцию веления вана всегда морально оправданы и обязательны к исполнению как квинтэссенция патриархального общества, поскольку они имеют целью благо всего народа как единой семьи, то легисты добавляют к пониманию закона выраженный карательный элемент.

Школа легистов, складывающаяся в IV–III вв. до н. э. в период Чжаньго, дополняет философско-правовую мысль Китая идеей равенства перед законом. Но она значительно отличается от европейского аналога и возникает не в результате развития учения о справедливости, а в сугубо прагматических целях – ослабить привилегии местного чиновничества ради укрепления положения центральной власти: «Правитель и чиновники, высшие и низшие, знатные и подлые – все должны следовать

¹ Рулан Н. Историческое введение в право. М., 2005.

закону»². Характерно, что при этом в политико-правовом учении легизма воля вана стоит выше идеи равенства. Он не может быть связан законом, поскольку сам и является единственным источником закона. В этом в определенной степени выражается и понимание справедливости или, скорее, залога сохранения гармонии мироздания.

В период династии Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.) происходит слияние конфуцианства и легизма. Формально доминирующим учением становится ортодоксальное ханьское конфуцианство. Оно создает специфическую комбинаторику норм морали и обычаев («ли») и закона («фа»): «там, где не работает “ли”, надо применять “фа”; что наказуемо по “фа”, не может быть дозволено по “ли”; что позволено по “ли”, не может быть наказуемо по “фа”»³. Такой симбиоз морали и закона на практике во многом усиливает противопоставление «ли» и «фа»: морально-этический компонент социальных норм рассматривается как самостоятельный регулятор, который иногда может быть дополнен наказанием; закон воспринимается как чужеродный, вынужденный регулятор – порождение «варварской культуры».

Развитие «фа» в дальнейшем происходит в репрессивном ключе. Самые первые китайские законы имеют вид сборников норм уголовного права⁴. Появление первого полного уголовного кодекса, насчитывающего порядка 3000 статей, относят в Китае к X в. до н. э. В одном из первых найденных письменных сборников – «Обзрении законов» (VI в. до н. э.) – ключевым является понятие наказания – «у син», которое разделяется на 5 жестоких разновидностей – татуирование, отрезание носа, кастрация, отрезание ноги и смертная казнь⁵.

Другой памятник права – «Книга законов царства Вэй» – также содержит преимущественно нормы уголовного права: законы о наказаниях воров и разбойников, о поимке преступников и заключении в тюрьму, об орудиях казни и пыток. Дополнения к данному своду законов, осуществленные после его создания, относятся к государственному управлению и не затрагивают расширения прав и возможностей частных лиц.

В целом из текстов древних китайских законов нельзя сделать вывод о развитии регулирования частнопроводных отношений. Безусловно, само по себе это не свидетельствует об их отсутствии на практике. Но государство явно не было заинтересовано в их развитии и упорядочении. О ре-

² Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981. С. 45.

³ См.: Ковлер А. И. Антропология права. М., 2002. (Цит. по: Ишкуватова Л. М., Ткаченко А. В. Категории «ли» и «фа» в правовом поле традиционного Китая // Гуманитарные исследования. 2015. № 3(7). С. 22.)

⁴ Ишкуватова Л. М., Ткаченко А. В. Указ. соч.

⁵ См.: Кучера С. «Гласные» и «негласные» законы Древнего Китая // Общество и государство в Китае. М., 2014. Т. XLIV, ч. 2. С. 53.

прессивном характере развития права не только в текстах законов, но и в практике их применения говорит и довольно раннее развитие розыскной формы судебного процесса.

В отличие от репрессивных тенденций развития законодательства идеи конфуцианской морали всегда были ближе к обществу и формировали незримую связь поколений, преемственность традиций регулирования общественных отношений и стабильность ценностей китайского общества. По мнению П. В. Трощинского, даже в период образования Китайской Народной Республики в 1949 г. «несмотря на кажущийся полный слом традиционных представлений китайцев о нравственных ценностях через призму конфуцианского наследия, на каком-то глубоком ментальном уровне руководители коммунистического Китая и обычные граждане тем не менее продолжали жить многовековыми ценностями»⁶. Подтверждение этому ученые находят в идеях политических лидеров Китая и, в частности, высказываниях Мао Цзэдуна⁷.

В условиях современности идеи конфуцианства проявляют себя в доминирующем на практике убеждении о недопустимости или нежелательности обращения в суд за восстановлением своих интересов. Логика заключается в том, что внутренний, индивидуальный баланс частных интересов не может быть восстановлен путем разрушения общественной гармонии и баланса публичных интересов. Главным принципом является сохранение гармонии целого, что невозможно на основе собственных «эгоистических» интересов. Именно потому публичное разбирательство споров и разногласий нежелательно – необходимо их урегулирование без широкого общественного резонанса. Рядовые китайцы, как правило, стоят на «почтительном расстоянии от права» и стремятся «сохранить лицо», т. е. не вызвать осуждение знакомых через нарушение моральных норм. При этом нарушение правовых норм на практике может быть морально оправдано – в частности, если другая сторона спора не принадлежит к китайскому обществу, а является порождением внешней инородной культуры: так, широко известны негласно одобряемые в народе практики «обмана иностранцев» в торговых отношениях⁸.

В конфуцианской философии берет начало и современное отрицательное отношение к идее доминирования строгой, абстрактной нормы, поскольку китайцы исходят из индивидуального характера каждой ситуации и, следовательно, подходящего для нее решения. В свою оче-

⁶ Трощинский П. В. Влияние традиции на право современного Китая // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 95.

⁷ См.: Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права : в 2 т. М., 2011. Т. 2. С. 293.

⁸ См.: Трощинский П. В. Указ. соч. С. 99–100.

редь, решение должно иметь своей целью компромисс, на который идут обе стороны: подчинение бездушной норме не поможет сохранить гармонию общественных отношений. В связи с этим акценты на стремление к компромиссу нередко смещаются на ту сторону, права которой нарушены или которая является инициатором разбирательства спора (особенно ярко это проявляется в семейных и трудовых правоотношениях). Таким образом, с одной стороны, понимание закона (права) в Китае не содержит идеи компромисса в своей основе (закон является выражением компромисса сильных и слабых сторон в западном понимании права), но фактически сам факт существования закона подталкивает стороны к поиску компромисса, причем, скорее, вне правовой сферы. В данном случае опять превалирует идея общественной гармонии, которая не должна быть нарушаема возведением в абсолют необходимости защиты частных прав: если человек желает отстоять свои права, необходимо делать это с наименьшим уроном для общества, внутреннему балансу которого вредны частые и длительные споры.

Можно сделать вывод об отсутствии в китайской правовой традиции идеи исключительности, особого положения закона, что, тем не менее, не отменяет уважения и необходимости следования ему. На протяжении веков складывалась практика, когда китайские чиновники, вершившие суд, не были обязаны знать закон и не контролировались кем-либо на предмет таких знаний. «В вопросе о том, как воспитывать профессиональные судебные кадры, статус цзин (конфуцианская классика) становился всё более важным, чем люй (законы)»⁹. Китайские чиновники тестировались на предмет знания священных текстов, в то время как знание самого права не было столь необходимым. Китайской истории известен юридический экзамен «минфа», но сама необходимость его сдачи рассматривалась китайской политико-правовой мыслью пренебрежительно. Успешное прохождение «минфа» рассматривалось как «маленький путь», следуя которому можно стать специалистом только низкого уровня. Обосновывалось даже отсутствие необходимости в «минфа»: «...чиновники, знакомые с этикетом и праведностью, естественно понимают значение права»¹⁰. Именно такой образ судьи следует из китайской литературы¹¹.

Такая практика только подтверждает степень удаленности китайского права от соблюдения идеи равенства. В Китае существует поговорка: «Господского сына не казнят на дворцовой площади», – которая емко

⁹ Хао Т. Конфуцианизация судей в Древнем Китае // Юридическая наука в Китае и России. 2024. № 7. С. 61.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Саракаева Э. А. Легенда о судье Бао и конфуцианский идеал судопроизводства // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1(1).

и образно выражает идею социального неравенства как исконно традиционную. Китайской истории государственного управления известна роль «силы тени», обозначающей близость или степень родства по отношению к чиновнику. На практике при назначении наказания чиновник и его родственники могли претендовать на замену наиболее тяжелых наказаний (смертная казнь, каторга) более мягкими (лишение должности и титула). Наиболее влиятельной считалась «тень» императора, которая охватывала более 100 000 человек и могла способствовать смягчению им наказания только на одном лишь принципе родства¹².

Таким образом, формирование убеждения во второстепенности закона, использование в регулировании общественных отношений самых разных (в том числе неправовых) механизмов имеют глубокие исторические корни. Расхождение нормы закона и правоприменительной практики, в первую очередь по отношению к чиновникам, неоднократно описывается в различных исследованиях¹³.

В современности это проявляется в особом соотношении правотворчества и правоприменения в КНР. Высший законодательный орган – Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) – в полном составе функционирует довольно редко, не более 1 месяца в год. Основные законодательные полномочия осуществляет Постоянный комитет ВСНП. Так называемые «административные законы» издает высший орган исполнительной власти – Государственный совет. На практике именно акты Госсовета и подконтрольных ему министерств доминируют в правовом регулировании. Законы в целом немногочисленны и играют довольно общую, направляющую роль в правовом регулировании. В этом можно было бы усмотреть сходство с западной ролью закона, который и рассматривается как наиболее общий регулятор важнейших общественных отношений. Но отсутствие судебного контроля законодательной власти в Китае, а равно значительный вес актов Коммунистической партии, без знания которых невозможно разобраться в современном китайском правовом регулировании, делают такую аналогию невозможной.

Тем не менее, при всех выраженных отличиях от западной концепции права, китайская правовая система отличается устойчивостью и поступательностью развития. Она успешно сочетает в себе верность тра-

¹² См.: Шубаро О. В. Традиционная правовая система в Китае и современность // 3 междунар. науч. конф. «Беларусь – Китай. Китай в современном мире». Минск, 2011. Вып. 11 // Электронная библиотека БГУ. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/11929/1/Шубаро%20%20.%20В.%20Традиционная%20правовая%20культура%20в%20Китае%20и%20современность.pdf>

¹³ См., напр.: Саракаева А. А. Убийство неподкупного инспектора. Нравственное сознание и правоприменительная практика в цинском Китае // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1(1).

дициям (конфуцианство), развитие (социализм) и прагматизм (восприятие механизмов регулирования как романо-германской, так и англо-американской правовых систем). Думается, что такая правовая система должна обладать известной гибкостью, которая в принципе и является исконным свойством права, а также вряд ли может ставить репрессивный характер закона в исключительный приоритет.

Обратимся к первоначально обозначенной негативной оценке Н. Руланом китайского права. Оно во многом базируется на специфической трактовке европейскими исследователями самой сущности права через понятие закона и его символику в Древнем Китае. Поскольку иероглифическая китайская письменность сложна и один иероглиф может быть многосоставным по значению входящих в него элементов, то именно их смысл и становится объектом толкования.

Так, для обозначения закона в Китае используются преимущественно два понятия: «фа» (fǎ) и «люй» (lǜ).

Чаще всего европейскими исследователями за основу берется именно «фа», использовавшийся еще в конфуцианской философии. В его составе усматривают «однорогого барана», пронзающего виновного своим рогом, или «воду», в которую бросают преступника. В итоге формируется репрессивный, карательный образ права, весьма далекий от европейского его понимания.

Тем не менее составным элементам понятия «фа» (fǎ) можно дать и другое объяснение. Современный (упрощенный) иероглиф «фа» (fǎ) происходит от своего древнекитайского источника, в верхней части которого можно усмотреть полноценный элемент «чжи» (zhì) и в нижней – современный иероглиф «фа» (fǎ) (рис. 1).

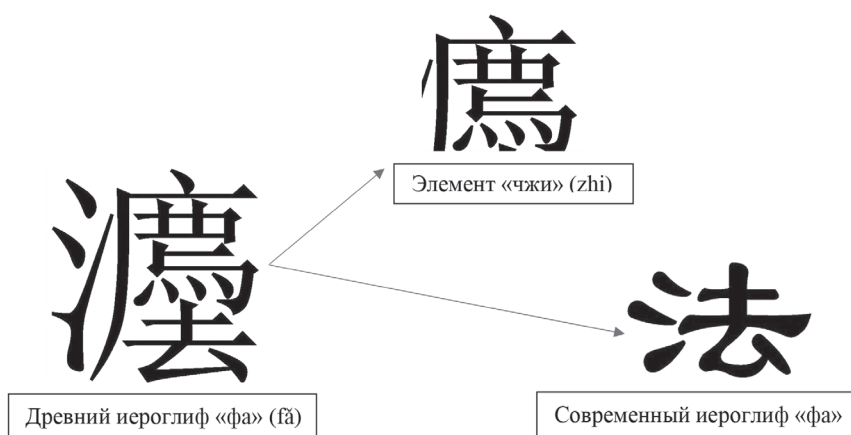

Рис. 1. Китайский иероглиф «фа» (fǎ) в древнем и современном изображении

Наибольший интерес в данном случае представляет элемент «чжи» (zhi) данного иероглифа. Он является составной частью понятия «сечжи» (xièzhì), которое обозначает мифическое существо, сочетающее в себе признаки одновременно нескольких животных (как минимум, единорога, быка, дракона, льва) и символизирующее справедливое правосудие. Именно с ним западные исследователи ассоциируют претворение в жизнь смертной казни путем поражения виновного рогом. Между тем, образ «сечжи» (другой термин – «цилинь» (qílín) в китайской литературе гораздо более глубок и сложен. Среди ученых нет единства мнений об источнике данного образа – его реальном прототипе или основной модификации: одни полагают, что «цилинь» возник из трансформации представлений о драконе, другие – об олене, третьи считают его смешением свойств разных животных как олицетворение размытых представлений первых людей об окружающем мире¹⁴. При различных описаниях «цилиня» его доминирующий образ сводится к представлениям о торжестве справедливости, восстановлении равновесия и гармонии (рис. 2).

Рис. 2. Различные изображения «сечжи» («цилиня»)
 Источники изображений: <https://library.ucsd.edu/dc/object/bb5267030n>; <https://mythological-creations.fandom.com/ru/wiki/Цилинь>
 (дата обращения: 01.12.2025)

¹⁴ См.: Сомкина Н. А. Историческая морфология цилиня // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2008. Вып. 3, ч. II. С. 272–273.

Термин «сечжи» используется как аналог «цилиня» или одна из его разновидностей. По некоторым данным именно «сечжи» фигурирует в преданиях о мудром судье Гао Яо, который славился своей справедливостью и безошибочностью решений. Он описывается как «одноногий баран», который поражал или указывал своим рогом на виновного. Именно «сечжи» обеспечивал торжество правосудия Гао Яо. Более поздние исследователи перестали относить «сечжи» к особой разновидности «цилиня» со специфическими свойствами и рассматривали его как полный аналог. Изображения «сечжи», или «цилиня», подчас бывают весьма различными. Но интересен тот факт, что описания данного мифического животного в целом, скорее, миролюбивы. Более того, в подробных описаниях можно найти комментарии о том, что рог «сечжи» представлял собой кожаный нарост, который по самим своим свойствам не мог причинить вред или, тем более, умертвить кого-либо. Основное назначение «цилиня» заключалось в утверждении объективной истины, справедливости и гармонии.

Таким образом, можно сделать вывод, что образ «цилиня» в китайском правосознании не слишком далек от европейского «единонога» – олицетворения не только чистоты, веры и справедливости, но и силы, строгости, воинственности и решительности для стремительного поражения (кары) виновного.

Образ «сечжи» («цилиня») связан с законом не только иероглифически, но и через практику судопроизводства. Известно, что судьи, начиная с периода Чуньцю и включая династии Мин и Цин, носили специальный головной убор – так называемую «шляпу сечжи»¹⁵, которая олицетворяла торжество справедливости и объективность судебного разбирательства (рис. 3).

獬豸冠

Рис. 3. «Шляпа сечжи»

Источник изображения: http://www.china.org.cn/opinion/2013-11/26/content_30711101_2.htm

¹⁵ China's law and the symbol of justice : Xie Zhi. URL: http://www.china.org.cn/opinion/2013-11/26/content_30711101_2.htm

Интересно, что визуализация «сечжи» в правовом контексте наглядно выражается в древней китайской письменности, на примере которой видно, как происходило изменение первоначальных графических изображений предметности в классический иероглиф «фа» (рис. 4).

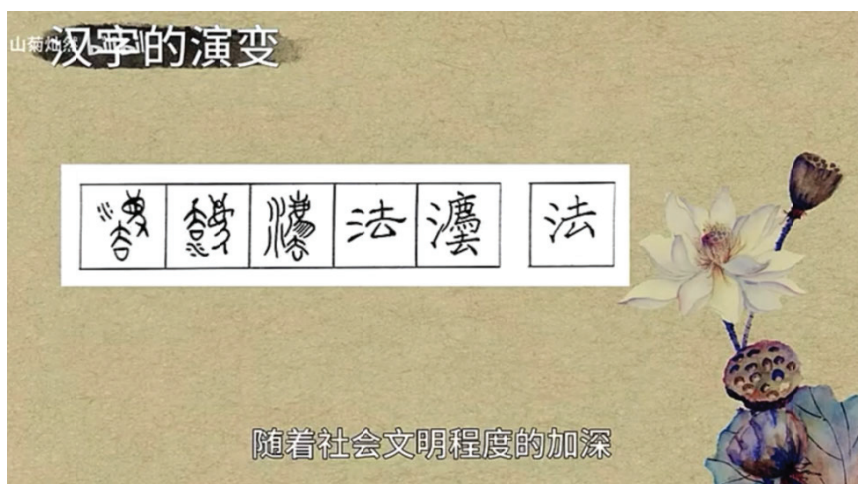

Рис. 4. История изменения написания иероглифа «фа» («закон»)
Изображение взято из открытых источников

На первом рисунке слева явно изображены человек и животное, напоминающее «цилия», а всё происходящее олицетворяет судебный процесс и поиск справедливого судебного решения, и именно эта процедура является «сердцевиной» иероглифа «фа» («закон»).

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод, что правильное понимание образа права в Китае, специфики его развития и действия на протяжении многих веков, преломления в условиях современности и измененной в середине XX в. правовой системы невозможно без серьезного погружения, прежде всего, в китайскую правовую культуру и ее традиции. Только через выявление антропологических особенностей действия права можно прийти к объективным и непредвзятым умозаключениям, правильно поняв основы устойчивости и преемственности развития китайского права.

Библиографический список

Ишкуватова Л. М. Категории «ли» и «фа» в правовом поле традиционного Китая / Л. М. Ишкуватова, А. В. Ткаченко // Гуманитарные исследования. – 2015. – № 3(7). – С. 20–23.

Ковлер А. И. Антропология права / А. И. Ковлер. – М. : Норма, 2002. – 480 с.

Кучера С. «Гласные» и «негласные» законы Древнего Китая / С. Кучера // Общество и государство в Китае. – М. : ИВ РАН, 2014. – Т. XLIV, ч. 2. – С. 40–113.

Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права : в 2 т / В. И. Лафитский. – М. : Статут, 2011. – Т. 2. – 413 с.

Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая / Л. С. Переломов. – М. : Изд-во «Наука», 1981. – 330 с.

Рулан Н. Историческое введение в право / Н. Рулан. – М. : NOTA BENE, 2005. – 667 с.

Саракаева А. А. Убийство неподкупного инспектора. Нравственное сознание и правоприменительная практика в цинском Китае / А. А. Саракаева // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2022. – № 1(1). – С. 46–58.

Саракаева Э. А. Легенда о судье Бао и конфуцианский идеал судопроизводства / Э. А. Саракаева // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2022. – № 1(1). – С. 27–32.

Сомкина Н. А. Историческая морфология цилиня / Н. А. Сомкина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. – 2008. – Вып. 3, ч. II. – С. 272–276.

Трощинский П. В. Влияние традиции на право современного Китая / П. В. Трощинский // Журнал российского права. – 2014. – № 8. – С. 94–106.

Хао Т. Конфуцианизация судей в Древнем Китае / Т. Хао // Юридическая наука в Китае и России. – 2024. – № 7. – С. 60–65.

Шубаро О. В. Традиционная правовая система в Китае и современность / О. В. Шубаро // 3 междунар. науч. конф. «Беларусь – Китай. Китай в современном мире». Минск, 2011. Вып. 11 // Электронная библиотека БГУ. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/11929/1/Шубаро%2C%20O.%20V.%20Традиционная%20правовая%20культура%20в%20Китае%20и%20современность.pdf>

References

Hao T. Confucianization of Judges in Ancient China / T. Hao // Legal Science in China and Russia. – 2024. – No. 7. – Pp. 60–65.

Ishkuvatova L. M. The Categories of Li and Fa in the Legal Field of Traditional China / L. M. Ishkuvatova, A. V. Tkachenko // Humanitarian Research. – 2015. – No. 3(7). – Pp. 20–23.

Kovler A. I. Anthropology of Law / A. I. Kovler. – Moscow : Norma, 2002. – 480 p.

Kuchera S. “Spoken” and “Unspoken” Laws of Ancient China / S. Kuchera // Society and State in China. – Moscow : Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2014. – Vol. XLIV, part 2. – Pp. 40–113.

Lafitsky V. I. Comparative Law in Images of Law : in 2 vol. / V. I. Lafitsky. – Moscow : Statut, 2011. – Vol. 2. – 413 p.

Perelomov L. S. Confucianism and Legalism in the Political History of China / L. S. Perelomov. – Moscow : Nauka Publishing House, 1981. – 330 p.

Rulan N. Historical Introduction to Law / N. Rulan. – Moscow : NOTA BENE, 2005. – 667 p.

Sarakaeva A. A. The Murder of an Incorruptible Inspector. Moral Consciousness and Law Enforcement Practice in Qing China / A. A. Sarakaeva // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2022. – No. 1(1). – Pp. 46–58.

Sarakaeva E. A. The Legend of Judge Bao and the Confucian Ideal of Legal Proceedings / E. A. Sarakaeva // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2022. – No. 1(1). – Pp. 27–32.

Shubaro O. V. Traditional Legal System in China and Modernity / O. V. Shubaro // 3rd Int. Scientific Conf. “Belarus – China. China in the Modern World”. – Minsk, 2011. – Issue 11 // Electronic Library of BSU. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/11929/1/Шубаро%2С%20О.%20В.%20Традиционная%20правовая%20курса%20в%20Китее%20и%20средность.pdf>

Somkina N. A. Historical Morphology of Qilin / N. A. Somkina // Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. – 2008. – Iss. 3, part II. – Pp. 272–276.

Troshchinsky P. V. The Influence of Tradition on the Law of Modern China / P. V. Troshchinsky // Journal of Russian Law. – 2014. – No. 8. – Pp. 94–106.

Для цитирования:

Малиновская Н. В. Образы власти и закона в китайском правосознании // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 4(13). С. 25–36.

Recommended citation:

Malinovskaya N. V. Images of power and law in Chinese legal consciousness // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 4(13). Pp. 25–36.

Сведения об авторе

Малиновская Наталья Владимировна – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: ilbas@mail.ru

Information about author

Malinovskaya Natalia Vladimirovna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: ilbas@mail.ru

КРИТИКА ИДЕИ ОТРАСЛЕВОГО ПРИОРИТЕТА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ КОЛЛИЗИОННОЙ МАКСИМЫ

А. А. Петров

*Семнадцатый арбитражный апелляционный суд,
Самарский государственный экономический университет*

Поступила в редакцию 10 декабря 2025 г.

Аннотация: цель настоящей статьи¹ заключается в том, чтобы аргументированно продемонстрировать, что концепцию так называемого отраслевого приоритета, т. е. приоритета закона, специально предназначенного для регулирования определенной сферы деятельности, нельзя использовать ни в качестве самостоятельного принципа преодоления коллизий в праве, ни как вариации коллизионных максим *lex specialis* и *lex superior*. В своем исследовании автор прибегает к различным общим и специальным методам познания, в частности, системному подходу, концептуально-понятийному анализу, юридико-догматическому методу, юридической герменевтике и сравнительно-правовому анализу. Автор анализирует доктринальные положения и судебную практику для обоснования несостоятельности концепции отраслевого приоритета нормативно-правового акта. В статье утверждается и аргументируется, что идея так называемого отраслевого приоритета безосновательно усложняет систему коллизионных максим *lex superior – lex specialis – lex posterior*, которая является необходимой и достаточной для преодоления сложных коллизий во внутригосударственном праве. Отраслевой приоритет, как антитеза и логическое развитие идеи предметной иерархии нормативно-правовых актов, не может образовывать новых уровней в формальной иерархии последних. При этом как таковая идея закона, специально предназначенного для регулирования определенной сферы общественных отношений, не может рассматриваться как ответвление концепции *lex specialis*: базис такой идеи – преимущество формы объективного права над его содержанием – игнорирует основания приоритета специальной нормы над общей. В заключении автор акцентирует внимание на подрывном характере идеи отраслевого приоритета для современной системы преодоления сложных коллизий норм права.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01893 (<https://rscf.ru/project/24-28-01893/>).

© Петров А. А., 2025

Ключевые слова: отраслевой приоритет, сложная коллизия норм права, правовые максимы, *lex specialis*, *lex superior*, *lex posterior*, совпадение коллизий.

CRITICISM OF THE IDEA OF SECTORAL PRIORITY AS A SEPARATED LEGAL CONFLICT MAXIM

A. A. Petrov

*Seventeenth Arbitration Court of Appeal,
Samara State University of Economics*

Abstract: the purpose of the article is to demonstrate in a reasoned manner that the concept of so-called sectoral priority, i.e. the priority of an act specifically designed to regulate a particular field of activity, cannot be used either as an independent principle for overcoming conflicts in law, or as variations of the conflict-of-norms maxims *lex specialis* and *lex superior*. In this research the author uses various general and special methods, in particular, the systematic approach, conceptual and conceptual analysis, the legal and dogmatic method, legal hermeneutics and comparative legal analysis. The author analyzes the doctrinal provisions and judicial practice to substantiate the baselessness of the conception of the sectoral priority of the legal acts. Such idea, as the article argues, unreasonably complicates the system of conflict-of-norms maxims *lex superior* – *lex specialis* – *lex posterior*, which is necessary and sufficient to overcome complex conflicts in domestic law. The sectoral priority, as the antithesis and logical development of the idea of a subject hierarchy of legal acts, cannot form new levels in the formal hierarchy of the latter ones. At the same time, as such, the idea of a law specifically designed to regulate a certain sphere of public relations cannot be considered as an offshoot of the *lex specialis* conception: its basis – the superiority of the form of objective law over its content – ignores the grounds for the priority of a special norm over a general one. In conclusion the author focuses on the subversive nature of the idea of sectoral priority for modern system of overcoming complex conflicts of law.

Key words: sectoral priority, complex legal conflict, legal maxim, *lex specialis*, *lex superior*, *lex posterior*, concurrence of legal conflicts.

Известно, что в доктрине помимо традиционных коллизионных максим *lex specialis*, *lex superior* и *lex posterior* выделяется так называемый отраслевой критерий преодоления нормативных конфликтов².

Его существо заключается в следующем: если конкретный нормативный правовой акт признается специально предназначенным для регулирования конкретной сферы деятельности, то его нормативное содержание уже в силу указанного статуса данного акта в случае коллизии с нормами, содержащимися в иных нормативных правовых актах того же иерархического уровня, подлежит приоритетному применению.

Сторонники отраслевого приоритета (в частности, С. Н. Белясов³, И. Н. Васев⁴) исходят из теоретической предпосылки, что когда для какой-либо поведенческой ситуации (сферы общественных отношений) может быть с достоверностью определен *нормативный правовой акт, специально предназначенный для ее регулирования*, нормативные положения такого акта должны приоритетно применяться в случае коллизии с положениями, содержащимися в иных нормативных правовых актах, не предназначенных для регулирования соответствующих отношений.

При этом критерий отраслевого приоритета нормы не только отграничивается его адептами от максимы *lex specialis*, но и – в случае совпадения коллизий – признается приоритетным в применении (содержащаяся в специально предназначенном законе общая норма сильнее специальной нормы, не обладающей таким качеством)⁵.

Собственно, в этом и состоит суть отраслевого приоритета – исключить применение коллизионной максимы *lex specialis*, «за столбив» определенную сферу регулирования за нормативными положениями, содержащимися в конкретном законе.

Именование данного приоритета отраслевым неслучайно, поскольку именно доктрина деления объективного позитивного права на отрасли в их корреляции с отраслями законодательства положена в его основание.

² См., напр.: Демин А. В. О конкуренции норм в гражданском и финансовом законодательстве : принципы приоритета // Право и экономика. 1998. № 9. С. 17–18; Тихомиров Ю. А. Коллизионное право. Учебное и научно-практическое пособие. М., 2000. С. 264–271; Авакьян С. А. Конституционная нелегитимность. Опус первый : исход Конституционного Суда РФ из столицы // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 1. С. 2–7; Крассов О. И. Современное земельное право в свете новелл гражданского законодательства // Экологическое право. 2012. № 5. С. 7–13; Бабич М. Е. Официальные разъяснения обязательных требований и руководства по соблюдению обязательных требований : комментарий к статье 14 Федерального закона № 247-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2022.

³ См.: Белясов С. Н. Разрешение межотраслевых коллизий норм права равной юридической силы // Юридическая техника : ежегодник. 2017. № 11. С. 375 и сл.

⁴ См.: Васев И. Н. Коллизионное правовое регулирование в России : вопросы теории и практики : учебное пособие. М., 2021. С. 52 и сл.

⁵ См.: Белясов С. Н. Указ. соч. С. 375–377.

Так, для И. Н. Васева существо отраслевого критерия преодоления коллизий норм права заключается в том, что «при столкновении двух норм разных отраслей права следует применять норму, специально предназначенную (не путать со специальной нормой!) для регулирования тех или иных общественных отношений, т. е. руководствоваться принципом отраслевого приоритета, а не правилами разрешения темпоральной коллизии или коллизии общей и специальной нормы. Также в этом случае не имеет решающего значения форма нормативно-правового акта – является ли он кодифицированным или нет. Специальным закон может быть только по отношению к другому закону в рамках одной и той же отрасли (института) права»⁶. И далее: «Если же в столкновение приходят две нормы разной отраслевой принадлежности, то следует применять норму, специально... для регулирования тех или иных общественных отношений, т. е. руководствоваться принципом отраслевого приоритета, а не правилами разрешения темпоральной коллизии или коллизии общей и специальной нормы»⁷.

При этом, как замечает И. Н. Васев, одно общественное отношение не может пребывать одновременно в сфере предмета нескольких отраслей права⁸. В этом аспекте С. Н. Белясов уточняет, что «...отношения, входящие в предмет ведения отрасли права, могут регулироваться актами этой же отрасли законодательства. Комплексные акты могут содержать такие нормы, однако в случае коллизии между ними приоритет должны иметь нормы «унитарной» отрасли законодательства»⁹.

Последовательно проведенный разделительный тезис, которым руководствуется И. Н. Васев, заставляет его логично заключить, что «...правило отраслевого приоритета предполагает первенство специально предназначенной нормы даже в том случае, если коллидирующая норма является высшей по юридической силе»¹⁰, что, заметим, несколько не согласуется с его ранее озвученным тезисом о том, что отраслевой критерий слабее иерархического.

В основе такого подхода – теоретическая позиция, согласно которой «отрасли права разграничиваются в силу объективных качеств, которые свойственны каждой из них, не дублируют, а взаимно исключают друг друга...; содержание отраслевого правового регулирования не может

⁶ Васев И. Н. Указ. соч. С. 52–53.

⁷ Там же. С. 55.

⁸ См.: Там же.

⁹ Белясов С. Н. Указ. соч. С. 377.

¹⁰ Васев И. Н. Указ. соч. С. 57.

быть охвачено общими положениями других отраслей права, а требует формулировки самостоятельных общих положений...»¹¹.

Мысли о существовании особого отраслевого критерия преодоления коллизий в праве могут возникнуть после прочтения ряда правовых позиций Конституционного Суда России (далее – КС РФ).

Например, в пункте 2.2 мотивировочной части Постановления КС РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П (далее – Постановление № 13-П) указывается, что независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений (здесь и далее курсив мой. – А. П.).

Текстуально данное высказывание изложено не вполне удачно, а его толкование представляет значительную сложность, поскольку акцент в нем смещен с внутренней формы права (общие и специальные нормы в их соотношении) на внешнюю (специальный закон как нормативный правовой акт). Также в данном высказывании с очевидностью происходит смешение понятий «закон» и «норма» применительно к идее специализации нормативного регулирования (степени его точности, конкретности) как критерию выбора нормативного регулятора.

Следует заметить, что такое смешение нельзя назвать случайным, поскольку в историческом срезе критерии преодоления коллизий традиционно ассоциируются с выбором определенного *lex*, что, в первую очередь, справедливо для коллизионных максим *lex superior* и *lex posterior*, в которых в наибольшей мере именно внешняя форма права (систематика источников права по юридической силе и хронологии их принятия) определяет критерии решения нормоконфликта.

С максимумой *lex specialis* дело обстоит несколько иначе. Здесь изначально отношение «общее – особенное», положенное в основу данного критерия, обращает не к внешней форме, а к содержанию нормативных установлений, поэтому содержательные коллизии легко представить не только между несколькими нормативными актами, но и внутри одного.

Отсюда, говоря о «специальном законе», мы говорим, по сути, о «специальной норме», если рассуждаем в парадигме формулы *lex specialis derogat generali*.

Следует заметить, что в ряде своих иных решений КС РФ, рассуждая о *lex specialis*, не допускает вольности в использовании терминологии, в частности в Определении от 1 декабря 1999 г. № 211-О, от 9 февраля 2017 г. № 215-О в похожих рассуждениях прямо применяется формулировка правила преодоления содержательной коллизии правовых норм, не допускающая двоякого толкования.

¹¹ Байтин М. И., Петров Д. Е. Система права : к продолжению дискуссии // Государство и право. 2003. № 1. С. 25–26.

При этом внимательный анализ правовой позиции Конституционного Суда России, изложенной в пункте 2.2 мотивировочной части Постановления № 13-П, показывает, что под «нормами того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений», подразумеваются именно специальные нормы права в сравнении с общими, и ничто другое, т. е. речь идет о коллизионной максиме *lex specialis*, а не какой-либо иной, что подтверждается как многочисленными примерами доктринального применения данной правовой позиции¹², так и ее пониманием в судебной практике.

В частности, в Решении Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2022 г. № АКПИ22-212 со ссылкой на вышеуказанную правовую позицию КС РФ отмечается, что применение специального законодательства имеет приоритет перед нормами общего законодательства, т. е. *общая норма* права не применяется, если имеется *специальная норма*, отмена специальных норм или их замена общими не допускается. Таким образом, Федеральный закон «Об общественных объединениях» в части регулирования статуса общественной организации как закон, *содержащий специальные нормы*, имеет приоритет перед Федеральным законом «О некоммерческих организациях».

В данном судебном акте Верховный Суд России справедливо обращает внимание на нормативное содержание (характер связи норм между собой), а не форму его выражения: специальный закон – это закон, содержащий специальные нормы, и не более того, что в полной мере соответствует существу коллизионной максимы *lex specialis*.

Аналогичной является логика правового анализа, приведенная, например, в Определении Высшего Арбитражного Суда России от 7 июня 2013 г. № ВАС-6512/13 по делу № А78-4279/2012 со ссылкой на Постановление № 13-П, Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 14 июня 2024 г. № Ф05-8140/2024 по делу № А40-109023/2023.

Вместе с тем нельзя не заметить, что в ряде иных судебных актов (например, в Постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21 октября 2019 г. № Ф03-4401/2019 по делу № А51-17152/2017) вышеуказанная правовая позиция КС РФ применяется для того, чтобы обосновать отраслевой приоритет Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон

¹² См., напр.: Ячменев Г. Г. Проблемные вопросы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (в редакции Федерального закона от 26.03.2022 № 70-ФЗ) в практике Верховного Суда Российской Федерации // Арбитражные споры. 2024. № 3. С. 6; Винницкий А. В., Харинов И. Н. Отмена в порядке самоконтроля благоприятствующих административных актов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 6. С. 50–63.

о банкротстве) над иными федеральными законами, в том числе кодифицированными, в частности Налоговым кодексом Российской Федерации (далее – НК РФ) в ситуациях рассогласованности норм о порядке уплаты налога на прибыль, возникшего в связи с реализацией имущества должника.

Это демонстрирует важный аспект генезиса идеи отраслевого приоритета: она является своеобразным ответом на применение такого приема законотворческой техники, как установление формального приоритета кодифицированного акта в определенной сфере регулирования (предметная иерархия нормативно-правовых актов)¹³.

Действительно, зададимся вопросом, почему вообще следует говорить об отраслевом приоритете, например Закона о банкротстве в сравнении с НК РФ.

Во многом потому, что НК РФ провозглашает свой формальный статус закона *primus inter pares* как кодифицированного акта по отношению к иным федеральным законам о налогах, сборах, страховых взносах (пункт 1 статьи 1 НК РФ)¹⁴. Установление предметной иерархии между НК РФ и иными федеральными законами серьезно ограничивает потенциал применения коллизионной максимы *lex specialis* и применительно к ситуациям «на стыке» с предметами регулирования иных федеральных законов (как в рассматриваемом случае, на стыке налоговых и конкурсных правоотношений).

Поэтому суды, отвергая претензию НК РФ на приоритетное регулирование соответствующих правоотношений, ссылаются на специальный характер законодательства о банкротстве как специально предназначенного для регулирования соответствующих отношений (тем самым фактически приравнивая Закон о банкротстве к кодифицированному акту) и косвенно модифицируют *lex specialis* в *lex superior*.

Заметим, что иногда сторонники отраслевого приоритета будто бы не замечают, что сама идея специального закона может пониматься двояко. Специальный закон либо отождествляется со специальной нормой права и в этом смысле является лишь вариантом перевода на русский язык максимы *lex specialis*, и не более того, либо это понятие рассматривается как юридическая фикция, которая необходима для обоснования выделения новых уровней в иерархической структуре законодательства тогда, когда действующее позитивное право не содержит прямого дозволения

¹³ См. подробнее: Петров А. А., Шафиров В. М. Предметная иерархия нормативных правовых актов : монография. М., 2014. 208 с.; Петров А. А. Вопросы преодоления коллизий норм кодексов, устанавливающих собственный приоритет // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, № 1. С. 4–23.

¹⁴ См. подробнее: Демин А. В., Петров А. А. Налоговый кодекс Российской Федерации : *primus inter pares* // Налоги и финансовое право. 2014. № 11. С. 111–116.

на дальнейшее выделение новых подуровней в иерархии законов, как в случае с предметной иерархией нормативно-правовых актов.

В целом, с позиций общей теории права, выделение отраслевого критерия преодоления коллизий норм права в качестве самостоятельного, а равно противопоставление его содержательному критерию представляется излишним и необоснованным.

При этом, приступая к критическому осмыслению идеи отраслевого приоритета, следует заметить, что при всей кажущейся заманчивости предлагаемого сторонниками данной идеи «замыкания» приоритета специальной нормы над общей рамкой отдельной отрасли права и связанной с этим необходимостью выделения названного критерия «специальной предназначенности» для преодоления межотраслевых нормативных конфликтов, представляется, что в основе обособления указанного критерия лежит ряд сомнительных с теоретической и практической позиций идей, а именно:

1) представление о сугубой объективности и статичности отраслевого строения системы права;

2) идея наличия корреляции между системой права и системой законодательства такого типа, когда воздействие законодателя на систему законодательства с необходимостью отражается в системе права;

3) убеждение в серьезности глубины различий между отдельными отраслями права, позволяющими замкнуть их в изолированные сферы;

4) представление о возможности точной и единственно верной квалификации отраслевой принадлежности единичных коллидирующих правовых норм.

Важно понимать, что лишь признание обоснованности всей совокупности вышеперечисленных идей позволяет говорить о самостоятельном характере отраслевого критерия (критерия специальной предназначенности закона) и его сущностно-содержательном отличии от критерия *lex specialis*.

Вместе с тем полное и непротиворечивое отражение в системе законодательства деления позитивного права на отдельные фрагменты (отрасли) нельзя рассматривать как доктринально и эмпирически обоснованную идею хотя бы по той причине, что система права как плод интеллектуальной реконструкции массива правовых установлений профессиональным сообществом никогда не сможет быть точно отражена в системе законодательства¹⁵.

Яркий пример тому – административное право, реальность которого как отрасли права никто не будет оспаривать. Однако попытаться найти в нем нормативный правовой акт, претендующий на отраслевой приоритет, никак нельзя.

¹⁵ См. подробнее: Петров А. А. Указ. соч. С. 4–23.

В целом, в своих концептуальных основаниях отраслевой приоритет практически неотделим от идейной базы концепции предметной иерархии нормативных актов¹⁶, в том числе и так называемого «эффекта оценки» в трактовке Р. Кабрияка¹⁷, которым во многом и обосновывается идея предназначенности определенного закона для регулирования соответствующей поведенческой сферы.

Не стоит забывать и о том, что нормативный материал может быть сгруппирован в определенную систему на основании совершенно разных методологических критериев, в частности, как с позиций выделения уникального метода регулирования (типичный пример – ГК РФ), так и с позиций предмета регулирования (в частности, Земельный кодекс Российской Федерации, Водный, Лесной и иные подобные «определенные» кодексы).

При этом, как было показано ранее, невозможность полной корреляции между системой права и системой законодательства и различная методология кодификации нормативного материала порождают такое явление, как конфликт приоритетов кодифицированных актов¹⁸.

Указанное вполне справедливо и для идеи отраслевого приоритета.

Данная концепция с очевидностью не учитывает дискуссионный характер отраслевого деления права, шаткость которого в пограничных ситуациях сводит на нет саму идею возможности установления именно *отраслевого* приоритета применения одного нормативного акта над другим.

Так, зачастую вопрос об отраслевой квалификации той или иной нормы весьма неоднозначен и порождает серьезные правовые споры. И это может происходить не просто на уровне разграничения отдельных отраслей, а даже на уровне правовых общностей (массивов), например материального и процессуального права.

К примеру, в ходе процессуальной реформы 2018–2019 гг. в арбитражном судопроизводстве возник важный с позиции принципов действия закона во времени вопрос о правовой природе взаимосвязанных положений НК РФ и АПК РФ, касающихся порядка и размера возвращения государственной пошлины из федерального бюджета (в том числе предоставлении отсрочки, рассрочки уплаты) при утверждении мирового соглашения, отказе от иска, признании иска по делам, заявлению по которым потупило в суд до вступления в силу изменений в абзац 2 подпункта 3 пункта 1 статьи 333.40 НК РФ (являются ли они процессуальными либо налогово-правовыми).

¹⁶ См.: Петров А. А. Указ. соч. С. 12–21.

¹⁷ См.: Кабрияк Р. Кодификации. М., 2007. С. 159.

¹⁸ См.: Петров А. А., Шафиров В. М. Указ. соч. С. 155–161.

В литературе также приводят примеры спорной квалификации норм с позиций их принадлежности к материальному либо процессуальному праву. Так, С. Л. Будылин, задаваясь в сравнительно-правовом срезе вопросом о том, являются нормы о распределении бремени доказывания процессуальными или материально-правовыми, приводит аргументы в пользу как первой, так и второй точки зрения¹⁹.

Список нерешенных вопросов в объективизации строения системы права можно продолжить, но это не является предметом нашего исследования.

В целом очень часто вопрос о правовой природе того или иного понятия, срока, института связан с вопросом о его отраслевой принадлежности, решение которого, как уже было показано выше, представляет собой иногда совсем нетривиальную задачу.

Кроме того, приняв возможность установления отраслевого приоритета в качестве коллизионной максимы, мы столкнемся с тем, что не сможем рационально решить задачу, возникающую в связи с наличием в системе права комплексных отраслей права. Они просто не впишутся в эту картину.

Изложенное само по себе наводит на мысль, что на настоящий момент отсутствует научно обоснованная и безусловно разделяемая юридическим сообществом концептуальная схема строения системы права, опираясь на которую можно было бы выстроить соответствующую систему законодательства для того, чтобы наделять отдельные законы отраслевым приоритетом.

При этом не стоит забывать о творческой роли общей и отраслевых теорий права, которые во многом способствуют как познанию, так и конструированию системы права²⁰, что порождает конкуренцию моделей построения системы права. Здесь весьма красноречиво высказывание Т. В. Кашаниной: «В науке выделение тех или иных отраслей и подотраслей связано с научными пристрастиями авторов»²¹.

Не вызывает сомнений, что именно юридическая наука, а не законодатель отвечает на вопрос об элементном составе и структуре системы права, при этом одновременно не следует списывать со счетов и историко-политические факторы, влияющие на систематику правовых норм

¹⁹ См.: Будылин С. Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник ВАС РФ. 2014. № 4. С. 34–66.

²⁰ См. подробнее: Петров А. А. Указ. соч. С. 4–23.

²¹ Кашанина Т. В. Структура права. Статья первая // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 2. С. 14. Ср. с похожими идеями Ю. Ю. Ветютнева (Ветютнев Ю. Ю. О новых подходах к построению системы права // Вестник ВолГУ. Право. 2005. № 7. С. 22–23) и Л. В. Головки (Головки Л. В. Место кодекса в системе источников уголовно-процессуального права // Государство и право. 2007. № 1. С. 39–40).

и их объединение в различные отраслевые образования (отжившее свой век «колхозное право», нарождающиеся «ИИ-право», «дроновое» право и другие примеры).

Конечно, исследователи в области искусственного интеллекта в случае принятия закона о комплексном регулировании соответствующих отношений могут ратовать за приоритетное его положение в соответствующей сфере, тогда как адепты «дронового» права в аналогичной ситуации могут обосновывать приоритетное применение закона о дронах. Однако как быть в случае регулирования дронов, управляемых ИИ?

Концепция отраслевого приоритета не даст вразумительного ответа на этот вопрос.

Повторим: критерии разграничения отраслей права являются результатом доктринального осмысления структуры нормативного материала позитивного права, поэтому выбор «своего», «правильного», «специально предназначенного» закона является интеллектуальной операцией, базирующейся на определенных идейных и доктринальных основаниях, находящихся вне пределов позитивного права, и в лучшем случае определяется убеждающей силой той или иной отраслевой теории, в которой вполне возможно собственное оригинальное прочтение идеи отраслевого деления позитивного права²².

Далее, как бы сторонники отраслевого приоритета ни обосновывали его уникальность, несомненно, что в своей аргументации они редуцируют сущность данного критерия (даже порой по форме выражения в конкретных коллизионных нормах) к *sui generis* проявлению иерархического критерия, поскольку в данном случае фактически происходит выделение новых подуровней в формальной иерархии нормативных правовых актов.

Вместе с тем, как было показано ранее²³, «расслоение» иерархии нельзя признать удачным приемом законотворческой техники, при этом единство отраслевого регулирования скорее будет обеспечено за счет согласованного толкования общих принципов, дефиниций, презумпций и иных нормативно-регулятивных средств высокой степени абстрактности, чем путем наделения всех норм законов, «специально предназначенных» для регулирования того или иного общественного отношения, каким-то особым отраслевым приоритетом, существо которого нельзя свести к факторам юридической силы, степени общности либо специальности, либо времени.

²² Весьма показательной в этом плане является манифестация и раскрытие идейного основания приоритета ГК РФ в прекрасной статье Л. Ю. Михеевой, в которой обстоятельно изложен отраслевой цивилистический взгляд на предметное превосходство Гражданского кодекса России: *Михеева Л. Ю.* Примат ГК над иными законами : значение абз. 2 п. 2 ст. 3 Кодекса // Вестник гражданского права. 2024. № 6. С. 30–52.

²³ См.: *Петров А. А.* Указ. соч. С. 4–23.

Наконец, есть и серьезный историко-методологический аргумент более общего плана против выделения данного критерия. Он заключается в следующем.

Современная система преодоления коллизий норм права, включающая в себя три критерия – *lex superior, lex specialis, lex posterior*, – представляет собой исторически сложившийся и весьма гетерогенный интеллектуальный инструмент, в котором каждая из коллизионных максим может быть редуцирована к определенной идейной основе, не сводимой к иным (иерархическая организация публичной власти, идея справедливости и представление об общественном прогрессе), тогда как идея отраслевого приоритета, очевидно, в этом плане недостаточно фундаментальна, за ней не стоит такая же понятная, рационально объяснимая и в целом принимаемая на веру юридическим сообществом идея, как указанные выше.

При этом основным недостатком любой системы с числом коллизионных максим более двух является проблема построения их надлежащей и при этом аргументированной иерархии, поскольку в таких системах возникает следующий эффект: с появлением каждого нового критерия преодоления нормоконфликта возрастает неопределенность в соотношении данных критериев между собой в силу сущностной неодинаковости идей, лежащих в основе разных критериев, резко снижающая эффективность и предсказуемость для незаинтересованного наблюдателя процесса и результата преодоления коллизии норм (в порядке грубой аналогии это можно сравнить с «задачей трех тел» в астрономии²⁴).

Поэтому дальнейшее усложнение данной системы за счет включения в нее иных коллизионных принципов, например отраслевого, приведет к ситуации роста по экспоненте степени неопределенности принципов преодоления сложных коллизий норм права, поскольку рационально объяснить соотношение отраслевого критерия с иерархическим, содержательным и темпоральным просто невозможно (настолько все они разные), а любая конвенция в научном сообществе по этому вопросу будет неустойчивой и подверженной коррозии вследствие возникновения новых массивов правовых норм (например, санкционное право, «дроновое» право и пр.).

Все изложенное свидетельствует о теоретической и практической несостоятельности отраслевого критерия как самостоятельной коллизионной максимы. Данная идея для современной системы преодоления сложных коллизий норм права является подрывной, поскольку еще более усложняет процесс применения права в коллизионных ситуациях и влечет рост правовой энтропии.

²⁴ См.: Об одном частном случае решения задачи трех тел / А. И. Рубинштейн, Т. А. Городецкая, П. С. Серебренников, Н. В. Шипов, А. В. Шмаков // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 9 (91). С 6–8.

Библиографический список

Авакьян С. А. Конституционная нелегитимность. Опус первый : исход Конституционного Суда РФ из столицы / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 1. – С. 2–7.

Бабич М. Е. Официальные разъяснения обязательных требований и руководства по соблюдению обязательных требований : комментарий к статье 14 Федерального закона № 247-ФЗ / М. Е. Бабич. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – 2022.

Байтин М. И. Система права : к продолжению дискуссии / М. И. Байтин, Д. Е. Петров // Государство и право. – 2003. – № 1. – С. 25–34.

Белясов С. Н. Разрешение межотраслевых коллизий норм права равной юридической силы / С. Н. Белясов // Юридическая техника : ежегодник. – 2017. – № 11. – С. 374–377.

Будылин С. Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом / С. Л. Будылин // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2014. – № 4. – С. 34–66.

Васев И. Н. Коллизионное правовое регулирование в России : вопросы теории и практики : учебное пособие / И. Н. Васев. – М. : Проспект, 2021. – 192 с.

Ветютнев Ю. Ю. О новых подходах к построению системы права / Ю. Ю. Ветютнев // Вестник Волгоградского государственного университета. Право. – 2005. – № 7. – С. 18–23.

Винницкий А. В. Отмена в порядке самоконтроля благоприятствующих административных актов / А. В. Винницкий, И. Н. Харинов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2020. – № 6. – С. 50–63.

Головко Л. В. Место кодекса в системе источников уголовно-процессуального права / Л. В. Головко // Государство и право. – 2007. – № 1. – С. 38–45.

Демин А. В. О конкуренции норм в гражданском и финансовом законодательстве : принципы приоритета / А. В. Демин // Право и экономика. – 1998. – № 9. – С. 17–18.

Демин А. В. Налоговый кодекс Российской Федерации : primus inter pares / А. В. Демин, А. А. Петров // Налоги и финансовое право. – 2014. – № 11. – С. 111–116.

Кабрияк Р. Кодификации / Р. Кабрияк. – М. : Статут, 2007. – 474 с.

Кашанина Т. В. Структура права. Статья первая / Т. В. Кашанина // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – № 2. – С. 7–29.

Крассов О. И. Современное земельное право в свете новелл гражданского законодательства / О. И. Крассов // Экологическое право. – 2012. – № 5. – С. 7–13.

Михеева Л. Ю. Примат ГК над иными законами : значение абз. 2 п. 2 ст. 3 Кодекса / Л. Ю. Михеева // Вестник гражданского права. – 2024. – № 6. – С. 30–52.

Об одном частном случае решения задачи трех тел / А. И. Рубинштейн, Т. А. Городецкая, П. С. Серебрянников, Н. В. Шипов, А. В. Шмаков // Проблемы современной науки и образования. – 2017. – № 9(91). – С. 6–8.

Петров А. А. Вопросы преодоления коллизий норм кодексов, устанавливающих собственный приоритет / А. А. Петров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 4–23.

Петров А. А. Предметная иерархия нормативных правовых актов : монография / А. А. Петров, В. М. Шафиров. – М. : Проспект, 2014. – 208 с.

Тихомиров Ю. А. Коллизионное право. Учебное и научно-практическое пособие / Ю. А. Тихомиров. – М. : Юринформцентр, 2000. – 393 с.

Ячменев Г. Г. Проблемные вопросы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (в редакции Федерального закона от 26.03.2022 № 70-ФЗ) в практике Верховного Суда Российской Федерации / Г. Г. Ячменев // Арбитражные споры. – 2024. – № 3. – С. 6.

References

Avakyan S. A. Constitutional illegitimacy. Opus I : the exodus of the Constitutional Court of the Russian Federation from the capital / S. A. Avakyan // Constitutional and municipal law. – 2008. – No. 1. – Pp. 2–7.

Babich M. E. Official explanations of mandatory requirements and guidelines for compliance with mandatory requirements : commentary on article 14 of Federal law No. 247-FZ / M. E. Babich. – Access from the reference and legal system “ConsultantPlus”. – 2022.

Baitin M. I. The legal system : continuing the discussion / M. I. Baitin, D. E. Petrov // State and Law. – 2003. – No. 1. – Pp. 25–34.

Belyasov S. N. Resolution of inter-sectoral conflicts of legal norms of equal legal force / S. N. Belyasov // Legal technique : yearbook. – 2017. – No. 11. – Pp. 374–377.

Budylin S. L. Inner conviction or balance of probabilities? Standards of evidence in Russia and abroad / S. L. Budylin // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2014. – No. 4. – Pp. 34–66.

Demin A. V. On the competition of norms in civil and financial legislation : principles of priority / A. V. Demin // Law and economics. – 1998. – No. 9. – Pp. 17–18.

Demin A. V. Tax Code of the Russian Federation : primus inter pares / A. V. Demin, A. A. Petrov // Taxes and Financial Law. – 2014. – No. 11. – Pp. 111–116.

Golovko L. V. The place of the code in the system of sources of criminal procedure law / L. V. Golovko // State and Law. – 2007. – No. 1. – Pp. 38–45.

Kabriyakh R. Codifications / R. Kabriyakh. – Moscow : Statut, 2007. – 474 p.

Kashanina T. V. Structure of law. Article one / T. V. Kashanina // Leningrad law journal. – 2011. – No. 2. – Pp. 7–29.

Krassov O. I. Modern Land Law in Light of Civil Legislation Innovations / O. I. Krassov // Environmental Law. – 2012. – No. 5. – Pp. 7–13.

Mikheeva L. Yu. Primacy of the Civil Code over other laws : meaning of paragraph 2, clause 2, article 3 of the Code / L. Yu. Mikheeva // Civil law bulletin. – 2024. – No. 6. – Pp. 30–52.

On One Particular Case of Solving the Three-Body Problem / A. I. Rubinstein, T. A. Gorodetskaya, P. S. Serebrennikov, N. V. Shipov, A. V. Shmakov // Problems of modern science and education. – 2017. – No. 9(91). – Pp. 6–8.

Petrov A. A. Overcoming conflicts of norms in codes establishing their own priority / A. A. Petrov // Bulletin of St. Petersburg University. Law. – 2019. – Vol. 10, no. 1. – Pp. 4–23.

Petrov A. A. Subject hierarchy of normative legal acts : monograph / A. A. Petrov, V. M. Shafirov. – Moscow : Prospect, 2014. – 208 p.

Tikhomirov Yu. A. Conflict of laws. A textbook, research guide, and practical handbook / Yu. A. Tikhomirov. – Moscow : Yurinformcenter, 2000. – 393 p.

Vasev I. N. Conflict of laws regulation in Russia : theoretical and practical issues : a study guide / I. N. Vasev. – Moscow : Prospect, 2021. – 192 p.

Vetyutnev Yu. Yu. On new approaches to building a legal system / Yu. Yu. Vetyutnev // Bulletin of Volgograd State University. Law. – 2005. – No. 7. – Pp. 18–23.

Vinnitsky A. V. Cancellation of favorable administrative acts by way of self-control / A. V. Vinnitsky, I. N. Kharinov // Electronic supplement to the “Russian Law Journal”. – 2020. – No. 6. – Pp. 50–63.

Yachmenev G. G. Problematic issues of application of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (as amended by Federal law no. 70-FZ of March 26, 2022) in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation / G. G. Yachmenev // Arbitration Disputes. – 2024. – No. 3. – P. 6.

Для цитирования:

Петров А. А. Критика идеи отраслевого приоритета как самостоятельной коллизионной максимы // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 4(13). С. 37–51.

Recommended citation:

Petrov A. A. Criticism of the idea of sectoral priority as a separated legal conflict maxim // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 4(13). Pp. 37–51.

Сведения об авторе

Петров Александр Александрович – заместитель председателя Семнадцатого арбитражного апелляционного суда, приглашенный исследователь Самарского государственного экономического университета, кандидат юридических наук

E-mail: sfu-pravo@yandex.ru

Information about author

Petrov Alexander Alexandrovich – Deputy Chairman of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal, Guest Researcher at Samara State University of Economics, Candidate of Legal Sciences

E-mail: sfu-pravo@yandex.ru

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРАВОВУЮ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНУЮ ПРАКТИКУ

Ю. А. Потапов

*Северо-Западный филиал Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева*

Поступила в редакцию 21 июля 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются теоретико-прикладные аспекты возникновения и существования правовой реальности и правоприменительной практики, исследуются факторы и механизмы, влияющие на функционирование указанных компонентов правовой системы, призванных стабилизировать социально-экономическое положение и обстановку в обществе, привести судебную практику к единообразию и высокому качеству отправления правосудия.

Ключевые слова: правовая система, правовая реальность, правоприменительная практика, факторы, механизмы, правосознание, правовая культура, правовое поведение.

FACTORS INFLUENCING THE LEGAL REALITY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Yu. A. Potapov

*Northwest branch of the Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev*

Abstract: the article examines the theoretical and applied aspects of the emergence and existence of legal reality and law enforcement practice, examines the factors and mechanisms affecting the functioning of these components of the legal system, designed to stabilize the socio-economic situation and the situation in society, to bring judicial practice to uniformity and high quality administration of justice.

Key words: legal system, legal reality, law enforcement practice, factors, mechanisms, legal awareness, legal culture, legal behavior.

В юридической науке понятие правовой реальности в последнее время приобретает всё большую актуальность: идет дискуссия о происхождении и сущностных характеристиках правовой реальности, о понимании природы данного явления и его взаимосвязи с другими юридическими понятиями, степени влияния на их развитие.

Среди различных определений понятия правовой реальности можно выделить несколько наиболее распространенных. Так, одним из часто встречающихся является определение, согласно которому правовая реальность – это совокупность фактических социальных отношений, правовых явлений и процессов, а также поведения субъектов права, отражающих функционирование права в жизни общества. Она включает не только формальные правовые институты и нормы, но и реальные способы их реализации, восприятия и воздействия на общественные отношения.

Другими словами, правовая реальность – это объективное состояние права в обществе, проявляющееся в конкретных действиях, решениях и социальных практиках, а также в правосознании и правовом поведении участников правоотношений.

Так, например, В. В. Кожевников небезосновательно указывает, что под данным понятием следует рассматривать широкий спектр проявлений правовой жизни общества в целом. В качестве ее субъектов выступают как коллективные участники правоотношений (например, юридические лица), так и индивидуальные (физические лица), реализующие свои права, свободы и интересы. К числу таких проявлений, по мнению исследователя, относятся:

а) юридическая деятельность и ее результаты (включая правотворчество и его производные – правоприменительные и иные акты, реализацию права и др. стадии);

б) правонарушения и юридическая ответственность;

в) особенности правового мышления, процессы правового воспитания (включая деформацию правового сознания, выражающуюся, в частности, в формах правового нигилизма и демагогии) и др. элементы.

Таким образом, правовая реальность охватывает как упорядоченные правовые компоненты, так и те, что находятся в процессе упорядочения либо носят в силу различных обстоятельств хаотичный характер¹.

Рассматривая факторы и механизмы влияния правовой реальности на окружающую действительность, отдельные авторы, в частности

¹ См.: Кожевников В. В. Государственно-правовая действительность как предмет отражения правосознания // Правоприменение в публичном и частном праве : материалы Международной научной конференции (Омск, 27 марта 2020 г.) / [отв. ред. Г. Н. Обухова]. Омск, 2020. С. 88.

А. В. Скоробогатов, во-первых, акцентируют внимание как на внешних, так и на внутренних факторах, влияющих на восприятие правовой реальности и выбор варианта правового поведения человека. Во-вторых, исследователи рассматривают механизм влияния правовой реальности на правосознание (о чем ранее говорили другие исследователи) и правовое поведение человека, а также пространственные, темпоральные, когнитивные, функциональные, вербальные и визуальные компоненты механизма и характер их воздействий на правосознание и правовое поведение человека².

В современной юридической науке выработалось несколько наиболее часто применяемых подходов к пониманию сущностной природы правовой реальности.

Социологический подход. Правовая реальность рассматривается как совокупность реально существующих в обществе правовых отношений и практик, которые могут отличаться, на что приходится обращать внимание, от формально закрепленных правовых норм. Акцент делается на изучении фактического поведения субъектов права, уровня соблюдения норм и реального влияния права на общество, о чем неоднократно в своих работах рассуждал профессор Н. И. Матузов³.

Формально-догматический подход. В рамках этого подхода правовая реальность понимается преимущественно как совокупность юридически значимых фактов и юридических актов, признанных и оформленных официально. Правовая реальность, по мнению профессора А. В. Малько, совпадает с нормами, правоприменительными актами и иными юридическими процедурами, отражающими правовой порядок⁴.

Аксиологический подход. Правовая реальность в ряде отечественных работ, в частности в трудах профессора Н. Н. Вопленко, трактуется с позиции ценностей и идеалов права, таких как справедливость, законность и правопорядок⁵. В этом ракурсе важное значение имеет правосознание и правовая культура общества, о чем пишет профессор С. С. Алексеев, поскольку именно через них реализуются и закрепляются правовые ценности⁶.

² См.: Скоробогатов А. В. Философско-правовая природа и статус юридической антропологии // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. 2019. Т. 15. С. 29. См. также: Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И., Краснов А. В. Очерки по юридической антропологии / под ред. А. В. Скоробогатова. Казань, 2019. 167 с.

³ См., напр.: Матузов Н. И. Право в системе социальных норм // Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 183–189.

⁴ См.: Малько А. В. Теория государства и права : вопросы и ответы : учебно-методическое пособие. М., 2013. С. 393.

⁵ См.: Вопленко Н. Н. Законность и правовой порядок. Волгоград, 2006. С. 116.

⁶ См.: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. 2-е изд. Екатеринбург, 2018. С. 182.

Интегративный подход. Объединяет элементы всех предыдущих теоретических изысканий, рассматривая правовую реальность как комплексный феномен, включающий нормативно-правовые конструкции, практические действия субъектов права, социальные условия и культурно-ценностные аспекты и т. д. Такой подход позволяет увидеть правовую реальность как динамическую систему, отражающую взаимодействие формального права и социальных практик⁷.

Семиотический подход. Его приверженцы, в частности С. П. Нарыкова, отмечают, что «правовая реальность во многих своих проявлениях: процедурах, процессуальной форме, стилистике правовых документов, организации правовых отношений, – является именно знаковой, символической системой, которая представляет собой предметы и действия, несущие определенный условный смысл, зависящий от понимания взаимодействующих субъектов»⁸.

Многочисленные учебные и научные публикации рассматривают **правоприменение** как *особую форму реализации права*⁹, отмечая при этом ее высокую степень институциональной организованности, юридическую значимость принимаемых решений и обязательность их исполнения. Продолжая использовать принятый выше научный инструментарий, обратимся к анализу правоприменения, выступающего, условно говоря, неким связующим звеном от теории права к юридической практике.

Согласно *формально-догматическому подходу*, правоприменение понимается как деятельность компетентных органов и должностных лиц, направленная на индивидуализацию общих предписаний норм права посредством вынесения конкретных юридических решений. В этом контексте правоприменение трактуется как логически заверченный процесс, включающий установление фактических обстоятельств, юридическую квалификацию, выбор и интерпретацию правовой нормы, а также принятие и исполнение решения, имеющего властный и обязательный характер.

Социологическая концепция акцентирует внимание на деятельностной и практико-ориентированной природе правоприменения, подчеркивая его связь с социальной действительностью. Правоприменение в данном ракурсе рассматривается не только как механизм юридической

⁷ См.: *Алешкова И. А.* Применение конституционных предписаний судами в Российской Федерации : интеграционный подход : монография. М., 2017. 292 с.; *Ланг П. П.* Правовая реальность : философско-правовой анализ // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 2. С. 11–17.

⁸ *Нарыкова С. П.* Системный подход в теоретико-правовых исследованиях. Краснодар, 2006. С. 39.

⁹ См., напр.: *Аверин А. В.* Истина и судебная достоверность : (постановка проблемы). 2-е изд., доп. СПб., 2007. С. 75–76.

реализации норм, но и как средство адаптации и коррекции права в условиях изменяющихся общественных отношений. Оно выступает инструментом преодоления правового формализма и ригоризма, позволяя учитывать конкретные жизненные ситуации при принятии юридических решений.

С точки зрения *аксиологического подхода*, правоприменение представляет собой не просто технико-юридическую операцию, а ценностно-насыщенную деятельность, целью которой является достижение справедливости, законности и правовой определенности. Отсюда особая значимость правосознания правоприменителя, его внутренней убежденности в правомерности и справедливости выносимого решения.

Интегративный подход объединяет элементы всех вышеуказанных концепций, рассматривая правоприменение как комплексный феномен, включающий формально-юридическую процедуру, социокультурное воздействие, а также аксиологическое наполнение. В рамках данного подхода правоприменение признается неотъемлемым элементом правовой реальности, формирующимся на стыке нормативного регулирования, социальных практик и правового сознания.

Представители *семиотического подхода* стоят на позициях отражения правовой действительности в визуальных, языковых символах, являющихся носителями властно-правовых отношений, закрепленных в нормативно-правовых актах¹⁰. Также отдельными исследователями изучаются проблемы формирования юридического языка в новой правовой реальности¹¹.

Таким образом, правоприменение выступает в качестве самостоятельной формы реализации права, обладающей рядом специфических признаков. Во-первых, осуществляется компетентными органами, во-вторых, выражается в индивидуальных властных актах, в-третьих, направлена на обеспечение правопорядка и справедливости. Необходимо учитывать, что правоприменение отличается от иных форм реализации права (таких, как соблюдение, исполнение и использование) своей процедурной структурой, властно-обязывающим характером и возможностью государственного принуждения.

Ряд авторов при анализе основных взглядов по вопросам реализации права приходит к заключению о том, что «применение права – это состоящая из ряда организационно-сложных, мыслительных, юридических процедур деятельность компетентных властных органов, осу-

¹⁰ См.: *Кашианина Т. В.* Юридические документы. Чему не учат студентов. Как правильно понять и подготовить : учебник. М., 2018. С. 214–227.

¹¹ См.: *Проскурин С. Г.* Семиотика. Язык, культура, право : учебное пособие для вузов. 2-е изд., стер. СПб., 2024. 252 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/393014> (дата обращения: 18.07.2025).

ществляемая по определенным делам и завершающаяся вынесением конкретного решения»¹². Случаи обязательного правоприменения, четкие рамки в области регулирования и охраны общественных отношений, непосредственных субъектов данной деятельности и т. д. определяет государство¹³. В науке теории права существуют и другие подходы, связанные с понятийным аппаратом и содержательными аспектами правоприменения.

Современную правоприменительную практику формируют различные факторы, которые условно могут быть классифицированы на основе ряда критериев. В частности, выделяются объективные и субъективные детерминанты. *Объективные факторы* характеризуются независимостью от индивидуального правосознания субъекта, осуществляющего реализацию и применение правовых норм. Напротив, *субъективные факторы* обусловлены «степенью осознания субъектом права возможностей по реализации принадлежащих ему субъективных прав, исполнению юридических обязанностей и соблюдению установленных законодательных запретов»¹⁴.

В зависимости от *сферы действия* факторы, влияющие на правоприменительную практику, могут носить экономический, политический, социальный, экологический, юридический и иной характер, коррелируя с аналогичными сферами общественных отношений.

К числу факторов, оказывающих влияние на *принятие решения* о возбуждении процесса правоприменения, относятся наличие юридически значимых поводов и оснований, а также осознание правоприменителем факта их наличия. Кроме того, к таким факторам могут быть отнесены и иные обстоятельства, способные определить целесообразность и допустимость начала правоприменительной деятельности.

Среди факторов, влияющих на *выбор нормы*, подлежащей применению в конкретном деле, ключевое значение имеет степень осознания субъектом правоприменения смысла и содержания соответствующей правовой нормы.

Аналогичным образом на принятие итогового решения по рассматриваемому делу воздействуют факторы, обусловленные *правосознанием субъекта правоприменения*, в том числе осознание им необходимости вынесения законного, обоснованного и справедливого решения.

¹² Ковалева В. В. Теория правоприменительной деятельности : учебное пособие. Краснодар, 2018. С. 6.

¹³ См.: Пискунова О. В. Формы реализации права : дискуссионные вопросы общетеоретической трактовки // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 3. С. 112.

¹⁴ Осипов М. Ю. Основные факторы, влияющие на реализацию и применение права // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 2. С. 93–97.

В свою очередь на процесс пересмотра ранее вынесенного решения по делу влияют различные факторы, среди которых особое значение имеет осознание участниками правоприменительного процесса незаконности и (или) необоснованности первоначального решения. Однако данное обстоятельство сродни нарушениям законности и иным противоправным действиям.

Ход и результаты исполнения правоприменительного акта, вынесенного по делу, также зависят от ряда обстоятельств, включая степень осознания участниками исполнительного производства необходимости надлежащего исполнения судебного решения, доведение его до логического завершения.

Существенное влияние на правоприменительную практику и, в более широком смысле, на состояние правовой реальности оказывает *уровень правосознания должностных лиц*, ответственных за принятие юридически значимых решений. Деформации правосознания (в том числе в форме правового нигилизма, формализма или произвола) способны негативно отразиться на обоснованности, законности и справедливости принимаемых правоприменительных актов, что, в свою очередь, подрывает доверие к правоохранительным и судебным органам и к национальной правовой системе в целом.

По мнению авторского коллектива, рассматривающего правотворчество и правоприменение как взаимосвязанные формы реализации публичной власти, *совершенствование законодательства* является неотъемлемой частью процесса развития правотворческой деятельности и одновременно выступает фактором повышения эффективности правоприменительной практики¹⁵.

В гражданском процессе доктринальные взгляды часто служат основой для формирования аргументации сторон и судей при толковании процессуальных норм. Хотя судебные решения основываются прежде всего на законе, доктрина права активно влияет на развитие правоприменительной практики, помогая судам находить сбалансированные решения в случаях, когда нормы неоднозначны или требуют аутентичного толкования.

С этой целью, например, Верховный Суд Российской Федерации, апелляционные и кассационные судебные инстанции регулярно учитывают научные позиции и рекомендации в своих обзорах и разъяснениях, что способствует унификации судебной практики и устранению противоречий.

В уголовном процессе доктринальные взгляды особенно важны в вопросах гарантии прав участников процесса, соблюдения принципов закон-

¹⁵ См.: Правотворчество и правоприменение : теория и практика : коллективная монография / И. А. Бабаев [и др.]. Киров, 2022. С. 12.

ности, состязательности и презумпции невиновности. Судебная практика зачастую опирается на научные исследования для уточнения процедурных правил, например по вопросам доказательств, процессуальных сроков и прав обвиняемого, вновь открывшихся обстоятельств и др.

Научные концепции способствуют развитию механизмов защиты прав личности, а также совершенствованию процессуальных норм, что отражается в судебных решениях. В арбитражном процессе, административном судопроизводстве и в других специализированных процессуальных сферах доктрина помогает решать вопросы применения новых или спорных норм, определять критерии доказательств и полномочия правоприменительных органов.

В целом судебная практика и правовая доктрина находятся в диалоге: доктринальные идеи получают практическую проверку в судах, а судебные решения стимулируют дальнейшее развитие научных взглядов.

Исследуя факторы и тренды, обеспечивающие формирование единой правоприменительной (судебной) практики в правовой системе Российской Федерации, о чем неоднократно говорилось в судебном сообществе, авторы ряда научных публикаций вполне справедливо отмечают, что «судебная практика в Российской Федерации... играет далеко не последнюю роль, можно даже сказать, что эта роль часто бывает определяющей в формировании правоприменительной деятельности»¹⁶.

По мнению А. В. Баранова, правоприменительная деятельность рассматривается как неотъемлемый элемент социально-политического механизма государства. Она осуществляется преимущественно с целью реализации прав и обязанностей субъектов права, а также для контроля за этой реализацией в строгом соответствии с нормами права и установленными процедурами. Таким образом, «правоприменение – это процедурно оформленная властная деятельность компетентных органов и должностных лиц, направленная на обеспечение наиболее полной реализации прав и обязанностей адресатов правовых норм путем вынесения и осуществления индивидуальных правовых актов, конкретизирующих общие правовые предписания, а также осуществление контроля за данным процессом»¹⁷.

¹⁶ Галстян А. М., Мордовцев А. Ю., Апольский Е. А. Особенности и перспективы формирования единой правоприменительной практики в Российской Федерации (на примере разъяснительных актов пленума и судебных коллегий Верховного Суда РФ) // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 95, 98.

¹⁷ Баранов А. В. К вопросу о понятии правоприменительной деятельности // Правоприменительная деятельность в России : история и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции (17 мая 2017 г.). Сборник статей. Краснодар, 2017. С. 9.

Несмотря на теоретическую разработанность и междисциплинарный характер проблематики правовой реальности, ее соотношения с правоприменительной практикой, по сей день остаются элементы неопределенности как доктринального, так и практико-ориентированного характера, касающиеся особенностей реализации участниками правоприменительного процесса их прав, свобод и законных интересов, исполнения обязанностей и несения юридической ответственности. Юридической науке еще предстоит конкретизировать роль правоприменения и судебной практики в рамках понятия «правовая реальность», а также внести определенность в их соотношение с рядом смежных понятий, среди которых – «механизм правового регулирования», «процесс реализации права» и др.

Библиографический список

Аверин А. В. Истина и судебная достоверность : (постановка проблемы) / А. В. Аверин. – 2-е изд., доп. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2007. – 463 с.

Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – 2-е изд. – Екатеринбург : Автограф, 2018. – 190 с.

Алешкова И. А. Применение конституционных предписаний судами в Российской Федерации : интеграционный подход : монография / И. А. Алешкова. – М. : РГУП, 2017. – 292 с.

Баранов А. В. К вопросу о понятии правоприменительной деятельности / А. В. Баранов // Правоприменительная деятельность в России : история и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции (17 мая 2017 г.). Сборник статей. – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2017. – С. 6-9.

Вопленко Н. Н. Законность и правовой порядок / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2006. – 133 с.

Галстян А. М. Особенности и перспективы формирования единой правоприменительной практики в Российской Федерации (на примере разъяснительных актов пленума и судебных коллегий Верховного Суда РФ) / А. М. Галстян, А. Ю. Мордовцев, Е. А. Апольский // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. – 2023. – Т. 25, № 2. – С. 95–104.

Кашанина Т. В. Юридические документы. Чему не учат студентов. Как правильно понять и подготовить : учебник / Т. В. Кашанина. – М. : Проспект, 2018. – 448 с.

Ковалева В. В. Теория правоприменительной деятельности : учебное пособие / В. В. Ковалева. – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2018 – 68 с.

Кожевников В. В. Государственно-правовая действительность как предмет отражения правосознания / В. В. Кожевников // Правоприменение в публичном и частном праве : материалы Международной научной конференции (Омск,

27 марта 2020 г.) / [отв. ред. Г. Н. Обухова]. – Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2020. – С. 86–89.

Ланг П. П. Правовая реальность : философско-правовой анализ / П. П. Ланг // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 11–17.

Малько А. В. Теория государства и права : вопросы и ответы : учебно-методическое пособие / А. В. Малько. – М. : DirectMEDIA, 2013. – 470 с.

Матузов Н. И. Право в системе социальных норм / Н. И. Матузов // Общая теория права : курс лекций / под общ. ред В. К. Бабаева. – Нижний Новгород : Высшая школа МВД, 1993. – С. 183–203.

Нарыкова С. П. Системный подход в теоретико-правовых исследованиях / С. П. Нарыкова. – Краснодар : Краснодарский ун-т МВД России, 2006. – 155 с.

Осипов М. Ю. Основные факторы, влияющие на реализацию и применение права / М. Ю. Осипов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – № 2. – С. 93–97.

Пискунова О. В. Формы реализации права : дискуссионные вопросы общетеоретической трактовки / О. В. Пискунова // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – № 3. – С. 110–113.

Правотворчество и правоприменение : теория и практика : коллективная монография / И. А. Бабаев, С. И. Ермошина, С. А. Жинкин [и др.]. – Киров : Изд-во МЦИТО, 2022. – 135 с.

Проскурин С. Г. Семиотика. Язык, культура, право : учеб. пособие / С. Г. Проскурин. – 2-е изд., стер. – СПб. : Лань, 2024. – 252 с. – URL: <https://e.lanbook.com/book/393014> (дата обращения: 18.07.2025).

Скоробогатов А. В. Очерки по юридической антропологии / А. В. Скоробогатов, А. И. Скоробогатова, А. В. Краснов ; под ред. А. В. Скоробогатова. – Казань : Познание, 2019. – 167 с.

Скоробогатов А. В. Философско-правовая природа и статус юридической антропологии / А. В. Скоробогатов // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. – 2019. – Т. 15. – С. 24–36.

References

Alekseev S. N. The mechanism of legal regulation in the socialist state / S. N. Alekseev. – 2nd ed. – Yekaterinburg : Autograph, 2018. – 190 p.

Aleshkova I. A. Application of constitutional regulations by courts in the Russian Federation : an integration approach : a monograph / I. A. Aleshkova. – Moscow : RGUP, 2017. – 292 p.

Averin A. V. Truth and judicial reliability : (problem statement) / A. N. Averin. – 2nd ed., supplement. – St. Petersburg : Law Center Press, 2007. – 463 p.

Baranov A. V. On the issue of the concept of law enforcement activity / A. V. Baranov // Law enforcement in Russia : history and modernity : materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (May 17, 2017). Collection of articles. – Krasnodar : Publishing House-Yug, 2017. – Pp. 6–9.

Galstyan A. M. Features and prospects of the formation of a unified law enforcement practice in the Russian Federation (on the example of explanatory acts of the Plenum and judicial boards of the Supreme Court of the Russian Federation) / A. N. Galstyan, A. N. Mordovtsev, E. N. Apolsky // *Asia-Pacific region : economics, politics, law.* – 2023. – Vol. 25, no. 2. – Pp. 95–104.

Kashanina T. V. Legal documents. What students don't learn. How to understand and prepare correctly : a textbook / T. V. Kashanina. – Moscow : Prospekt, 2018. – 448 p.

Kovaleva V. V. Theory of law enforcement activities : a textbook / V. V. Kovaleva. – Krasnodar : Publishing House – Yug, 2018. – 68 p.

Kozhevnikov V. V. State-legal reality as a subject of reflection of legal consciousness / V. V. Kozhevnikov // *Law enforcement in public and private law : materials of the International Scientific Conference (Omsk, March 27, 2020)* / [ed. by G. N. Obukhova]. – Omsk : Publishing House of Omsk State University, 2020. – Pp. 86–89.

Lang P. P. Legal reality : philosophical and legal analysis / P. P. Lang // *Law Bulletin of Samara University.* – 2022. – Vol. 8, no. 2. – Pp. 11–17.

Law-making and law enforcement : theory and practice : collective monograph / I. A. Babaev, S. I. Ermoshina, S. A. Zhinkin [et al.]. – Kirov : MTSITO Publishing House, 2022. – 135 p.

Malko A. V. Theory of the state and law : questions and answers : an educational and methodological guide / A. V. Malko. – Moscow : DirectMedia, 2013. – 470 p.

Matuzov N. I. Law in the system of social norms / N. I. Matuzov // *General theory of law : a course of lectures / under total edited by V. K. Babaev.* – Nizhny Novgorod : High School of the Ministry of Internal Affairs, 1993. – Pp. 183–203.

Narykova S. P. A systematic approach in theoretical and legal research / S. P. Narykova. – Krasnodar : Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. – 155 p.

Osipov M. Yu. The main factors influencing the implementation and application of law / M. Yu. Osipov // *Legal policy and legal life.* – 2009. – No. 2. – Pp. 93–97.

Piskunova O. V. Forms of realization of law : controversial issues of general theoretical interpretation / O. V. Piskunova // *Bulletin of economics, law and sociology.* – 2020. – No. 3. – Pp. 110–113.

Proskurin S. G. Semiotics. Language, culture, law : a textbook for universities / S. G. Proskurin. – 2nd edition. – St. Petersburg : Lan, 2024. – 252 p. – URL: <https://e.lanbook.com/book/393014> (date of access: 07/18/2025).

Skorobogatov A. V. Essays on legal anthropology / A. V. Skorobogatov, A. I. Skorobogatova, A. V. Krasnov ; edited by A. V. Skorobogatov. – Kazan : Cognition, 2019. – 167 p.

Skorobogatov A. V. The philosophical and legal nature and status of legal anthropology / A. V. Skorobogatov // *Scientific notes of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice.* – 2019. – No. 15. – Pp. 24–36.

Voplenko N. N. Legality and legal order / N. N. Voplenko. – Volgograd : Publishing House of Volgograd State University, 2006. – 133 p.

Для цитирования:

Потапов Ю. А. Факторы, влияющие на правовую реальность и правоприменительную практику // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 4(13). С. 52–63.

Recommended citation:

Potapov Yu. A. Factors influencing the legal reality and law enforcement practice // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 4(13). Pp. 52–63.

Сведения об авторе

Потапов Юрий Алексеевич – доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: upotapov@mail.ru

Information about author

Potapov Yuri Alekseevich – Associate Professor at the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: upotapov@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЦИФРОВОЙ ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

У. Н. Ахмедов

Воронежский институт МВД России

Поступила в редакцию 31 октября 2025 г.

Аннотация: статья посвящена комплексному исследованию феноменов «цифровой личности» и «цифрового образа» как ключевых элементов социального бытия человека в информационную эпоху. Цель работы – выявить их концептуальные основы и актуальные проблемы идентификации. В рамках исследования анализируются философские подходы к пониманию цифровой ипостаси человека, проводится дифференциация между объективной «цифровой личностью» (как совокупностью данных) и субъективно формируемым «цифровым образом». Основное внимание автор фокусирует на проблемном поле: рассматриваются такие вызовы, как фрагментация и множественность идентичности, кибербуллинг, вопросы цифрового следа, а также правовые коллизии, связанные с установлением и защитой цифровой идентичности. На основе проведенного анализа формулируются выводы о необходимости междисциплинарного подхода и развития цифровой грамотности для преодоления обозначенных проблем.

Ключевые слова: цифровая личность, цифровой образ, идентификация, цифровая идентичность, персональные данные.

DIGITAL PERSONALITY AND THE DIGITAL IMAGE OF A PERSON: CONCEPTUAL FOUNDATIONS AND PROBLEMS OF IDENTIFICATION

U. N. Akhmedov

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: the article is devoted to a comprehensive study of the phenomena of “digital personality” and “digital image” as key elements of human social existence in the information age. The purpose of the work is to identify their conceptual foundations and actual identification problems. The research

analyzes philosophical approaches to understanding the digital hypostasis of a person, differentiates between an objective “digital personality” (as a collection of data) and a subjectively formed “digital image”. The author focuses on the problem field: such challenges as fragmentation and plurality of identity, cyberbullying, digital footprint issues, as well as legal conflicts related to the establishment and protection of digital identity are considered. Based on the analysis, conclusions are drawn about the need for an interdisciplinary approach and the development of digital literacy to overcome these problems.

Key words: digital identity, digital image, identification, digital identity, personal data.

Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни привела к формированию новой социальной реальности, в которой существование человека неразрывно связано с его цифровыми репрезентациями. Верно отмечают некоторые авторы, которые утверждают, что «виртуальная Сеть позволяет границы идентичности расширить и испытать на прочность. Невидимые друг другу собеседники поддаются искушению “примерить” иную идентичность»¹. Существующие рассуждения относительно возможной цифровизации личности требуют разграничения двух понятий: «цифровая личность» и «цифровой образ». Понятия «цифровая личность» (digital identity) и «цифровой образ» (digital persona) стали ключевыми для понимания процессов коммуникации, управления и самоидентификации в XXI в. Несмотря на кажущуюся синонимичность, эти термины отражают различные аспекты взаимодействия человека с цифровой средой. В научной литературе можно часто встретить термин «цифровая идентичность»², но он носит собирательный, общий характер. Его использование, в частности в юридической отрасли, страдает отсутствием конкретики. По нашему мнению, дифференциация понятий «цифровой личности» и «цифрового образа» наиболее предпочтительна для определения сферы правоотношений. Цель данной статьи – провести концептуальный анализ понятий «цифровая личность» и «цифровой образ», выявить их сущностные характеристики, взаимозависимость и проблемы, связанные с их формированием и управлением, на основе российских и зарубежных исследований.

1. Теоретическое разграничение понятий: цифровая личность vs цифровой образ. В современной научной дискуссии отсутствует единое толкование данных терминов. Однако можно выделить устоявшиеся подходы.

¹ Конева А. В. Матрица идентичности в цифровую эпоху : социальные вызовы преодоления анонимности // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 35. С. 14.

² Подробнее см.: Чернавин Ю. А. Цифровая идентичность личности : сущность, особенности возникновения и проявления // Человеческий капитал. 2022. № 12(168). Т. 2; Пеннер Р. В. Цифровая идентичность как новая форма социального признания : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2024.

1.1. Цифровая личность (Digital Identity).

В зарубежной литературе цифровая личность чаще всего понимается как «техничко-юридическая конструкция». Это совокупность уникальных данных, которые однозначно идентифицируют субъекта в киберпространстве. Роджер Кларк определяет цифровую идентичность как «совокупность данных о лице, представленных в цифровой форме, которая используется для идентификации этого лица при взаимодействии с цифровыми системами»³.

Ключевые атрибуты цифровой личности:

- 1) уникальность: набор данных (логин, пароль, биометрика, цифровой сертификат), отличающий одного пользователя от другого;
- 2) аутентифицируемость: способность подтвердить свою тождественность заявленной;
- 3) верифицируемость: возможность для системы проверить подлинность предоставленных данных;
- 4) стандартизированность: часто базируется на протоколах и стандартах (например, eIDAS в ЕС).

В этом контексте цифровая личность – это, по сути, цифровой аналог паспорта, используемый для доступа к государственным, финансовым и коммерческим услугам.

В российской научной парадигме также сильна правовая составляющая. В рамках реализации концепции «цифрового профиля гражданина» и системы ЕСИА (Единая система идентификации и аутентификации) цифровая личность рассматривается как набор верифицированных данных о человеке, хранящихся в государственных информационных системах⁴. Исследователи подчеркивают проблемы защиты персональных данных и риски тотального контроля со стороны государства⁵.

1.2. Цифровой образ (Digital Persona).

Понятие «цифровой образ» носит более социально-психологический и коммуникативный характер.

Зарубежные исследователи, такие как Шерри Тёркл, рассматривают цифровой образ как перформативную проекцию личности в онлайн-среде. Это «Я», которое человек конструирует и представляет в социальных сетях, форумах, блогах и играх⁶. Цифровой образ динамичен, контексту-

³ Clarke R. The digital persona and its application to data surveillance // The information society. 1994. No. 10(2). P. 77.

⁴ См.: Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. Федерального закона от 24.06.2025 г. № 156-ФЗ) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.

⁵ См.: Полякова Т. А. Цифровая идентичность : правовые риски и возможности // Legal Concept. 2020. Т. 19, № 4.

⁶ См.: Turkle S. Life on the screen : identity in the age of the Internet. New York, 1995. 347 p.

ален и может быть множественным (профессиональный LinkedIn, личный Instagram, анонимный Twitter).

Ключевые характеристики цифрового образа:

1) конструируемость: образ целенаправленно создается и редактируется самим пользователем;

2) множественность: один человек может иметь несколько цифровых образов для разных аудиторий и целей;

3) нарративность: образ формируется через истории, посты, фотографии, лайки и другой контент, который создает целостную историю о человеке;

4) оценочность: формируется не только самим пользователем, но и внешней средой (отзывами, комментариями, репутационными системами).

В российской науке этому понятию близка категория «цифровой след» (англ. – digital footprint). А. В. Чугунов и др. анализируют цифровой образ как агрегированную информацию о человеке, собираемую из его цифровых следов⁷. Этот образ может не совпадать с самоощущением индивида, так как формируется алгоритмами платформ и интерпретациями других пользователей.

Сравнительная таблица

Критерий	Цифровая личность (Digital Identity)	Цифровой образ (Digital Persona)
Основная сущность	Идентификатор, набор атрибутов	Репрезентация, образ, нарратив
Ключевая функция	Аутентификация и авторизация	Самопрезентация и коммуникация
Степень формализации	Высокая, структурированная	Низкая, неструктурированная
Кто формирует?	Сам пользователь, государство, корпорации	Преимущественно сам пользователь (и алгоритмы)
Примеры	ЕСИА, банковская карта, eID	Профиль в Facebook, аватар в игре, отзывы на Amazon

⁷ См., напр.: Цифровой след и цифровой профиль гражданина : социальные и политические последствия / А. В. Чугунов [и др.] // Monitoring of public opinion : economic and social changes. 2019. № 5.

2. Проблемы и вызовы, связанные с цифровой идентичностью и образом.

2.1. Проблема приватности и контроля данных. Цифровая личность как набор данных становится объектом коммерции и контроля. Зарубежные исследователи (например, Дж. Зиттрейн) говорят о «ловушке прозрачности», когда пользователь жертвует приватностью ради удобства⁸. В России этот вопрос актуализируется в связи с развитием системы «Безопасный город» и распространением систем распознавания лиц.

2.2. Множественность идентичности и ее целостность. Распространение цифровых образов приводит к «диффузии идентичности». Человек вынужден поддерживать несколько образов, что может вызывать психологический дискомфорт и кризис самоидентификации⁹. Возникает вопрос: какой из образов является «подлинным»?

2.3. Цифровая репутация и кибербуллинг. Цифровой образ напрямую влияет на жизнь человека в офлайне. Негативный цифровой след или целенаправленная дискредитация (кибербуллинг) могут нанести серьезный репутационный и психологический ущерб.

2.4. Алгоритмическая манипуляция и «фильтрующий пузырь». Цифровой образ человека используется алгоритмами социальных сетей и поисковых систем для формирования персонализированного контента (Э. Паризер – «фильтрующий пузырь»¹⁰). Это ограничивает кругозор пользователя и может применяться для манипуляции его поведением и политическими взглядами.

2.5. Правовой статус. Юридическое признание цифровой личности остается сложным вопросом. В ЕС регламент eIDAS создает правовую основу для электронных идентификаторов. В России правовой статус цифрового профиля закреплен в рамках Федерального закона «О цифровых финансовых активах» и концепции «регулятивной песочницы», однако многие аспекты, особенно связанные с цифровым образом и его защитой, остаются неурегулированными.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Понятия «цифровая личность» и «цифровой образ» репрезентируют разные отрасли человеческого существования в цифровую эпоху. Цифровая личность – это в первую очередь идентификатор, технический инструмент для взаимодействия с системами. Цифровой образ – это образ, социально-психологическая проекция, нарратив.

⁸ См.: Zittrain J. The Future of the Internet – and how to stop it. New Haven, 2008.

⁹ См.: Turkle S. Op. cit.

¹⁰ Подробнее см.: Pariser E. The Filter Bubble : What the Internet is Hiding From You. London, 2011.

2. Несмотря на различия, эти концепции тесно взаимосвязаны. Цифровая личность обеспечивает доступ в среду, где формируется цифровой образ. В то же время данные, генерируемые в процессе поддержания цифрового образа (цифровые следы), обогащают и усложняют цифровую личность, превращая ее из простого идентификатора в комплексный профиль.

3. Перед обществом стоят серьезные вызовы, требующие междисциплинарного подхода: разработки надежных правовых механизмов защиты цифровой личности, развития цифровой грамотности населения для осознанного управления своим цифровым образом и создания этических стандартов для компаний, работающих с персональными данными.

Дальнейшее исследование должно быть направлено на изучение трансформации идентичности человека в условиях слияния его цифровых ипостасей, а также на разработку моделей управления цифровой идентичностью, обеспечивающих баланс между удобством, безопасностью и приватностью.

Библиографический список

Конева А. В. Матрица идентичности в цифровую эпоху : социальные вызовы преодоления анонимности / А. В. Конева, А. А. Лисенкова // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 35. – С. 14–28.

Пеннер Р. В. Цифровая идентичность как новая форма социального признания : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Р. В. Пеннер. – Саратов, 2024. – 38 с.

Полякова Т. А. Цифровая идентичность : правовые риски и возможности / Т. А. Полякова // Legal Concept. 2020. – Т. 19, № 4. – С. 6–13.

Цифровой след и цифровой профиль гражданина : социальные и политические последствия / А. В. Чугунов [и др.] // Monitoring of Public Opinion : Economic and Social Changes. – 2019. – № 5. – С. 14–35.

Чернавин Ю. А. Цифровая идентичность личности : сущность, особенности возникновения и проявления / Ю. А. Чернавин // Человеческий капитал. – 2022. – № 12(168). – Т. 2. – С. 74–78.

Clarke R. The Digital Persona and Its Application to Data Surveillance / R. Clarke // The Information Society. – 1994. – No. 10(2). – Pp. 77–92.

Pariser E. The Filter Bubble : What the Internet Is Hiding from You / E. Pariser. – London : Penguin Press, 2011. – 304 p.

Turkle S. Life on the screen : identity in the age of the Internet / S. Turkle. – New York : Simon & Schuster, 1995. – 347 p.

Zittrain J. The Future of the Internet – and how to stop it / J. Zittrain. – New Haven : Yale University Press, 2008. – 352 p.

References

Chernavin Yu. A. Digital Identity of a Person : Essence, Features of Emergence and Manifestations / Yu. A. Chernavin // Human Capital. – 2022. – No. 12(168). – Vol 2. – Pp. 74–78.

Clarke R. The Digital Persona and Its Application to Data Surveillance / R. Clarke // The Information Society. – 1994. – No. 10(2). – Pp. 77–92. [In Engl.]

Digital Footprint and Digital Profile of a Citizen : Social and Political Consequences / A. V. Chugunov [et al.] // Monitoring of Public Opinion : Economic and Social Changes. – 2019. – No. 5. – Pp. 14–35.

Koneva A. V. The Matrix of Identity in the Digital Age : Social Challenges of Overcoming Anonymity / A. V. Koneva, A. A. Lisenkova // Bulletin of Tomsk State University. – 2019. – No. 35. – Pp. 14–28.

Pariser E. The Filter Bubble : What the Internet Is Hiding from You / E. Pariser. – London : Penguin Press, 2011. – 304 p. [In Engl.]

Penner R. V. Digital Identity as a New Form of Social Recognition : abstract of a diss. PhD in Philosophy / R. V. Penner. – Saratov, 2024. – 38 p.

Polyakova T. A. Digital Identity: Legal Risks and Opportunities / T. A. Polyakova // Legal Concept. – 2020. – Vol. 19, no. 4. – Pp. 6–13.

Turkle S. Life on the screen : identity in the age of the Internet / S. Turkle. – New York : Simon & Schuster, 1995. – 347 p. [In Engl.]

Zittrain J. The Future of the Internet – and how to stop it / J. Zittrain. – New Haven : Yale University Press, 2008. – 352 p. [In Engl.]

Для цитирования:

Ахмедов У. Н. Цифровая личность и цифровой образ человека: концептуальные основы и проблемы идентификации // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 4(13). С. 64–70.

Recommended citation:

Akhmedov U. N. Digital personality and the digital image of a person: conceptual foundations and problems of identification // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 4(13). Pp. 64–70.

Сведения об авторе

Ахмедов Ульви Низами оглы – доцент кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Ulvi27@mail.ru

Information about author

Akhmedov Ulvi Nizami oglu – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
E-mail: Ulvi27@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА И ПРАВОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОВОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Н. А. Лаврёнов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 декабря 2025 г.

Аннотация: внимание научного сообщества к разработке концепции правовых технологий определяется возросшим в настоящее время интересом к исследованию актуальных проблем повышения эффективности и результативности правового конструирования как одной из форм осуществления юридической деятельности. Тем не менее на данный момент в отечественном категориальном аппарате еще не сложился единый универсальный подход к пониманию правовой технологии, не определено ее место в юридической науке. В контексте этого одним из самых актуальных вопросов является соотношение категорий «юридическая техника» и «правовая технология» как неотъемлемых частей правового конструирования, именно вокруг него складывается наиболее оживленная дискуссия.

Ключевые слова: технология, правовая технология, юридическая технология, юридическая техника, правовое конструирование, юридическая деятельность.

LEGAL TECHNIQUE AND LEGAL TECHNOLOGIES AS ELEMENTS OF LEGAL CONSTRUCTION

N. A. Lavryonov

Voronezh State University

Abstract: the scientific community's attention to developing the concept of legal technology is driven by the currently growing interest in researching pressing issues of improving the efficiency and effectiveness of legal construction as a form of legal activity. However, a unified, universal approach to understanding legal technology has not yet emerged in the domestic categorical apparatus, nor has its place in legal science been defined. In this context, one of the most pressing issues is the relationship between the categories of “legal technique” and “legal technology” as integral parts of legal construction, and it is this relationship that is the subject of the most lively debate.

Key words: technology, legal technology, legal technique, legal construction, legal activity.

© Лаврёнов Н. А., 2025

Влияние научного и технического прогресса на трансформацию юридической деятельности, естественно, влечет за собой и преобразование различных видов и форм подобной деятельности, в частности правового конструирования. Это, в свою очередь, обуславливает неизбежность роста числа структурных элементов юридической техники как одного из инструментов осуществления конструирования в праве. Содержание юридической техники достаточно давно вышло за рамки формально-логических и лингвистических средств построения юридических текстов и анализа правовых норм. В настоящее время перед юридическим сообществом стоит задача апробации добавления в ее содержание зачастую разнородных по назначению структурных элементов с тем, чтобы они, во-первых, действительно отвечали целям развития практической юриспруденции, а, во-вторых, органично вписывались в структуру юридической техники и сочетались с другими структурными частями. В противном случае утрата упорядоченности системы приемов, способов и средств юридической деятельности неизбежно повлечет за собой снижение эффективности реализации субъектами права заданных целей в различных правовых ситуациях, особенно в условиях перманентной динамики социальных отношений.

Следствием расширения содержания категории «юридическая техника» стал интерес научного сообщества к правовой технологии как к концепту, который благодаря своей системности и универсальности способен консолидировать достаточно разрозненные элементы, которые органически представляют собой содержание юридической техники (приемы, средства, способы, методы и правила осуществления эффективного правового конструирования), а также инновационный технический, цифровой и иной инструментарий, выходящий за рамки классического понимания «техники». По мнению И. В. Колесник, юридическая технология фактически «вырастает» из юридической техники¹. Связь технологии и техники прослеживается и в этимологическом аспекте, поскольку термины «техника» и «технология» образованы от греческого слова *téchne* (искусство, мастерство, умение)².

Важно подчеркнуть, что в условиях отсутствия устоявшейся концепции разграничения понятий «правовая технология» и «юридическая технология» в научной среде прослеживается применение указанных терминов как синонимичных, их используют для описания сущности одного и того же явления. Тем не менее, с опорой на позиции ряда уче-

¹ См.: Колесник И. В. Теоретическая модель правоприменительной технологии : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2015. С. 81.

² См.: Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1976. Т. 25, Струнино – Тихорецк. С. 522, 537.

ных³, в рамках данной публикации будет использоваться более широкий по объему термин – «правовая технология».

В дискуссии по вопросу соотношения рассматриваемых категорий в научном сообществе можно проследить определенное расхождение взглядов, анализ которых позволяет условно выделить три точки зрения:

1) правовая технология рассматривается исключительно как структурный элемент категории «юридическая техника» и не наделяется какой-либо самостоятельной ролью;

2) юридическая техника признается более узкой категорией, в результате чего она рассматривается в качестве компонента категории «правовая (юридическая) технология»;

3) рассматриваемые категории отождествляются, признаются равнозначными или же высказываются идеи о замене одного термина другим.

Например, С. С. Алексеев пишет: «По своему содержанию юридическая техника складывается из двух элементов: а) технических средств и б) технических приемов. Здесь можно провести аналогию с материальной техникой, где тоже, с одной стороны, выделяются средства техники, то есть машины, оборудование, а с другой – методы, приемы их использования, то есть технология... в области права, техническими средствами являются, в частности, юридические конструкции, терминология; правовой технологией – способы изложения норм, система отсылок»⁴. Разделяет подобную точку зрения и Т. В. Кашанина, включая правовые технологии в состав юридической техники.

Н. А. Власенко включает юридическую технику в состав юридической (правовой) технологии, наделяя «технологию» способностью применения инструментария «техники». Он пишет: «Юридическая техника – это неотъемлемая часть юридической технологии, условие ее функционирования. Если юридическая технология отвечает на вопрос: в какой последовательности осуществлять те или иные юридические операции, то юридическая техника отвечает на вопрос: с помощью каких приемов и средств должны осуществляться те или иные технологические операции (действия)»⁵.

Мнение Н. А. Власенко в части возможности использования инструментария юридической техники в процессе применения правовых технологий схоже с позицией К. Н. Княгинина, который, однако, разграничивает исследуемые категории, характеризует их как автономные

³ См., напр.: Березина Е. А. Правовая технология : истоки возникновения научного направления // Философия права. 2020. № 1(92). С. 7–14.

⁴ Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 268.

⁵ Нормотворческая юридическая техника / Н. А. Власенко [и др.]. М., 2011. С. 11.

(независимые друг от друга) одноуровневые явления и считает, кто каждая из них способна функционировать самостоятельно⁶.

Иначе, чем, например, С. С. Алексеев, видит соотношение исследуемых категорий В. Н. Карташов, который считает необоснованным включение правовых технологий в состав юридической техники как одного из ее структурных элементов. Его позиция схожа с позициями К. Н. Княгинина и Н. А. Власенко и заключается в том, что по своему содержанию категория «правовые технологии» шире, чем категория «юридическая техника». Более того, с его точки зрения, именно юридическая техника как совокупность определенных средств входит в состав правовой технологии, способствуя достижению необходимых результатов и целей, обусловивших применение соответствующей правовой технологии. В. Н. Карташов, конкретизируя видение «технологии», определяет следующие значения категории: с одной стороны, это «...основанный на определенных принципах, планах и прогнозах процесс подготовки, оформления и обнародования разнообразных правовых решений (актов), в ходе которого используются необходимые средства, приемы, способы и методы юридической деятельности», а с другой – это «система знаний о средствах, способах и методах наиболее эффективной и планомерной юридической практики»⁷. Необходимо заметить, что аналогичное соотношение «техники» и «технологии» поддерживается также С. В. Бахваловым и С. В. Судаковой, посвятившими свои диссертационные исследования различным видам правовых технологий⁸.

По мнению Т. Я. Хабриевой, если юридическая техника есть «совокупность правил, средств и приемов разработки, оформления и систематизации нормативных актов», то под юридической технологией целесообразно понимать «систему научно обоснованных приемов, способов и других правовых инструментов, а также процедур их использования, которые позволяют оптимально применять необходимые ресурсы (финансовые, организационные, кадровые и т. д.) в целях обеспечения ответственности юридических решений»⁹. Таким образом, в вопросе соотно-

⁶ См.: Княгинин К. Н. Охранительные правоприменительные акты. Вопросы теории и технологии. Свердловск, 1991. 108 с.

⁷ Колесник И. В. Юридическая техника и юридическая технология современной российской правовой науке // Наука. Мысль : электронный периодический журнал. 2016. № 3. С. 58.

⁸ См.: Судакова С. В. Технология предупреждения юридических конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. С. 20; Бахвалов С. В. Законодательная технология : некоторые проблемы теории и методологии : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 72.

⁹ Кичигин Н. В., Егорова Н. Е., Иванюк О. А. Третья международная Школа-практикум молодых ученых и специалистов по юриспруденции на тему «Эффективность законодательства и современные юридические технологии» // Журнал российского права. 2008. № 7(139). С. 147.

шения двух категорий «технология» наделяется более объемным содержанием, а юридическая техника признается одной из разновидностей юридических технологий.

В. М. Баранов, в свою очередь, считает целесообразным замену терминов: понятие «юридическая техника» представляется ему противоречивым, неточным и применяемым только лишь в силу сложившейся правовой традиции. В качестве замены он предлагает термин «юридическая технология»¹⁰.

В научной литературе естественная взаимосвязь юридической техники и правовой технологии не ставится под сомнение, в то же время анализ научных трудов в рамках соотношения юридической техники и правовой технологии показывает, что большинство исследователей придерживаются мнения о том, что правовые технологии следует рассматривать в качестве более широкой и объемной категории, нежели юридическую технику. В. И. Червонюк, исследуя проблемы соотношения двух категорий, пишет: «Некогда достаточно распространенный взгляд, согласно которому юридическая техника охватывает своим содержанием и юридическую технологию, в определенной мере можно считать преодоленным»¹¹.

По результатам анализа существующих точек зрения по вопросу соотношения рассматриваемых категорий можно констатировать, что правовые технологии, помимо содержания, традиционно присущего юридической технике (система правил, средств, приемов, способов и т. д.), включают в себя также процедурный аспект (стадии, этапы действий). В подтверждение этого С. Н. Болдырев пишет: «Целевая направленность юридических технологий как раз и состоит в согласовании и обеспечении последовательности действий, стадий, этапов, определяющих процессы подготовки и принятия законов, подзаконных нормативных актов, правоприменительных и иных юридических актов»¹².

Более того, если различные структурные элементы юридической техники выступают в качестве достаточно точно определенного и сформулированного инструментария, применяемого в целях достижения желаемого уровня качества и результативности, то правовые технологии ха-

¹⁰ См.: Проблемы юридической техники : сборник статей / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 11–12.

¹¹ Червонюк В. И. Инновации в праве : современные юридические технологии в контексте цифровой реальности. Статья 2. Техничко-юридический инструментарий и технологии в сфере действия права : традиционные взгляды и необходимость их переоценки // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 33.

¹² Болдырев С. Н. Юридическая техника и юридические технологии : соотношение и значение // Наука и образование : хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. № 1(1). С. 20–21.

рактируются большей степенью динамики, включая в свое содержание такие элементы, которые по разным причинам недоступны юридической технике и не соответствуют ее параметрам. Данный тезис подтверждается словами В. Н. Червонюка: «Хотя применение технологий действительно связано с широким привлечением технико-юридического инструментария, тем не менее вывод о том, что юридические технологии – это применение (использование) юридической техники, что они (юридические технологии) инкорпорируют своим содержанием технико-юридический инструментарий, не корректен и методологически уязвим: это имеющие разное целевое назначение, разнопорядковые правовые феномены. Применение юридических технологий не ограничивается исключительно технико-юридическим инструментарием, но нередко “обходится” без него»¹³.

Корректность данной точки зрения подтверждается прослеживаемой в настоящее время тенденцией к многократному увеличению использования различных информационных и цифровых технологий в процессе правового конструирования. Подобные технологии носят инновационный характер для права и не свойственны юридической технике, поскольку в рамках классического понимания данной категории не являются структурными элементами ее содержания.

Применение технологий искусственного интеллекта в правотворчестве¹⁴, формирование и развитие цифрового нормативного языка (машинописного права)¹⁵, создание цифровых нормативно-правовых актов¹⁶, использование цифровых технологий в правоприменительной деятельности¹⁷ – подобные примеры являются подтверждением корректности понимания правовой технологии как категории, способной в своем содержании сочетать материальный и процедурный аспекты правового конструирования. В контексте этого сущность «технологии» выражается в синтезе технико-юридического инструментария в его класси-

¹³ Червонюк В. И. Инновационные юридические технологии // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 277.

¹⁴ См.: Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (утв. Минэкономразвития России). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ В России зарегистрирован первый цифровой НПА // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_rossii_zaregistrirovan_pervyy_cifrovoy_npa.htm (дата обращения: 20.09.2025).

¹⁷ См., напр.: Завьялова И. С. Цифровые технологии в системе механизма привлечения к административной ответственности: конфликтологический аспект // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1. С. 113–124.

ческом понимании с иными не противоречащими закону средствами. Иное понимание природы правовых технологий, упускающее из виду различные инновационные механизмы и инструменты, будет снижать функциональный потенциал «технологий», а значит, будет неоправданно ограниченным.

В заключение, в связи с изложенным выше, есть достаточно оснований выдвинуть следующие тезисы в рамках исследуемой проблемы:

1) правовые технологии и юридическая техника – это две взаимосвязанные категории, которые являются неотъемлемыми структурными компонентами правового конструирования как формы юридической деятельности;

2) юридическая техника выступает материальной базой становления и развития юридической (правовой) технологии как правового явления, поскольку добавление в содержание «техники» новых элементов и усложнение ее структуры определили необходимость формирования новой самостоятельной категории, в предмет которой входило бы, в частности, системное функционирование уже существующего и образующегося юрико-технического инструментария, который должен отвечать целям повышения качества и увеличения социального значения всего многообразия юридических актов.

Библиографический список

Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 360 с.

Бахвалов С. В. Законодательная технология : некоторые проблемы теории и методологии : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Бахвалов. – Н. Новгород, 2006. – 272 с.

Березина Е. А. Правовая технология : истоки возникновения научного направления / Е. А. Березина // Философия права. – 2020. – № 1(92). – С. 7–14.

Болдырев С. Н. Юридическая техника и юридические технологии : соотношение и значение / С. Н. Болдырев // Наука и образование : хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2010. – № 1(1). – С. 20–25.

Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Сов. энциклопедия, 1976. – Т. 25, Струнино – Тихорецк. – 600 с.

Завьялова И. С. Цифровые технологии в системе механизма привлечения к административной ответственности : конфликтологический аспект / И. С. Завьялова // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2023. – № 1(1). – С. 113–124.

Кичигин Н. В. Третья международная Школа-практикум молодых ученых и специалистов по юриспруденции на тему «Эффективность законодательства и современные юридические технологии» / Н. В. Кичигин, Н. Е. Егорова, О. А. Иванюк // Журнал российского права. – 2008. – № 7(139). – С. 145–163.

Княгинин К. Н. Охранительные правоприменительные акты. Вопросы теории и технологии / К. Н. Княгинин. – Свердловск : Издательство Уральского университета, 1991. – 108 с.

Колесник И. В. Теоретическая модель правоприменительной технологии : дис. ... д-ра юрид. наук / И. В. Колесник. – Н. Новгород, 2015. – 437 с.

Колесник И. В. Юридическая техника и юридическая технология современной российской правовой науке / И. В. Колесник // Наука. Мысль : электронный периодический журнал. – 2016. – № 3. – С. 45–63.

Муромцев Г. И. Юридическая техника (некоторые теоретические аспекты) / Г. И. Муромцев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – № 1(228). – С. 9–20.

Нормотворческая юридическая техника / Н. А. Власенко [и др.]. – М. : НИЦ ИНФРА-М, 2011. – 312 с.

Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (утв. Минэкономразвития России). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Проблемы юридической техники. – Нижний Новгород : Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2000. – 823 с.

Судакова С. В. Технология предупреждения юридических конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Судакова. – Ярославль, 2004. – 173 с.

Червонюк В. И. Инновации в праве : современные юридические технологии в контексте цифровой реальности. Статья 2. Техничко-юридический инструментарий и технологии в сфере действия права : традиционные взгляды и необходимость их переоценки / В. И. Червонюк // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 31–35.

Червонюк В. И. Инновационные юридические технологии / В. И. Червонюк // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 273–293.

References

Alekseev S. S. General theory of law : in 2 vol. / S. S. Alekseev. – Moscow : Legal Literature, 1982. – Vol. 2. – 360 p.

Bakhvalov S. V. Legislative technology : some problems of theory and methodology : dis. ... candidate of legal sciences / S. V. Bakhvalov. – Nizhny Novgorod, 2006. – 272 p.

Berezina E. A. Legal Technology : the origins of the scientific direction / E. A. Berezina // Philosophy of Law. – 2020. – No. 1(92). – Pp. 7–14.

Boldyrev S. N. Legal technique and legal technologies : relationship and significance / S. N. Boldyrev // Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. – 2010. – No. 1(1). – Pp. 20–25.

Chervonyuk V. I. Innovations in law : modern legal technologies in the context of digital reality. Article 2. Technical and legal instruments and technologies in the sphere of law : traditional views and the need for their reassessment / V. I. Chervonyuk // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 2. – Pp. 31–35.

Chervonyuk V. I. Innovative legal technologies / V. I. Chervonyuk // Legal technology. – 2021. – No. 15. – Pp. 273–293.

Kichigin N. V. The Third international school-workshop for young scientists and specialists in jurisprudence on the topic “Efficiency of legislation and modern legal technologies” / N. V. Kichigin, N. E. Egorova, O. A. Ivanyuk // Journal of Russian law. – 2008. – No. 7(139). – Pp. 145–163.

Knyagin K. N. Protective law enforcement acts. Theoretical and technological issues / K. N. Knyagin. – Sverdlovsk : Ural University Publishing House, 1991. – 108 p.

Kolesnik I. V. Legal technology and legal technology of modern Russian legal science / I. V. Kolesnik // Science. Thought : electronic periodical journal. – 2016. – No. 3. – Pp. 45–63.

Kolesnik I. V. Theoretical model of law enforcement technology : dis. ... doctor of law / I. V. Kolesnik. – Nizhny Novgorod, 2015. – 437 p.

Muromtsev G. I. Legal technique (some theoretical aspects) / G. I. Muromtsev // News of higher educational institutions. Jurisprudence. – 2000. – No. 1(228). – Pp. 9–20.

Norm-making legal technique / N. A. Vlasenko [et al.]. – Moscow : NITs INFRA-M, 2011. – 312 p.

Passport of the federal project “Digital public administration” (approved by the Presidium of the Government Commission on digital development, the use of information technology to improve the quality of life and conditions for doing business, minutes of May 28, 2019, No. 9). – Access from the reference and legal system “ConsultantPlus”.

Passport of the federal project “Regulatory regulation of the digital environment” (approved by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation). – Access from the reference and legal system “ConsultantPlus”.

Problems of legal technology. – Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2000. – 823 p.

Sudakova S. V. Technology of Preventing Legal Conflicts : dis. ... candidate of legal sciences / S. V. Sudakova. – Yaroslavl, 2004. – 173 p.

The Great Soviet Encyclopedia : [in 30 vol.] / ed. A. M. Prokhorov. – Moscow : Sov. Encyclopedia, 1976. – T. 25, Strunino – Tikhoretsk. – 600 p.

Zavyalova I. S. Digital technologies in the system of the mechanism of bringing to administrative responsibility : conflictological aspect / I. S. Zavyalova // Journal of legal anthropology and conflictology. – 2023. – No. 1. – Pp. 113–124.

Для цитирования:

Лаврёнов Н. А. Юридическая техника и правовые технологии как элементы правового конструирования // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 4(13). С. 71–80.

Recommended citation:

Lavryonov N. A. Legal technique and legal technologies as elements of legal construction // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 4(13). Pp. 71–80.

Сведения об авторе

Лаврёнов Николай Александрович – преподаватель кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета

E-mail: nikolay_lavryonov@mail.ru

Information about author

Lavryonov Nikolay Alexandrovich – Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University

E-mail: nikolay_lavryonov@mail.ru

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

УДК 340.153

МЕСТО AMERCEMENTS В СИСТЕМЕ ШТРАФОВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

Ю. И. Царёва

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

Поступила в редакцию 30 ноября 2025 г.

Аннотация: в статье рассмотрен зарубежный опыт регламентации штрафов в период Средневековья, через выявление основных принципов назначения штрафов в Великой Хартии вольностей, а также раскрыта специфика amercements через установление соотношения этого вида штрафов с добровольным штрафом, судебным залогом и специализированным штрафом.

Ключевые слова: добровольный штраф, судебный залог, специализированный штраф, дискреционный штраф, Великая Хартия вольностей.

AMERCEMENTS IN THE PENALTY SYSTEM OF MEDIEVAL ENGLAND

Y. I. Tsareva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: the article attempts to identify the specifics of amercements in the system of fines in England in the Middle Ages, as well as to establish the relationship of this type of fines with fines, mainprice and murdrum.

Key words: fines, mainprice, murdrum, amercement, Magna Carta.

© Царёва Ю. И., 2025

В средневековой Англии попытки разработки механизмов для подавления преступности принимали различные формы. Можно выделить три периода развития системы штрафов в Англии в период Средневековья.

В течение первого периода – периода существования англосаксонских королевств – самым ранним способом возмещения ущерба было возмездие, или кровная месть. Пострадавший или его наследник брали закон в свои руки и требовали удовлетворения с помощью боевого топора или копья.

Следующий период связан с возникновением фиксированных денежных выплат. В какой-то ранний, но неопределенный момент стало обычным принимать деньги вместо мести. Новая практика, поначалу исключительная, постепенно расширялась. Стало обязательным предлагать денежную компенсацию и, наконец, принимать ее, когда ее предлагали. Право кровной мести было законным только после того, как потерпевший потребовал и получил отказ в компенсации по установленной ставке. Варварские правды формулировали правила определения сумм, подлежащих выплате. Жизнь каждого человека имела свою денежную стоимость – вергельд (от простого свободного человека, оцениваемого в 200 шиллингов, до прелатов и мирян, оцениваемых в гораздо более высокие суммы)¹. Часть вергельда платили родственникам, а часть забирал король. Более легкие обиды можно было компенсировать меньшими суммами, известными как бот: столько-то за ногу, глаз или зуб². Существовал специальный штраф, который выплачивала вся община, назывался он *murdum*. Он платился в случае, если тело находили на территории сотни и убийцу найти не представлялось возможным: львиная доля штрафа (40 марок из 46) шла в королевскую казну³. Штраф носил коллективный характер, его платила вся сотня.

И, наконец, третий период связан с нормандским завоеванием в XI в., когда корона вмешалась и предложила защиту на определенных условиях: виновный сдавался королю вместе со всем своим имуществом, помещая себя “*in misericordiam regis*” и предоставляя осязаемый залог (*vadum*) в качестве доказательства и гарантии сдачи. Строго говоря, жизнь человека, а также всё, что он имел, были во власти короля. Однако корона считала, что может нанести ущерб собственным интересам из-за чрез-

¹ См.: Законы короля Кнута // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В. М. Корецкого. М., 1961. С. 85–90.

² См.: Хатунов С. Ю. Штраф как уголовное наказание в средневековой Англии / С. Ю. Хатунов // Право и государство : теория и практика. 2009. № 5(53). С. 126–128.

³ См.: Хатунов С. Ю. Уголовная ответственность в период обычного права в средневековой Англии // Сибирское юридическое обозрение. 2009. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-v-period-obychnogo-prava-v-srednevekovoy-anglii> (дата обращения: 19.11.2025).

мерной жадности, и обычно довольствовалась умеренными штрафами. Были сформулированы правила процедуры: размер штрафа зависел от богатства преступника, а отчасти от тяжести преступления. Более того, стало общепризнанным правилом, что размер штрафа должен оцениваться фактически жюри, состоящим из соседей преступника; и были также предприняты попытки установить максимум для сумм выплаты. Таким образом, возник своего рода тариф, который корона обычно соблюдала на практике, не отказываясь от права требовать большего. Такие платежи были известны как *amergements*. *Amerciament* (*amercement*) – от термина “*in mercu*”, буквально «находиться в милости» – это не что иное, как дискретный штраф, размер которого устанавливался по усмотрению штрафующего, а не законом. Некоторые особенности: 1) часто использовался для мелких преступлений, например за неявку на собрания сотни или графства; за ложные или ошибочные приговоры; за нарушение прав короля в лесу, вместо тюремного заключения, однако упоминаются и штрафы за убийства и непредумышленное убийство, мошенничество, уклонение от уплаты налогов, нарушение договора, просрочку, неявку в суд, ложное решение суда и неподписание иска или невыполнение требований суда; 2) размер штрафа регулировался богатством преступника и тяжестью преступления. Хартия Генриха I (статья 8) обещала средство, действительно радикальное, но реакционное и невозможное. Обещание короля полностью отменить систему *amergements* (на тот момент недавно введенную) и вернуться к более ранней англосаксонской системе штрафов так и не было исполнено⁴.

Великая хартия вольностей отсылает к древним законам и обычаям Англии. По-видимому, практика назначения *amergements* уже окончательно установилась к XIII в. и состояла из двух этапов: 1) в случае с простоядином штраф при обычных обстоятельствах предварительно определялся королевскими судьями округа при содействии шерифа. Их обязанностью было следить за тем, чтобы сумма была соразмерна тяжести преступления; 2) после этого шериф или его приставы в окружном суде при содействии двенадцати соседей облагали правонарушителя суммой, уменьшая ее в соответствии со своими знаниями о его платежеспособности⁵. В Казначейских свитках можно найти примеры подобной практики. На четырнадцатом году правления Генриха II некий священник (который в этом отношении находился на том же положении, что и мирянин) был оштрафован на 100 марок Уильямом Фиц-Джоном, одним из коро-

⁴ См.: Хартия Генриха I // Памятники истории Англии XI–XIII вв. / пер. с лат. Д. М. Петрушевского. М., 1936. С. 40–45.

⁵ См.: *Harcourt L. W. The Baga de Secretis // The English Historical Review. 1908. Vol. XXIII, no. XCI. P. 508.*

левских судей, но эта сумма впоследствии была уменьшена до 40 марок “*per sacramentum victorum suorum*”. Кажется, можно с уверенностью заключить, что, поскольку священник сослался на бедность, вопрос о его платежеспособности был передан местным посредникам. Этот священник был впоследствии полностью помилован «из-за своей бедности»⁶. Таким образом, судебная практика позволяла формировать правовые нормы, которые становились основой для определения размера штрафов, в том числе *ameracements*.

Кроме того, в XX статье Великой хартии вольностей упомянуто требование, в соответствии с которым при взыскании штрафов неприкосновенными оставались собственность свободного человека в размере, необходимом для сохранения социального положения, товар купца и сельскохозяйственный инвентарь виллана:

а) за незначительное правонарушение могла быть взята лишь незначительная сумма. В этом не было ничего нового: записи правления Иоанна показывают, что как до, так и после 1215 г. часто взимались очень небольшие суммы: три пенса были обычной суммой;

б) за серьезные правонарушения могла быть установлена более крупная сумма, но не несоизмеримая правонарушению;

в) ни в коем случае правонарушитель не мог быть полностью лишен средств к существованию. Даже если всё остальное имущество должно было быть продано, чтобы уплатить установленную сумму, он должен был сохранить свое «довольствие»⁷;

г) предусматривался механизм для приведения этих правил в действие. Сумма должна быть установлена не произвольно короной, а беспристрастными оценщиками, «по присяге честных людей из окрестностей». Это первая из трех статей, посвященных устранению злоупотреблений, связанных с королевскими наказаниями.

Некоторые городки предвосхитили Великую хартию вольностей, добавив в свои хартии определение максимального размера *ameracement*, который можно было бы потребовать. Так, Хартия Иоанна Безземельного городу Данвичу от 29 июня 1200 г.⁸ предусматривает, что горожане могут быть оштрафованы только при участии жюри, состоящего из шести людей из города и шести людей извне (возможно, имелись в виду иностранные купцы). Столица имела особые привилегии: в своей Хартии Лондону

⁶ См.: *Madox T.* The history and antiquities of the Exchequer of the kings of England, in two periods : to wit, from the Norman conquest, to the end of the reign of K. John; and from the end of the reign of K. John, to the end of the reign of K. Edward II. London, 1769. Vol. I. P. 527.

⁷ См.: *Pollock F., Maitland F.* The History of English Law before the Time of Edward I. In 2 vol. Cambridge, 1895.

⁸ См.: *Magna carta : a commentary on the Great Charter of King John with an historical introduction by McKechnie, William Sharp.* London, 1914. P. 289.

Генрих I обещал, что ни один гражданин, находящийся в состоянии нищеты, не будет платить сумму, превышающую сумму его жалования или размер его владений. Это право было подтверждено Хартией Генриха II, который заявил, что «никто не должен быть осужден за денежные расходы, кроме как в соответствии с законом города, который они имели во времена короля Генриха, моего деда»⁹.

Интересно, что XX статья Великой хартии вольностей гарантировала неприкосновенность имущества виллана, его инвентаря, посева зерна. Однако Великая хартия вольностей защищала крепостных лорда от короля, а не от лорда, который ими владел: король не должен был отнимать у крепостных лорда столько, что это разрушало бы их полезность как манориального движимого имущества. Пропасть, разделявшая крепостного и свободного человека в вопросах подсудности, становится очевидной при дальнейшем изучении законов английского королевства: Статут 1385 г. запрещал принимать судьям иски от вилланов против их лордов. При этом часть исследователей продолжает говорить о том, что в XII–XIII вв. вилланы могли участвовать в королевских судах по вопросам, касающимся уголовных преступлений. Однако в Свитке Казначейского суда шестнадцатого года Генриха II и вовсе упоминается дело¹⁰ Герберта Фабера, который был оштрафован за то, что выдавал себя за свободного. Трудно согласовать эти высказывания о свободе крепостного с доктриной Глэнвилла, который отказывает каждому, кто когда-то был крепостным, в праве «отбывать наказание», даже после освобождения, когда интересы третьей стороны могут быть ущемлены¹¹. Например, за клятвopреступление крепостной лишался своего лучшего быка в пользу своего господина (не короля).

Статья XX направлена на защиту рядового мирянина, в то время как статья XXI защищает интересы баронов, а статья XXII – интересы духовенства, тем самым предвосхищая концепцию трех сословий королевства. И по процедуре назначения штрафа XX статья резко контрастирует с двумя последующими.

Наложение *ameracements* на графов и баронов освещено в статье XXI. Примечательно, что в Баронских статьях нет положений, соответствующих

⁹ См.: *Birch G.* The historical charters and constitutional documents of the city of London. London, 1887. P. 5.

¹⁰ См.: *Madox T.* Op. cit. P. 545.

¹¹ См.: *The Treatise on the Laws and Customs of the Realm of England Commonly Called Glanvill.* Oxford, 1998. Pp. 84–89. Глэнвилл буквально пишет, что виллан не может искать правосудия в королевском суде. Из данного принципа следует то, что виллан, поскольку он является лицом зависимым и за его действия несет ответственность лорд, не может покупать королевский приказ, так как всё его имущество, движимое и недвижимое, принадлежит его лорду, да и сам он тоже принадлежит лорду.

этой статье, которая в одном смысле является дополнением к XX, а в другом – к XXXIX статье Хартии. Как объяснить отсутствие этого пункта в более раннем документе? Было ли это упущением? Не было ли у баронов личных обид по этому пункту, которые нужно было устранить? Нет современных Хартии свидетельств, на которых можно было бы основывать окончательный ответ на эти вопросы; но многое можно сказать в пользу утвердительного ответа на последний из них. На столь же естественный вопрос о том, что означали настоящие слова Хартии в сознании баронов, также трудно ответить. Когда они упоминали *ameracement per pares suos*, чего именно они желали? У Г. Брактонна есть знаменитая глосса к этой статье, в которой эти слова, на первый взгляд, заменены фразой “*et hoc per barones de scaccario vel coram ipso rege*”¹². Следует ли это воспринимать как честный парафраз? Или это представляет собой преднамеренную попытку королевских юристов извратить простые слова Хартии, чтобы разрешить именно то, что они первоначально должны были запретить: подменить решение небольшой группы королевских чиновников решением сообщества феодальных баронов?

Проблему можно отчасти разрешить, если посмотреть последующую судебную практику. В списках дел о взыскании долга нет четких свидетельств о двух стадиях наложения штрафа на баронов, соответствующих описанным в отношении простолюдинов. Однако ясно, что судьи в графствах не имели полномочий устанавливать наложенные на них штрафы: в их случае обычно составляли бланк, который затем заполняли в Казначействе. «Для этой цели составлялся отдельный список или список, содержащий имена наложенных штрафов на баронов и преступления, за которые они были наказаны, и он отправлялся в казну вместе с другими штрафами»¹³. В XIV в. зафиксировано несколько случаев, в ходе которых неплательщики, в надежде отделаться меньшими выплатами, протестовали против причисления их к баронам. Томас де Ферниваль, например, на девятнадцатом году правления Эдуарда II жаловался, что его пожаловали в бароны «к большому ущербу и вопреки законам и обычаям королевства», тогда как на самом деле он не имел никакого баронского титула. Король поручил казначею и баронам Казначейства, «что если им покажется, что Томас не является бароном и не владеет своей землей по баронскому праву, то они должны освободить его от указанного наложенного штрафа; при условии, что Томас будет обложен налогом в соответствии с положениями Великой хартии вольностей», т. е. как простой свободный землевладелец, согласно положениям XX статьи. Очевидно, Томас де Ферниваль был уверен, что местное жюри «обложит» его штрафом менее значительным, чем та сумма, что установлена баронами Казначейства.

¹² См.: *Adams G. B. The Origin of the English Courts of Common Law // The Yale Law Journal. 1921. Vol. 30, no. 8. Pp. 798–813.*

¹³ См.: *Madox T. Op. cit. Pp. 535–538.*

Статья XXII проводила принципы штрафа для клириков: судьи при назначении штрафа не могли лишить его церковного владения: «Клирик будет штрафоваться в качестве держателя своего светского держания не иначе чем другие [держатели], названные выше, а не сообразно величине своего церковного бенефиция»¹⁴.

В XIII в. в королевских судах распространенным было сочетание наказаний за некоторые виды фелоний и мелких преступлений: денежный штраф в дополнение к тюремному заключению. Когда осужденный не хотел или был не в состоянии оплатить штраф, ему продлевалось тюремное заключение. Такой штраф обозначали термином “fine”. Fine, в противоположность *amercement*, использовался для добровольных подношений, сделанных королю, чтобы получить какую-либо милость или избежать наказания. Здесь инициатива принадлежала человеку, который предлагал сумму, подлежащую уплате, и, по сути, не был связан никакими юридическими обязательствами делать какие-либо предложения. Это различие между fine и *amercement*, абсолютное в теории, могло быть легко сведено на нет на практике. Суть ограничения, налагаемого XX статьей Великой хартии вольностей и общим правом на прерогативу короля налагать штрафы, часто можно было обойти. Корона могла заключить своих жертв в тюрьму на неопределенный срок, а затем милостиво предложить им крупные выплаты, чтобы избежать смерти от лихорадки или голода в душной тюрьме: таким образом, могли взиматься огромные *файны*, в то время как королевским чиновникам было запрещено налагать произвольные *amercements*. Fines (*finis*) означал не только денежный штраф за совершенное преступление, но и непринудительную (выкупную) выплату в денежной или натуральной форме, и мог принимать следующие виды:

- соглашения с королем или его законными представителями, включающие выплату взамен королевской благосклонности или протекции;
- выплаты королю за освобождение из тюрьмы, за документ об освобождении конфискованных товаров и т. п.;
- выплаты королю за избавление или освобождение от насильственного взыскания налогов, поборов (смягчение наказания, замена периодического платежа единовременной выплатой).

С постепенным устранением добровольного элемента слово “fine” приобрело свое современное значение, в то время как “*amercement*” вышел из обихода.

Наряду с упомянутыми в отношении штрафных санкций Глэнвилл использует также термин “*contenement*”. Это слово встречается и у Брэк-

¹⁴ См.: Великая хартия вольностей // Памятники истории Англии XI–XIII вв. / пер. с лат. Д. М. Петрушевского. М., 1936. С. 96–117.

тона, а также (во французском варианте) в Вестминстерском статуте и Великой хартии вольностей. При сравнении записей из казначейских списков, собранных Мэдоксом, становится ясно, что сохранить «содержание» человека означало оставить ему достаточно средств для содержания себя и тех, кто от него зависит. Это слово происходит от французского “*contenir*” и имеет множество оттенков значения, таких как способность, содержание, внешний вид, социальное положение или чин. Свободный человек не должен быть настолько раздавлен денежным бременем, чтобы не смог поддерживать себя в прежнем состоянии. Несколько записей в казначейских списках Генриха III и Эдуарда I содержат данный термин в связи с конкретными расследованиями. Так, в 40 году правления Генриха III чиновники Казначейства, обсудив неплату преступником *amercement* в размере 40 марок, приказали провести расследование, «сколько он мог платить королю в год, экономя на своем собственном пропитании и пропитании своей жены и детей». Этот отрывок иллюстрирует более гуманную сторону казначейской процедуры. В 1286 г., в период правления Эдуарда I чиновники, выясняя недоимки, обнаружили, что некоторые бедняки из деревни Доддингтон не выплатили свои *amercements* полностью. Было начато расследование, и казначеям было приказано установить даты, к которым различные должники должны были погасить свои долги (очевидно, что это было соглашением об оплате в рассрочку) “*salvo contenenento suo*”. Эти примеры процедуры назначения штрафов в более поздний период четко соотносятся с правилами, установленными Великой хартией вольностей, и показывают, как можно сохранить довольство человека без ущерба для короны. Великая хартия вольностей, по-видимому, желала предоставить время для постепенной выплаты долгов. При этом оштрафованный свободный человек не был вынужден расставаться с тем, что было необходимо для поддержания его вместе с женой и семьей, т. е. надлежащим уровнем жизни¹⁵.

Итак, в средневековой Англии существовала система штрафов, которая была предусмотрена обычным правом, а также статутным правом, нормы которого содержались в актах парламента и короны: королевских хартиях, ассизах, ордонансах и прокламациях. К концу третьего периода в Англии сложилась развитая система судебных штрафов, которая включала несколько способов защиты нарушенных прав.

1. Дискретный штраф (*amerciamentum*), который налагался обычно за менее тяжкие преступления и заранее не был определен ни обычаем, ни законом. На размер *amercements* в средневековой Англии влияли следующие факторы: а) богатство правонарушителя. За незначительные про-

¹⁵ См.: *Madox T. Op. cit. Vol. II. L., 1769. Pp. 208–209.*

ступки могли наложить небольшой штраф, например три пенса. За серьезные преступления могли взыскать большую сумму, но не выходящую за рамки проступка; б) тяжесть преступления. Для оценки размера штрафа использовали практически жюри из соседей правонарушителя. При этом судебная практика в средневековой Англии влияла на размер amercements через создание судебных обычаев (прецедентов), которые становились обязательными для других судов. В более поздние времена этот термин иногда заменяют термином “*contenement*”, который характеризует скорее процессуальную сторону, связанную с уменьшением суммы штрафа.

2. Выкупной штраф в денежной форме или натурой: его размер определялся по договоренности с королем, носил наименование *mainprise* и по сути работал как поручительство третьей стороны, которое обеспечивало освобождение заключенного или обвиняемого до суда. Так, если обвиняемый соблюдает условия, например не покидать страну или являться на судебные заседания, ему может быть разрешено оставаться на свободе до суда. Поручитель отвечал за соблюдение условий, установленных судом. Понятие “*mainprise*” было важным аспектом в средневековых судебных системах, оно развивалось как способ обеспечить присутствие обвиняемого в суде, не прибегая к лишению свободы до суда. По сути явилось прообразом системы залогов, развившейся в период правления династии Тюдоров¹⁶.

3. Добровольный штраф *fine*, который в период правления Тюдоров получил дальнейшее развитие. Парламент 1495 г. занимал особое место среди семи парламентов Генриха VII: этот парламент обсудил и утвердил так называемые уголовные законы – 27 статутов (в том числе и статут о *файнах*), 26 из которых устанавливали новые виды правонарушений, таких, например, как правонарушения шерифа, мировых судей, несоблюдение торговых стандартов купцами и ремесленниками при производстве, окрашивании и продаже тканей¹⁷. Всё чаще законы позволяли третьим лицам, т. е. информаторам, которые лично не пострадали от преступления, подавать иск с требованием разделить вознаграждение с короной. Количество поступавших в казну штрафов благодаря реформе увеличилось вдвое.

4. Специализированный штраф *murdram*, который сохранился с англосаксонских времен и представлял собой коллективное наказание (его должна была платить вся сотня). Штрафы назначались судьями и зако-

¹⁶ См.: Царёва Ю. И. Залог как источник дохода королевской казны в средневековой Англии // Историко-правовые проблемы : новый ракурс. 2020. № 3. С. 91–107.

¹⁷ См.: Cavill P. R. The enforcement of the penal statutes in the 1490s : some new evidence // Historical Research. 2009. Vol. 82, no. 217. Pp. 482–492.

нодателями по принципу, близкому к англосаксонскому. Были ситуации, когда законами предписывались одни наказания, а на практике судьи применяли иные, выгодные им или государству. Согласно законам Генриха I, судьи должны были принимать во внимание смягчающие обстоятельства, среди которых – несчастные случаи. В таком случае предлагалась фиксированная компенсация, определенная на основе сострадания, и предлагалось восстановить нарушенную честь с учетом соответствующих обстоятельств. Также на размер штрафа *murdrum* могли влиять место совершения преступления и его распространенность. Кроме того, после нормандского завоевания Англии в практику взимания *murdrum* внесли поправку, согласно которой, если личность убитого не могла быть однозначно установлена как английская, то предполагалось, что он был нормандцем, и это вызывало наложение штрафа *murdrum* для защиты нормандской элиты. Также, согласно положениям статута Мальборо 1267 г., убийство в результате несчастного случая не наказывалось штрафом *murdrum*, так как он налагался только в случае, когда убийство совершено с признаками фелонии. Глостерский статут 1278 г. отменил судебный приказ, который использовался при рассмотрении дел об убийстве в самозащите, а помилование мог осуществлять только король по докладу судьи о фактах, указывающих на самооборону¹⁸. Статутом 1340 г. штраф *murdrum* был отменен.

Библиографический список

Памятники истории Англии XI–XIII вв. / пер. с лат. Д. М. Петрушевского. – М. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1936. – 238 с.

Хатунов С. Ю. Уголовная ответственность в период обычного права в средневековой Англии / С. Ю. Хатунов // Сибирское юридическое обозрение. – 2009. – № 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-v-period-obychnogo-prava-v-srednevekovoy-anglii> (дата обращения: 19.11.2025).

Хатунов С. Ю. Штраф как уголовное наказание в средневековой Англии / С. Ю. Хатунов // Право и государство : теория и практика. – 2009. – № 5(53). – С. 126–128.

Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В. М. Корецкого. – М. : Гос. изд-во юридической литературы, 1961. – 950 с.

Царёва Ю. И. Залог как источник дохода королевской казны в средневековой Англии / Ю. И. Царёва // Историко-правовые проблемы : новый ракурс. – 2020. – № 3. – С. 91–107.

Adams G. B. The Origin of the English Courts of Common Law / G. B. Adams // The Yale Law Journal. – 1921. – Vol. 30, no. 8. – Pp. 798–813.

Birch G. The historical charters and constitutional documents of the city of London / G. Birch. – London, 1887. – 402 p.

¹⁸ См.: Хатунов С. Ю. Указ. соч.

Cavill P. R. The enforcement of the penal statutes in the 1490s : some new evidence / P. R. Cavill // *Historical Research*. – 2009. – Vol. 82, no. 217. – Pp. 482–492.

Harcourt L. W. The Baga de Secretis / L. W. Harcourt // *The English Historical Review*. – 1908. – Vol. XXIII, no. XCI. – Pp. 508–529.

Harding Chr. Imprisonment in England and Wales : a Coincide History / Chr. Harding. – London : Dover, N.H., 1985. – 336 p.

Historical Monuments of England in the 11th-13th Centuries / translated from Latin by D. M. Petrushevsky. – Moscow, 1936. – 238 p.

Madox T. The history and antiquities of the Exchequer of the kings of England, in two periods : to wit, from the Norman conquest, to the end of the reign of K. John; and from the end of the reign of K. John, to the end of the reign of K. Edward II. Vol. I / T. Madox. – London, 1769. – 854 p.

Magna carta : a commentary on the Great Charter of King John with an historical introduction by McKechnie, William Sharp. – London, 1914. – 558 p.

Maitland F. The Research of Punishment to Temptation / F. Maitland // *The Mind*. – 1880. – Vol. V. – Pp. 259–264.

Pollock F. The History of English Law before the Time of Edward I : in 2 vol. / F. Pollock, F. Maitland. – Cambridge, 1895. – 714 p.

References

Adams G. B. The Origin of the English Courts of Common Law / G. B. Adams // *The Yale Law Journal*. – 1921. – Vol. 30, no. 8. – Pp. 798–813. [In Engl.]

Anthology of Monuments of the Feudal State and Law of European Countries / ed. by V. M. Koretsky. – Moscow : State Publishing House of legal literature, 1961. – 950 p.

Birch G. The historical charters and constitutional documents of the city of London / G. Birch. – London, 1887. – 402 p. [In Engl.]

Cavill P. R. The enforcement of the penal statutes in the 1490s : some new evidence / P. R. Cavill // *Historical Research*. – 2009. – Vol. 82, no. 217. – Pp. 482–492. [In Engl.]

Harcourt L. W. The Baga de Secretis / L. W. Harcourt // *The English Historical Review*. – 1908. – Vol. XXIII, no. XCI. – Pp. 508–529. [In Engl.]

Harding Chr. Imprisonment in England and Wales : a Coincide History / Chr. Harding. – London : Dover, N.H., 1985. – 336 p. [In Engl.]

Historical Monuments of England in the 11th-13th Centuries / Translated from Latin by D. M. Petrushevsky. – Moscow, 1936. – 238 p. [In Engl.]

Khatunov S. Yu. Criminal Liability during the Common Law Period in Medieval England / S. Yu. Khatunov // *Siberian Legal Review*. – 2009. – No. 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-v-period-obychnogo-prava-v-srednevekovoy-anglii> (mode of access: 19.11.2025).

Khatunov S. Yu. Fine as a Criminal Punishment in Medieval England / S. Yu. Khatunov // *Law and State: Theory and Practice*. – 2009. – No. 5(53). – Pp. 126–128.

Madox T. The history and antiquities of the Exchequer of the kings of England, in two periods : to wit, from the Norman conquest, to the end of the reign of K. John;

and from the end of the reign of K. John, to the end of the reign of K. Edward II. Vol. I / T. Madox. – London, 1769. – 854 p. [In Engl.]

Magna carta : a commentary on the Great Charter of King John with an historical introduction by McKechnie, William Sharp. – London, 1914. – 558 p. [In Engl.]

Maitland F. The Research of Punishment to Temptation / F. Maitland // The Mind. – 1880. – Vol. V. – Pp. 259–264. [In Engl.]

Monuments of the history of England of the XI–XIII centuries / translated from Latin by D. M. Petrushevsky. – Moscow : State Socio-Economic Publishing House, 1936. – 238 p.

Pollock F. The History of English Law before the Time of Edward I : in 2 vol. / F. Pollock, F. Maitland. – Cambridge, 1895. – 714 p. [In Engl.]

Tsareva Yu. I. Collateral as a Source of Income for the Royal Treasury in Medieval England / Yu. I. Tsareva // Historical and Legal Problems: a New Perspective. – 2020. – No. 3. – Pp. 91–107.

Для цитирования:

Царёва Ю. И. Место amercements в системе штрафов средневековой Англии // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 4(13). С. 81–92.

Recommended citation:

Tsareva Y. I. Amercements in the penalty system of medieval England // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 4(13). Pp. 81–92.

Сведения об авторе

Царёва Юлия Игоревна – доцент кафедры теории и истории государства и права РАНХиГС, кандидат исторических наук
E-mail: tsareva-yi@ranepa.ru

Information about author

Tsareva Yulia Igorevna – Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Historical Sciences

E-mail: tsareva-yi@ranepa.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИДЕЙ ПРОФЕССОРА И. А. ГАЛАГАНА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

И. В. Фонова

Центральный филиал РГУП им. В. М. Лебедева

Поступила в редакцию 21 апреля 2025 г.

Аннотация: в статье исследуется влияние теоретических положений И. А. Галагана на современную правоприменительную практику в сфере административной ответственности. Особое внимание уделяется концепции дуализма административного воздействия, сочетающей ретроспективные (наказательные) и перспективные (восстановительно-превентивные) элементы. Анализируется эволюция судебной практики, демонстрирующая приоритет восстановительных мер над карательными санкциями. На примере конкретных дел раскрывается тенденция к гуманизации ответственности, включая замену административных штрафов на предупреждения при добровольном устранении нарушений. Подчеркивается значение процессуальных гарантий и принципа добросовестности, обеспечивающих баланс интересов государства, частных лиц и общества.

Ключевые слова: административная ответственность, идеи И. А. Галагана, восстановительное правосудие, процессуальные гарантии, досудебное обжалование, принцип добросовестности, судебная практика.

APPLICATION OF PROFESSOR I. A. GALAGAN'S IDEAS ON ADMINISTRATIVE LIABILITY IN MODERN JUDICIAL PRACTICE

I. V. Fonova

Central Branch of Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract: the article examines the influence of I. A. Galagan's theoretical concepts on modern law enforcement practices in the field of administrative liability. Special attention is paid to the dualism of administrative enforcement, which combines retrospective (punitive) and prospective (remedial-preventive) elements. The evolution of judicial practice is analyzed, demonstrating a preference for restorative measures over punitive sanctions. Through specific

case studies, the trend toward humanizing liability is explored, including the substitution of fines with warnings when violations are voluntarily rectified. The importance of procedural safeguards and the principle of good faith in balancing the interests of the state, private entities, and society is emphasized.

Key words: administrative liability, I. A. Galagan's ideas, restorative justice, procedural safeguards, pre-trial appeal, principle of good faith, judicial practice.

Теоретические положения, разработанные профессором Иваном Александровичем Галаганом в сфере административной ответственности и принудительных мер государственного воздействия, получили воплощение в современной правоприменительной деятельности судебных органов. Концептуальные подходы ученого, в частности, касающиеся дифференциации видов юридической ответственности¹, обеспечения процессуальных гарантий при привлечении к административной ответственности², а также превентивной направленности административно-принудительных мер³, находят непосредственное и опосредованное применение в судебной практике.

Суды различных инстанций используют данные теоретические разработки при толковании правовых норм и разрешении административно-правовых споров, что способствует формированию единообразной правоприменительной практики и совершенствованию механизма административно-правового регулирования. Особое значение приобретает реализация «галагановского» принципа соразмерности административного воздействия, который служит важным критерием при оценке законности применяемых мер принуждения.

Одной из ключевых заслуг И. А. Галагана стало принципиальное переосмысление природы административной ответственности, которую он рассматривал «как видовое явление административного принуждения», являющегося, в свою очередь, многофункциональным инструментом правового регулирования, сочетающего в себе как ретроспективные (наказательные), так и перспективные (восстановительно-превентивные) элементы.

Эта концепция нашла глубокое отражение в современной правоприменительной практике, формируя новые стандарты административной юстиции.

¹ См.: Галаган И. А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование) // Иван Александрович Галаган и его научное наследие / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж, 2010. С. 268.

² См.: Галаган И. А. Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование // Иван Александрович Галаган и его научное наследие / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж, 2010. С. 360.

³ См.: Галаган И. А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование). С. 243.

Разработанная И. А. Галаганом теория дуализма административного воздействия (где административное принуждение включает не только санкции, но и позитивные обязательства), легла в основу современного понимания его судьями и использования при принятии процессуальных решений. Так, суды последовательно разграничивают как репрессивные меры (штрафы, дисквалификация), направленные на наказание правонарушителя, так и правосстановительные механизмы (обязанность устранить нарушения, исполнить предписание), ориентированные на защиту публичных интересов.

Ярким примером служит правовая позиция, выработанная постановлением Пленума ВАС РФ № 10 от 2 июня 2004 г.⁴, о том, что принудительное исполнение обязанностей (например, приостановление или аннулирование лицензии) не является наказанием, а представляет собой особую форму защиты правопорядка. Этот подход коррелирует с галагановской идеей о том, что административное принуждение должно обеспечивать не только кару, но и восстановление нарушенного состояния.

Следует отметить, что норма, закрепленная в ст. 4.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁵ (далее – КоАП РФ) предусматривает комбинированное применение штрафных и нештрафных санкций, что отражает принцип пропорциональности административно-правового воздействия. Конституционный Суд Российской Федерации в своих постановлениях и определениях неоднократно указывал на то, что дифференциация мер публично-правового воздействия должна основываться на оценке степени вреда, причиненного противоправным деянием⁶. Следовательно, при формировании или коррек-

⁴ См.: О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2025).

⁵ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁶ См.: По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л. Г. Кузьминой, С. М. Смирнского и В. П. Юкечева : постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 10-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 11.04.2014; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тимошенкова Максима Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 171 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 16 мая 2024 г. № 1120-О. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2025).

тировке составов административных деликтов и санкций за их совершение необходимо учитывать баланс между тяжестью деяния и строгостью применяемых мер.

Развивая данный принцип, судебная практика отдает предпочтение восстановлению нарушенного правопорядка перед применением денежных наказаний и учитывает активные действия правонарушителя по самостоятельному исправлению ситуации при определении меры ответственности, что соответствует положениям пп. 4 п. 1 ст. 4.2 КоАП РФ.

Примером может служить практика арбитражных судов по экологическим спорам, где штрафные санкции часто уступают место предупредительным мерам.

Так, при рассмотрении дела № А70-3228/2022⁷ было установлено, что в ходе натурного обследования, проведенного Департаментом природо-ресурсного регулирования, было выявлено, что участок лесного фонда загрязнен нефтесодержащей жидкостью. По результатам проверки уполномоченный орган направил компании предписание об устранении нарушений, а материалы дела передал в Росприроднадзор для дальнейшего рассмотрения. В рамках административного производства ведомство уведомило ПАО «НК «Роснефть» о составлении протокола об административном правонарушении. В ходе рассмотрения дела выяснилось, что фактическим арендатором трубопроводов, на которых произошел разлив нефтепродуктов, является ООО «РН-Пурнефтегаз». Тем не менее протокол об административном правонарушении был составлен в отношении ПАО «НК «Роснефть», и в отношении этой организации вынесено постановление о привлечении к административной ответственности в виде наложения штрафа в размере 400 000 руб. по ч. 2 ст. 8.7 КоАП РФ.

Компания обжаловала данное постановление в арбитражном суде. Суды трех инстанций пришли к единому выводу о его незаконности, указав на то, что Росприроднадзор не представил конкретных требований или обязательных мероприятий по защите земель, которые общество должно было выполнить, но не выполнило. Кроме того, материалы дела не подтверждают, что инцидент случился из-за нарушений со стороны компании, при этом загрязнение произошло в результате аварии на трубопроводе, что является неотъемлемым риском производственной деятельности. Предприятие, привлеченное к ответственности, загрязнение ликвидировало силами подрядной организации, о чем имеется акт сдачи-приемки работ, и на ближайшее время запланирована окончательная рекультивация земель.

⁷ См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12 января 2023 г. № Ф04-7512/2022 по делу № А70-3228/2022. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2025).

Рассмотренное дело, а также совокупность судебных решений по другим аналогичным спорам подтверждают, что при привлечении к административной ответственности требуется четкое установление вины лица, совершившего конкретное правонарушение, и необходимость раскрытия доказательств, обосновывающих невыполнение конкретных обязательных требований, предварительно вменяемых субъекту административной ответственности. Однако осуществление административной ответственности начинается с выяснения фактических оснований ответственности. Компетентные органы и должностные лица обязаны выяснить, имело ли место правонарушение вообще и какова его противоправность⁸. При этом суды отмечают, что активная роль в представлении доказательств вины лица, в отношении которого осуществляется производство по делу, лежит на должностном лице (органе), возбуждавшем дело об административном правонарушении и осуществившем производство по нему⁹.

Анализ правоприменительной практики, включая дело № А11-5357/2021¹⁰, выявляет устойчивую тенденцию к гуманизации административной ответственности. В данном деле при формальном наличии всех признаков состава правонарушения (ведение деятельности по обращению с отходами без их учета) суды трех инстанций последовательно пришли к выводу о допустимости замены штрафной санкции в размере 200 тыс. руб. на предупреждение. При этом замена штрафа на предупреждение была обусловлена отсутствием умышленного характера нарушений, частичным устранением последствий нарушений субъектом административной ответственности, отсутствиемотягчающих обстоятельств.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что судебная практика последовательно развивает принцип приоритета восстановительных мер над карательными санкциями, что соответствует концепции «восстановительного правосудия»¹¹, где основной целью является не

⁸ См.: *Галаган И. А.* Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование. С. 478.

⁹ См.: Постановление Верховного Суда РФ от 16 февраля 2023 г. № 77-АД23-1-К1; постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 4 августа 2022 г. № 16-2181/2022. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2025).

¹⁰ См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21 сентября 2022 г. № Ф01-4766/2022 по делу № А11-5357/2021; постановление Арбитражного суда Московского округа от 9 августа 2022 г. № Ф05-18607/2022 по делу № А40-201396/2021; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29 июня 2017 г. № Ф06-21774/2017 по делу № А65-19413/2016; постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 20 октября 2021 г. по делу № 16-3172/2021. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2025).

¹¹ См.: *Нестор Н. В.* Понятие, принципы и формы восстановительного правосудия // Вестник Пермского университета. 2012. № 4(18). С. 28–32; *Садовникова М. Н., Анищенко А. С.* Требования, предъявляемые к медиатору : современные подходы и тенденции развития института // Сибирский юридический вестник. 2019. № 4(87). С. 114–118.

наказание, а восстановление нарушенного состояния и предупреждение новых нарушений¹². Такой подход особенно актуален в экологических, градостроительных и земельных спорах, где денежные компенсации часто не могут заменить реального восстановления нарушенной среды.

Этот правовой вектор находит свое теоретическое обоснование в концепции стимулирования правомерного поведения, разработанной И. А. Галаганом, отмечающим, что «меры ответственности могут применяться лишь в отношении тех правонарушений, которые действительно заслуживают сурового осуждения и наказания»¹³. Законодательное закрепление данного подхода прослеживается в пп. 4 п. 1 ст. 4.2 КоАП РФ, который признает добровольное исполнение предписаний смягчающим обстоятельством. Судебная практика последовательно реализует эту норму путем снижения административного наказания при активных действиях правонарушителя по устранению нарушений.

Наглядным примером тому являются решения Пермского краевого суда от 29 января 2019 г. по делу № 7-150/2019, Верховного суда Республики Коми от 15 января 2020 г. по делу № 21-13/2020¹⁴, где суд, учитывая своевременное устранение нарушений лицом, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, отказался от применения максимальных санкций. Указанная правовая позиция была последовательно развита и в судебных решениях арбитражных судов, что подтверждается постановлением Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18 апреля 2024 г. № Ф03-1229/2024 по делу № А73-14633/2023¹⁵. Изложенное свидетельствует о формировании единообразного подхода и полностью соответствует научным идеям И. А. Галагана.

Более того, добросовестное исполнение предостережений и предписаний надзорных органов создает действенный правовой механизм, исключающий квалификацию деяния как правонарушения.

¹² См.: Куценко Т. М. Проблематика осуществления медиативных процедур в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2022. № 1. С. 46–49; Шеянов В. Г. Преимущества медиации / В. Г. Шеянов, М. В. Велькина // Отечественная юриспруденция. 2016. № 5(7). С. 10–11.

¹³ Галаган И. А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование). С. 241.

¹⁴ См.: Решение Пермского краевого суда от 29 января 2019 г. по делу № 7-150/2019 (21-98/2019). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2025); решение Верховного суда Республики Коми от 15 января 2020 г. по делу № 21-13/2020. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2025).

¹⁵ См.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18 апреля 2024 г. № Ф03-1229/2024 по делу № А73-14633/2023. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2025).

Особый интерес в этом контексте представляет дело № А24-681/2022¹⁶, связанное с оспариванием предостережения Роспотребнадзора о нарушении температурного режима горячего водоснабжения. Суды трех инстанций, отказывая в удовлетворении требований ПАО «Камчатскэнерго», сделали важный правовой вывод о том, что предостережение, как следует из ст. 8.2 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»¹⁷ и ст. 49 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹⁸, является не мерой ответственности, а инструментом профилактики. Его вынесение не означает установления вины, но создает правовой стимул для добровольного устранения нарушений.

Примечательно, что такой подход создает двухуровневую систему реагирования со стороны государственных органов: на первом этапе – предостережение (предписание) как возможность добровольного исправления; на втором – административное преследование по ст. 19.5 КоАП РФ в случае бездействия.

Таким образом, анализируемая практика демонстрирует эволюцию контрольной деятельности государства, где приоритет отдается не наказанию, а предупреждению нарушений. По мнению И. А. Галагана, «важной задачей компетентных на то органов и должностных лиц в процессе разрешения дела является установление причин и условий, способствующих совершению правонарушений. Это обуславливается тем, что назначение этих органов и должностных лиц в правоохранительной деятельности государства заключается не столько в установлении и разрешении конкретных правонарушений и в наказании правонарушителей, сколько в осуществлении организационной деятельности по укреплению правопорядка в тех или иных сферах общественной жизни, в проведении профилактических мероприятий, направленных на предупреждение и искоренение правонарушения вообще»¹⁹.

¹⁶ См.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 12 сентября 2022 г. № Ф03-4062/2022 по делу № А24-681/2022. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2025); определение Верховного Суда РФ от 24 ноября 2022 г. № 303-ЭС22-23567. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2025).

¹⁷ См.: О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : федер. закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

¹⁸ См.: О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.07.2020).

¹⁹ Галаган И. А. Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование. Воронеж, 1976. С. 480.

Согласно научной позиции И. А. Галагана, институт административной ответственности формируется в результате комплексного взаимодействия двух групп правовых норм – материальных и процессуальных, а также соответствующих им правоотношений. Ученый отмечал, что «административный процесс является сложным правовым образованием, состоящим из относительно самостоятельных административных производств»²⁰.

Указанные теоретические обоснования И. А. Галагана получили свое развитие в современной правоприменительной практике, где административный процесс выступает не только как средство государственного принуждения, но и как механизм защиты прав субъектов административных правоотношений, что находит свое воплощение в деятельности судов, которые при рассмотрении дел придерживаются следующих принципиальных подходов.

Прежде всего, особое внимание уделяется обеспечению процессуальных гарантий. Суды, основываясь на положениях п. 4 ст. 29.6 КоАП РФ, тщательно контролируют соблюдение установленных процедур при привлечении виновных лиц к административной ответственности. Такие нарушения, как: составление протокола об административном правонарушении в отсутствие лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, при несообщении ему о месте, дате, времени составления протокола; ограничение доступа защиты к материалам производства по делу об административном правонарушении; отсутствие надлежащего уведомления о времени и месте рассмотрения материалов административного дела, – признаются существенными и служат основанием для отказа в удовлетворении требования административного органа о привлечении к административной ответственности либо приводят к отмене оспариваемых постановлений.

Так, например, согласно материалам дела № А40-256413/2019²¹ постановлением по делу об административном нарушении общество было привлечено к ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ с назначением штрафа в размере 700 000 руб. за использование земельного участка не по целевому назначению. Суды трех инстанций, руководствуясь положениями ст. 25.4, 26.2, 28.2 КоАП РФ, а также разъяснениями Постановления Пленума ВАС РФ № 10 от 2 июня 2004 г., установили отсутствие доказательств надлежащего уведомления общества о рассмотрении административного дела, что послужило основанием для признания постановления незаконным.

²⁰ Галаган И. А. Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование. С. 378.

²¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 октября 2020 г. № Ф05-12734/2020 по делу № А40-256413/2019. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2025).

Также современная правоприменительная практика демонстрирует устойчивую тенденцию к расширению процессуальных возможностей защиты прав субъектов административных правоотношений.

Особое значение в данном контексте приобретает развитие института досудебного обжалования, регламентированного ст. 30.1 КоАП РФ, что полностью согласуется с концепцией И. А. Галагана о многоуровневой системе защиты прав²². Суды последовательно признают, что право на досудебное обжалование является важной гарантией защиты, а его нарушение (например, формальное рассмотрение жалобы без исследования доводов заявителя) может служить основанием для отмены постановления. Вместе с тем законодательство предполагает встречную обязанность участников процесса проявлять должную степень добросовестности и разумности при реализации своих процессуальных прав.

В частности, в рамках рассмотрения дела № А40-116480/2016²³ судом было установлено, что основанием для привлечения к административной ответственности явилось несоблюдение установленных сроков представления отчетности в рамках таможенной процедуры переработки. Последовательно рассматривая обстоятельства дела, суды трех инстанций пришли к выводу о том, что оспариваемое постановление утратило юридическую силу в связи с его отменой решением Центральной оперативной таможни, что закономерно повлекло за собой вывод об отсутствии предмета судебного разбирательства.

Обращаясь в Верховный Суд Российской Федерации с кассационной жалобой, общество настаивало на необходимости рассмотрения заявленных требований по существу. Однако Верховный Суд Российской Федерации не усмотрел правовых оснований для их удовлетворения, указав на то, что реализация права на обжалование в порядке ст. 30.1 КоАП РФ должна осуществляться добросовестно и последовательно, что предполагает своевременное информирование уполномоченных органов о предпринимаемых мерах защиты.

Таким образом, современная правоприменительная практика, отражая «галагановские» научные идеи, стремится к гармоничному сочетанию: эффективного государственного контроля (через институт административной ответственности), надежных гарантий защиты прав (через многоуровневую систему обжалования), разумного баланса интересов между субъектами административного процесса (через реализацию принципа добросовестности). Перспективы дальнейшего развития рассмотренных идей видятся в расширении применения альтернативных мер воздействия на правонарушителей, совершенствовании досудебных процедур урегули-

²² См.: Галаган И. А. Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование. С. 485–486.

²³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 февраля 2017 г. № 305-АД16-21083 по делу № А40-116480/2016. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2025).

рования споров, внедрении цифровых технологий в административный процесс, дальнейшей гуманизации административной ответственности.

Реализация этих направлений позволит создать сбалансированную систему административно-правового регулирования, отвечающую современным вызовам и соответствующую конституционным принципам правового государства.

Библиографический список

Галаган И. А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование) / И. А. Галаган // Иван Александрович Галаган и его научное наследие / под ред. Ю. Н. Старилова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. – 544 с.

Галаган И. А. Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование / И. А. Галаган // Иван Александрович Галаган и его научное наследие / под ред. Ю. Н. Старилова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. – 544 с.

Галаган И. А. Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование / И. А. Галаган. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1976. – 198 с.

Куценко Т. М. Проблематика осуществления медиативных процедур в производстве по делам об административных правонарушениях / Т. М. Куценко // Административное право и процесс. – 2022. – № 1. – С. 46–49.

Нестор Н. В. Понятие, принципы и формы восстановительного правосудия / Н. В. Нестор // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 4(18). – С. 28–32.

Садовникова М. Н. Требования, предъявляемые к медиатору : современные подходы и тенденции развития института / М. Н. Садовникова, А. С. Анищенко // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 4(87). – С. 114–118.

Шеянов В. Г. Преимущества медиации / В. Г. Шеянов, М. В. Велькина // Отечественная юриспруденция. – 2016. – № 5(7). – С. 10–11.

References

Galagan I. A. Administrative Liability in the USSR (A State and Substantive Legal Study) / I. A. Galagan // Ivan Aleksandrovich Galagan and His Scientific Legacy / ed. by Yu. N. Starilov. – Voronezh : Voronezh State University Publishing House, 2010. – 544 p.

Galagan I. A. Administrative Liability in the USSR. Procedural Regulation / I. A. Galagan // Ivan Aleksandrovich Galagan and His Scientific Legacy / ed. by Yu. N. Starilov. – Voronezh : Voronezh State University Publishing House, 2010. – 544 p.

Galagan I. A. Administrative Liability in the USSR. Procedural Regulation / I. A. Galagan. – Voronezh : Voronezh State University Publishing House, 2010. – 544 p.

Kutsenko T. M. Problematics of Implementing Mediation Procedures in Administrative Offense Proceedings / T. M. Kutsenko // Administrative Law and Process. – 2022. – No. 1. – Pp. 46–49.

Nestor N. V. The Concept, Principles and Forms of Restorative Justice / N. V. Nestor // Perm University Herald. – 2012. – No. 4(18). – Pp. 28–32.

Sadovnikova M. N. Requirements for a Mediator : Modern Approaches and Development Trends of the Institution / M. N. Sadovnikova, A. S. Anishchenko // Siberian Legal Bulletin. – 2019. – No. 4(87). – Pp. 114–118.

Sheyanov V. G. Advantages of Mediation / V. G. Sheyanov, M. V. Velkina // Domestic Jurisprudence. – 2016. – No. 5(7). – Pp. 10–11.

Для цитирования:

Фонова И. В. Применение идей профессора И. А. Галагана об административной ответственности в современной судебной практике // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 4(13). С. 93–103.

Recommended citation:

Fonova I. V. Application of professor I. A. Galagan’s ideas on administrative liability in modern judicial practice // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 4(13). Pp. 93–103.

Сведения об авторе

Фонова Ирина Владимировна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Центрального филиала ФГБОУ ВО «РГУП им. В. М. Лебедева», кандидат юридических наук

Information about author

Fonova Irina Vladimirovna – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Central Branch of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev”, Candidate of Legal Sciences

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ДРЕВНЕИУДЕЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ, ПРОЦЕДУРЫ И ПРАВОСУДИЕ ПО ТОРЕ

Р. С. Лунёв

*СПб ГБПОУ «Академия управления городской средой,
градостроительства и печати»*

Поступила в редакцию 20 ноября 2025 г.

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу организации и функционирования судебной системы в древнеиудейском государстве, основанной на нормах Торы. Рассматривается иерархическая структура судебных органов – от местных судов старейшин у городских ворот до Верховного суда (Синедриона) в Иерусалиме, а также судебная система Древней Палестины, сформировавшаяся в I тысячелетии до н. э. Данная статья ставит целью реконструкцию основных институтов и процедур судопроизводства через призму эволюции от общинного самоуправления к государственным формам. В работе подробно исследуются процессуальные принципы и процедуры, включая требования к свидетельским показаниям, использование клятв и систему наказаний, основанную на принципах талиона и справедливости. Особое внимание уделяется определяющему влиянию религиозных норм Торы на формирование светского права, а также социальной и политической роли суда в поддержании общественного порядка и моральных устоев. Проводится сравнительный анализ с судебными системами Древней Месопотамии и Египта, открывающими уникальный теократический характер древнееврейского правосудия.

Ключевые слова: Древний Израиль, судебная система, Тора, Синедрион, судьи, старейшины, правосудие, талион, свидетельство, законы Моисея, теократия, сравнительное правоведение.

FEATURES OF THE ORGANIZATION AND FUNCTIONING OF THE JUDICIAL SYSTEM IN THE ANCIENT JEWISH STATE: JUDICIAL AUTHORITIES, PROCEDURES AND JUSTICE ACCORDING TO THE TORAH

R. S. Lunev

*Saint Petersburg GBPOU «Academy
of Urban Environment Management,
Urban Planning and Printing»*

Abstract: the article is devoted to a comprehensive analysis of the organization and functioning of the judicial system in the ancient Jewish state, based on the norms of the Torah. The hierarchical structure of judicial bodies is considered, from the local courts of elders at the city gates to the Supreme Court (Sanhedrin) in Jerusalem. This study also examines the judicial system of ancient Palestine, which was formed in the first millennium BC.e. This article aims to reconstruct the main institutions and procedures of judicial proceedings through the prism of the evolution from communal self-government to state forms. The paper examines in detail the procedural principles and procedures, including the requirements for testimony, the use of oaths and a system of punishment based on the principles of talion and justice. Special attention is paid to the determining influence of religious norms of the Torah on the formation of secular law, as well as the social and political role of the court in maintaining public order and moral principles. A comparative analysis is carried out with the judicial systems of Ancient Mesopotamia and Egypt, revealing the unique theocratic character of ancient Jewish justice.

Key words: Ancient Israel, judicial system, Torah, Sanhedrin, judges, elders, justice, talion, testimony, laws of Moses, theocracy, comparative jurisprudence.

Судебная система Древнего Израиля представляет собой уникальный феномен в истории права, являясь одной из первых, где религиозные и правовые нормы были слиты в неразрывное единство. В отличие от соседних месопотамских или египетских систем, в которых закон исходил от обожествленного монарха, в древнеиудейском государстве источником права считался Божественный Закон – Тора, переданный через пророка Моисея. Это определяло все аспекты судопроизводства: от структуры судов и процедур до вынесения приговоров, делая правосудие не только инструментом разрешения споров, но и актом религиозного служения.

Хочется обратить внимание на судебную систему Древней Палестины, сформировавшуюся в I тысячелетии до н. э. и представляющую собой уникальный синтез архаичных норм обычного права ближневосточных обществ и революционной для своего времени теологической и правовой концепции, зафиксированной в Торе. Изучение ее организации и функционирования невозможно без учета динамики социально-политического устройства: от конфедерации племен («амфиктионии») эпохи Судей к централизованной монархии, а затем и к теократической общине после вавилонского плена. Отметим, что наиболее архаичным и фундаментальным институтом был суд старейшин (зкеним). Он вершился публично «у ворот» города, что символизировало его открытость и вписанность в жизнь общины¹. Старейшины, главы больших семей и родов, разрешали споры на основе традиционного обычного права (мишпат). Их авторитет основывался не на официальном статусе, а на мудрости, возрасте и социальном весе². С усложнением общественных отношений и появлением межплеменных конфликтов возникает фигура вождя-судьи (шофет). В книге Судей такие фигуры (Девора, Самуил) выступают не только как военные предводители, но и как верховные арбитры, «ходившие по всем городам и судившие народ» (1 Цар. 7:16)³. Это был переходный этап к государственной судебной системе. Учреждение царской власти привело к концентрации высшей судебной функции в руках монарха. Царь становился верховным судьей, олицетворением высшей справедливости (цедек). Классические примеры – суд Соломона над двумя женщинами (3 Цар. 3:16-28), демонстрирующий мудрость, и судебная реформа Иосафата, который назначил судей «по всем укрепленным городам» и создал высшую апелляционную инстанцию в Иерусалиме «для судей над тяжбами» (2 Пар. 19:5-8)⁴. Однако на практике царский суд всё чаще обслуживал интересы знати и крупных землевладельцев, что вызывало острую критику пророков (Ис. 1:23; Ам. 5:12). Особое место занимал пророческий суд – неформальный институт, основанный на религиозно-нравственном авторитете. Пророки (Нафан, Илия, Исаия) выступали как «совесть нации» и судили царей и вельмож от имени Яхве за отступление от принципов Закона. Этот суд не имел процессуальных форм, но обладал огромной общественной силой⁵. Вопрос о существовании в доавилонский период Великого Собрания (Санхедрина) как постоянного верхов-

¹ См.: *Рижский М. И.* Суд и судопроизводство в Древней Палестине // Правоведение. 1968. № 4. С. 114.

² См.: *Тантлевский И. Р.* История Израиля и Иудеи до разрушения Первого Храма. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2014. С. 467.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же. С. 468.

ного суда остается дискуссионным. Библейские тексты, скорее, отражают позднюю идеализацию, тогда как в монархический период высшей инстанцией, вероятно, был суд царя с участием священников и знати. Судебный процесс в Древней Палестине был состязательным и публичным. Его инициация всегда исходила от пострадавшей стороны или его ближайшего родственника («мстителя за кровь» – гоэль ха-дам). Не существовало государственного обвинения⁶. Ключевую роль играл институт свидетелей. Для вынесения обвинительного приговора, особенно по уголовным делам, требовалось не менее двух свидетелей (Втор. 19:15). К лжесвидетелям применялся принцип талиона: «...сделайте ему то, что он умышлял сделать брату своему» (Втор. 19:19)⁷. Это подчеркивало серьезность свидетельских показаний и служило сдерживающим фактором. Доказывание опиралось в основном на свидетельские показания и вещественные доказательства. В бесспорных случаях (поймка вора с личным) суд мог быть мгновенным. В ситуациях, когда установить истину было невозможно обычным путем, применялись ордалии («суд Божий»). Наиболее известный пример – ритуал для жены, заподозренной в неверности (сота), с питьем «горькой воды» (Чис. 5:11-31). Этот обряд, сочетавший магическое действие и психологическое давление, был архаическим пережитком, сохранившимся в законодательстве⁸. Процесс был устным. Выслушав стороны и свидетелей, судьи (старейшины) выносили решение. Система наказаний по Своду Закона (торат ха-мишпатим) была суровой и включала смертную казнь (за убийство, идолопоклонство, прелюбодеяние), компенсации (ташлумим) и телесные наказания. Целью провозглашалось «искоренение зла» и устрашение (Втор. 19:20).

Рассмотрим функции и религиозно-правовой контекст судебной системы Древнего Израиля:

- 1) соблюдение религиозных и социальных норм – суд обеспечивал исполнение заповедей Торы в повседневной жизни;
- 2) разрешение имущественных и семейных споров – регулировал вопросы наследства, брака, рабовладения;
- 3) наказание преступников – защищал общество от преступлений и поддерживал закон;
- 4) поддержание общественного порядка и морали – суд способствовал укреплению единства и идентичности народа.

В религиозно-правовом контексте судопроизводство было неотделимо от религии: законы имели священный характер и судьи выступа-

⁶ См.: История Древнего мира. Древний Восток / под ред. А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек. Минск, 1999. С. 45.

⁷ См.: Лопухин А. П. Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея. СПб., 1882. (Переиздания: М., 2014). С. 210.

⁸ См.: Рижский М. И. Указ. соч. С. 115.

ли как посредники божественной воли. В текстах Торы четко прописаны правила правосудия – от избрания судей до механизмов апелляции.

Следует сказать, что в древнееврейском государстве существовала иерархическая судебная система из судов трех уровней. Великий Санхедрин возглавлял систему, в его состав входил 71 член. Он обладал высшим юридическим и религиозным авторитетом, его обязанностью также было толкование предписаний Ветхого Завета. Далее был Малый Санхедрин, который функционировал в поселениях, насчитывавших не менее 120 человек, и состоял из 23 судей. Важное значение также имели судьи в населенных пунктах с населением менее 120 человек. Эти судьи расследовали и выносили приговоры по малозначительным судебным делам, а сложные передавали на рассмотрение судов более высокого уровня.

Из особенностей организации судебной системы Древнего Израила следует выделить нечетное число членов в судах. Считалось, что это будет способствовать праведному правосудию. Также существовал запрет на начало рассмотрения дела, по которому мог быть вынесен смертный приговор, с выступления самого авторитетного судьи; нельзя было начинать рассмотрение дела с выступления судей, требующих казни. Для вынесения смертного приговора обвиняемому было недостаточно показаний одного свидетеля. Суды также не могли приговорить обвиняемых к наказаниям, руководствуясь показаниями только одного свидетеля. Заповеди Торы предоставляли всем евреям равные права перед судом и в процессе судопроизводства. Акцентируем внимание на некоторых особенностях судебных процедур: процесс суда был гласным, совершался при стечении народа; система доказательств не отличалась большой развитостью, предпочтение отдавалось свидетельскому показанию, данному под присягой; лжесвидетельство жестоко наказывалось; евреи знали ордалии (исторический способ определения судебного решения посредством физического испытания) в качестве судебного доказательства, которые преимущественно применялись в делах о прелюбодеянии; письменный акт практически не имел значения в качестве судебного доказательства.

Помимо обозначенного выше, правосудие по Торе включало следующие нормы: возмездие должно соответствовать совершенному преступлению, а не превышать его; суды карали не только за преступления уголовного характера, но и за нарушения некоторых морально-этических запретов. Часть из них Тора квалифицировала как тяжкие преступления и предусматривала за них суровые наказания, вплоть до смертной казни.

Рассмотрим более детально судебные органы и их полномочия. Судебная власть в Древнем Израиле была децентрализованной и многоуровневой, что обеспечивало доступность правосудия для всех слоев населения. Существовала иерархия от местных старейшин до Великого Си-

недриона. Низшей и самой доступной судебной инстанцией был местный суд, который заседал «у ворот» города. Это было не только физическое место (городские ворота как центр общественной жизни), но и символическое – правосудие должно быть открытым и публичным. Судьи: в роли судей выступали старейшины города – уважаемые, праведные и мудрые мужчины (часто главы родов или семейств). Их авторитет основывался не на официальной должности, а на личных качествах и знании Закона. В книге Второзакония предписывается: «Поставь себе судей и надзирателей во всех вратах твоих... чтобы они судили народ судом праведным» (Втор. 16:18)⁹. Эти суды рассматривали большинство повседневных дел: мелкие имущественные споры, семейные тяжбы, бытовые конфликты. Они руководствовались как нормами Торы, так и обычным правом.

В судопроизводстве Древнего Израиля также были судьи-вожди (Шофтим) и Цари. На более высоком уровне находились харизматические лидеры, известные как Судьи (Шофтим), а впоследствии – цари. Судьи (Шофтим) – фигуры, подобные Деборе, Гидеону или Самсону, – были не только военными предводителями, но и верховными судьями, разрешавшими наиболее сложные споры, которые не могли быть решены на местном уровне. Их власть проистекала из «Духа Господня», сошедшего на них.

Особую ветвь в судопроизводстве Древнего Израиля занимал Верховный суд – Великий Синедрион (Санхедрин), который являлся высшей судебной и религиозной инстанцией, заседавшей в Иерусалиме. Он состоял из 71 члена, включая первосвященников, старейшин, книжников и знатоков Закона. Синедрион был апелляционной инстанцией для решений местных судов. Он рассматривал наиболее серьезные преступления, такие как лжепророчество, идолопоклонство, а в более поздний период – дела, требующие вынесения смертного приговора. Кроме того, он был законодательным органом, толкующим Тору и издающим правовые установления (такнаот). Заседания проходили в специальном зале Храма. Процесс был тщательно регламентирован. Для оправдания требовалось большинство в один голос, а для обвинения – в два. Чтобы избежать влияния старших коллег, судьи начинали обсуждение с самых молодых, предоставляя им возможность высказать свою точку зрения в первую очередь.

Рассмотрим процессуальные принципы и процедуры, в которых справедливость была основой. Так, судебный процесс в Древнем Израиле был построен на строгих процессуальных нормах, призванных максимально обеспечить справедливость и минимизировать судебные ошибки. Основным доказательством были показания свидетелей. Закон требовал минимум двух свидетелей для подтверждения любого обвинения: «Недостаточно

⁹ Библия. Книга Второзакония / в переводе С. В. Тищенко и М. Г. Селезнёва ; под ред. А. Э. Графова. М., 2005. С. 53.

одного свидетеля против кого-либо в каком-либо преступлении и в каком-либо грехе... при словах двух свидетелей... состоится дело» (Втор. 19:15)¹⁰. К лжесвидетельству относились крайне сурово. Свидетели предупреждались о тяжести греха, а если их показания опровергались, к ним применялось то наказание, которое грозило обвиняемому (принцип талиона: «око за око»). Следует отметить, что вещественные доказательства использовались редко, но в некоторых случаях могли играть роль (например, окровавленная одежда в деле об убийстве). В случаях, когда не хватало прямых доказательств, применялись клятвы (Швуот). Клятва именем Бога была призвана утратить лжеца и придать показаниям высший религиозный авторитет. Клятвопреступление считалось тяжким грехом перед Богом.

Отметим, что система наказаний была основана на нескольких ключевых принципах.

Первый – принцип талиона («око за око» – Лев. 24:19-20), часто ошибочно трактуемый как призыв к жестокой мести, на деле этот принцип был прогрессивным для своего времени. Он ограничивал месть, требуя соразмерности наказания преступлению и не позволяя мстить чрезмерно. На практике он часто заменялся денежной компенсацией (выкупом)¹¹.

Насчет смертной казни отметим, что таковая применялась за самые тяжкие преступления: убийство, идолопоклонство, прелюбодеяние, похищение человека. Способы казни различались (побиевание камнями, сожжение, повешение), но вынесение смертного приговора было крайне затруднено из-за высоких требований к доказательствам.

Также следует сказать, что особо практиковался институт телесных наказаний и компенсаций, где за менее серьезные преступления применялись телесные наказания (бичевание, но не более 40 ударов) или финансовые компенсации (за кражу, порчу имущества).

Следует сказать, что Тора была не просто сводом законов, а конституцией и духовным фундаментом нации. Ее влияние на судебную систему было всеобъемлющим. Рассмотрим некоторые элементы этого Божественного источника права: все законы – как моральные (Десять заповедей), так и гражданские, – считались данными Богом. Судья был не творцом права, а его толкователем и проводником. Это исключало произвол и делало закон объективным и неизменным. В Торе особо прослеживается принцип справедливости и милосердия (Цдака и Хесед), где постоянно подчеркивается необходимость защищать слабых: «Пришельца не притесняй и не угнетай его... Вдову и сироту не обижайте» (Исх. 22:21-22)¹². Суд был инструментом социальной справедливости.

¹⁰ Библия. Книга Второзакония. С. 71.

¹¹ См.: Кривоногова Ю. А. Третья книга Моисея (Левит). Киев, 1990. С. 6.

¹² Библия. Ветхий Завет. Исход. СПб., 2024. С. 1402.

Судопроизводство в Древнем Израиле воспринималось как богослужение, сакральность. Решение суда считалось приближенным к Божьей воле. Отсюда – строгие требования к моральному облику судей: они должны были быть «мужами мудрыми, разумными и испытанными» (Втор. 1:13)¹³.

Рассмотрим роль суда в политической и социальной жизни Древнего Израиля. Суд был центральным институтом, скреплявшим общество не только в правовом, но и в религиозно-нравственном плане. Поддержание общественного порядка через суд обеспечивало соблюдение законов, разрешались конфликты и предотвращалась кровная месть, что было актуально в родоплеменном обществе. Воспитание и социализация имели публичный характер, суд у ворот города был мощным инструментом воспитания. Граждане с детства видели, как применяется закон, и усваивали нормы праведного поведения.

С установлением монархии и созданием Синедриона судебная система стала инструментом укрепления государственной власти и религиозной унификации, противостоя влиянию местных языческих культов (так называемый инструмент централизации).

С нашей точки зрения, судопроизводство Древнего Израиля (по Торе) имело уникальные особенности. По сравнению с законодательствами Месопотамии и Египта, система Древнего Израиля была уникальна по следующим ключевым признакам.

1. Верховенство Божественного, а не человеческого закона. В Израиле источником права был не царь или фараон, а единый Бог (Яхве). Тора была дарована Моисею как вечный и неизменный завет. Это создавало принцип «верховенства права, стоящего выше любой земной власти». Даже царь был подзаконен Торе (Втор. 17:18-20)¹⁴. В Месопотамии Законы Хаммурапи были мудрым установлением царя, которое он мог по своей воле изменить. В Египте фараон, будучи живым богом, сам был источником закона, и его слово было законом.

2. Отсутствие классового подхода в наказаниях. Тора прямо провозглашает: «Один суд должен быть у вас» (Лев. 24:22)¹⁵. За одно и то же преступление наказывали одинаково, будь то богач, бедняк или пришелец. В Законах Хаммурапи система наказаний была жестко привязана к социальному статусу (авилум, мушкенум, раб). За убийство раба виновный лишь платил штраф, а за убийство авилума карался смертью. В Египте решение суда также сильно зависело от статуса обвиняемого и жертвы.

3. «Око за око» как принцип справедливости, а не буквальное предписание. Фраза «око за око» (Исх. 21:24) в иудейской традиции с древнейших времен понималась как требование пропорциональной денежной

¹³ Библия. Книга Второзакония. С. 69.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Кривоногова Ю. А. Указ. соч. С. 7.

компенсации, а не как призыв к физическому увечью¹⁶. Это был принцип справедливого возмещения. В Месопотамии, особенно в случаях с аристократией, талион часто применялся буквально и с крайней жестокостью.

4. Институт «городов-убежищ» для разделения умысла. Это уникальный правовой институт, не имеющий аналогов. Он проводил юридически значимое различие между умышленным и неумышленным убийством (Книга «Числа» в Торе, глава 35)¹⁷. Человек, совершивший непреднамеренное убийство, мог спастись от кровной мести, доказав отсутствие злого умысла в суде. Это показывает высочайшее для древности развитие правового сознания, где ключевым фактором становится намерение преступника.

5. Процессуальные гарантии и защита от произвола. Обязательность двух свидетелей: для осуждения человека требовалось не менее двух свидетелей (Втор. 19:15). Это защищало от ложных обвинений и клеветы. Ответственность свидетелей: лжесвидетель карался по принципу талиона – ему грозило то наказание, которое он пытался навлечь на невиновного (Втор. 19:16-19)¹⁸. Это делало донос крайне рискованным. Запрет на слепое следование большинству: в суде запрещалось присоединяться к большинству для извращения правосудия (Исх. 23:2)¹⁹.

6. Этическое и религиозное обоснование права. Суд в Израиле был не просто государственным институтом, а актом служения Богу. Правосудие было частью Завета с Богом: «Правосудие, правосудие ищи, дабы ты был жив...» (Втор. 16:20)²⁰. Грех против человека рассматривался как грех против Бога. В Месопотамии и Египте право служило целям поддержания государственного и космического порядка, а не личной этики и святости каждого члена общества.

Уникальность древнеиудейского судопроизводства заключалась не в отдельных законах, а в его теократическом, этическом и эгалитарном фундаменте. Закон был дан Богом, применялся одинаково ко всем и был направлен на создание святого и справедливого общества. В то время как правовые системы Месопотамии и Египта были инструментами власти земного правителя для поддержания порядка, система Древнего Израиля была инструментом Божьей воли для утверждения справедливости и святости.

Таким образом, судебная система древнеиудейского государства комбинировала религиозные предписания с практическими нормами, обеспечивала справедливость и порядок, формируя уникальную модель правосудия, основанную на Божественном Законе и коллективной ответственности.

¹⁶ См.: Библия. Ветхий Завет. Исход. С. 1467.

¹⁷ См.: Пятикнижие Моисея (репр. воспр. изд. 1863 г.). СПб., 2000. С. 111.

¹⁸ См.: Библия. Книга Второзакония. С. 82.

¹⁹ См.: Библия. Ветхий Завет. Исход. С. 1473.

²⁰ Библия. Книга Второзакония. С. 83.

венности общества. Судебная система Древней Палестины не была статичным образованием. Она прошла сложный путь эволюции от патриархального суда старейшин у городских ворот к сложному, иерархически организованному институту монархического государства. Ее уникальность заключается в том, что эта эволюция была осмыслена и кодифицирована в рамках мощного религиозно-правового учения – Торы.

Библейское законодательство создало парадигму, в которой правосудие (мишпат) понималось как неотъемлемая часть Завета с Богом и основа социальной гармонии. Несмотря на неизбежный разрыв между высокими принципами и практикой в условиях социального неравенства, именно эта парадигма – с ее акцентами на свидетельской истине, запрете коррупции, ответственности правителя перед Законом и заботе о слабом – заложила фундамент для последующего развития западной и, в особенности, еврейской правовой мысли, достигшей своего расцвета в талмудической юриспруденции.

Судебная система древнеиудейского государства, сформированная под непосредственным влиянием Торы, представляла собой сложный и развитый организм. Ее иерархическая структура, от местных старейшин до Великого Синагга, обеспечивала доступность правосудия. Строгие процессуальные нормы, такие как требование к свидетельским показаниям и принцип талиона, были направлены на достижение объективной справедливости. Главной же отличительной чертой была ее теократическая природа: закон был священным, а правосудие – формой служения Богу. Это делало суд не просто юридическим институтом, а краеугольным камнем всей общественной, политической и религиозной жизни Древнего Израиля, чье влияние на последующее развитие западной правовой традиции, через христианство и ислам, трудно переоценить.

Библиографический список

Библия. Ветхий Завет. – СПб. : СЗКЭО, 2024. – 1568 с.

Библия. Книга Второзакония / в пер. С. В. Тищенко и М. Г. Селезнёва ; под ред. А. Э. Графова. – М. : Рос. библ. о-во, 2005. – 95 с.

Вейнберг Й. Введение в Танах. Часть IV, Писания / Й. Вейнберг // Серия Bibliotheca judaica. Современные исследования. – М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Феор ; Гешарим, 2005. – 368 с.

Вигасин А. А. История Древнего Востока : учебник / А. А. Вигасин. – 3-е изд. – М. : Издательство «Юрайт», 2023. – 179 с.

История Древнего мира. Древний Восток / под ред. А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек. – Минск : Харвест, 1999. – 845 с.

Кривоногова Ю. А. Третья книга Моисея (Левит) / Ю. А. Кривоногова. – Киев : Великое белое братство (Международ. ин-т души «Атма»), 1990. – 9 с.

Лопухин А. П. Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея / А. П. Лопухин. – СПб. : типография Ф. Г. Елеонского и К., 1882. (Переиздания: М. : Издательство «Зерцало», серия «Русское юридическое наследие», под редакцией В. А. Томсинова, 2014. – 309 с.

Пятикнижие Моисея (репр. воспр. изд. 1863 г.). – СПб. : Российское библейское общество, 2000. – 426 с.

Рижский М. И. Суд и судопроизводство в Древней Палестине / М. И. Рижский // Правоведение. – 1968. – № 4. – С. 109–116.

Тантлевский И. Р. История Израиля и Иудеи до разрушения Первого Храма / И. Р. Тантлевский. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2014. – 541 с.

References

Krivosogova Yu. A. The Third Book of Moses (Leviticus) / Yu. A. Krivosogova. – Kiev : The Great White Brotherhood (International Atma Institute of the Soul), 1990. – 9 p.

Lopukhin A. P. Legislation of Moses. A study on the family, socio-economic and state laws of Moses / A. P. Lopukhin. – St. Petersburg : Printing house of F. G. Eleonsky and K., 1882. (Reprints: Moscow : Zertsalo Publishing House, Russian Legal Heritage series, edited by V. A. Tomsinov, 2014.). – 309 p.

Rizhsky M. I. Court and judicial proceedings in ancient Palestine / M. I. Rizhsky // Jurisprudence. – 1968. – No. 4. – Pp. 109–116.

Tantlevsky I. R. The History of Israel and Judea before the destruction of the First Temple / I. R. Tantlevsky. – 2nd ed., corrected and add. – St. Petersburg : St. Petersburg University Press, 2014. – 541 p.

The Bible. The Book of Deuteronomy / transl. by S. V. Tishchenko and M. G. Seleznev ; ed. by A. E. Grafov. – Moscow : Rossijskoe biblejskoe obschestvo, 2005. – 95 p.

The Bible. The Old Testament. – St. Petersburg : NWCEO, 2024. – 1568 p.

The history of the Ancient World. The Ancient East / ed. by A. N. Badak, I. E. Voynich, N. M. Volchek. – Minsk : Harvest, 1999. – 845 p.

The Pentateuch of Moses (repr. repr. ed. 1863). – St. Petersburg : Rossijskoe biblejskoe obschestvo, 2000. – 426 p.

Vigasin A. A. The History of the Ancient East : a textbook for universities / A. A. Vigasin. – 3rd ed. – Moscow : Yurayt Publishing House, 2023. – 179 p.

Weinberg J. Introduction to the Tanakh. Part IV, The Scriptures / J. Weinberg // The Bibliotheca judaica series. Modern Research. – Moscow : Bridges of Culture ; Jerusalem : Feor ; Gesharim, 2005. – 368 p.

Для цитирования:

Лунёв Р. С. Особенности организации и функционирования судебной системы в древнеиудейском государстве: судебные органы, процедуры и правосудие по Торе // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 4(13). С. 104–115.

Recommended citation:

Lunev R. S. Features of the organization and functioning of the judicial system in the Ancient Jewish State: judicial authorities, procedures and justice according to the Torah // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 4(13). Pp. 104–115.

Сведения об авторе

Лунёв Роман Сергеевич – преподаватель социально-правовых и экономических дисциплин СПб ГБПОУ «Академия управления городской средой, градостроительства и печати», советник Российской академии естествознания, профессор Академии геополитических проблем, член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств, член Общественного совета Муниципального образования «Лиговка-Ямская», член Санкт-Петербургского отделения «Союза журналистов».

E-mail: roman_lunev@mail.ru

Information about author

Roman Sergeevich Lunev – Lecturer in Socio-Legal and Economic Disciplines at the Saint Petersburg State Pedagogical University “Academy of Urban Environment Management, Urban Planning and Printing”, Adviser of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor at the Academy of Geopolitical Problems, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of the Public Council of the Ligovka-Yamskaya Municipal Formation, Member of the St. Petersburg Branch of the “Union of Journalists”

E-mail: roman_lunev@mail.ru

СТРАНИЧКА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 342

ВИДЫ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ

Ю. Л. Сиверина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 ноября 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются значимость и место цифровых технологий в публичном управлении в Российской Федерации. Соотносятся понятия «информационно-коммуникационные технологии», «сквозные» цифровые технологии и «цифровые технологии». Раскрываются виды цифровых технологий, а также подчеркивается их значимость и актуальность. Приводятся мнения ученых о значении цифровых технологий в публичном управлении. Подчеркивается влияние цифровизации и цифровых технологий на жизнь людей и общества в целом.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая технология, публичное управление, искусственный интеллект, технологии распределенного реестра, блокчейн-технологии.

TYPES OF DIGITAL TECHNOLOGIES USED IN PUBLIC ADMINISTRATION

Yu. L. Siverina

Voronezh State University

Abstract: the article examines the importance and place of digital technologies in public administration in the Russian Federation. The concepts of “information and communication technologies”, “end-to-end” digital technologies and “digital technologies” are correlated. The types of digital technologies are revealed, as well as their significance and relevance are emphasized. The opinions of scientists on the importance of digital technologies in public administration are presented. The impact of digitalization and digital technologies on the lives of people and society as a whole is emphasized.

Key words: digitalization, digital technology, public administration, artificial intelligence, distributed registry technologies, blockchain technologies.

© Сиверина Ю. Л., 2025

В настоящее время цифровые технологии играют всё более важную роль во многих сферах общественной деятельности человека, таких как государственное управление, экономика, медицина, производственная сфера и других. Цифровые технологии внесли большие изменения в жизнь человека, цифровизация стремительно набирает обороты. Можно с уверенностью сказать, что внедрение цифровых технологий во многом оказывает положительный эффект на жизнь как отдельного человека, так и общества в целом. В этой статье мы рассмотрим, какие именно цифровые технологии существуют и как они трансформируют процессы в сфере публичного управления.

По мере того как цифровизация широко распространяется, понятия «цифровые технологии» и «цифровизация» становятся всё более привычными как в речи обычных людей, так и в правовом поле.

С целью усиления роли науки и технологий 25 апреля 2022 г. глава государства Владимир Владимирович Путин подписал Указ, в соответствии с которым 2022–2031 гг. в России объявлены десятилетием науки и технологий¹. Данный факт подчеркивает перспективность не только развития и внедрения цифровых технологий, но также их изучения.

На уровне законодательства не закреплено понятие «цифровизация», но, говоря о цифровизации, понимают достаточно объемный процесс, предполагающий использование цифровых технологий, который меняет в положительном ключе ту сферу, в которой применяется. Интересно и то, что термин «цифровизация» появился относительно недавно: в 1995 г. его ввел американский информатик Николас Негропonte, а уже сейчас цифровизируется буквально всё.

Д. Е. Добринская и Т. С. Мартыненко подчеркивают, что цифровизация является приоритетным направлением развития общества и значительно меняет способы взаимодействия между государством и обществом².

Так же обстоят дела и с понятием «цифровые технологии». В нормативных правовых актах мы встречаем определения «информационные технологии», «сквозные цифровые технологии», но определения «цифровые технологии» на законодательном уровне мы не наблюдаем.

В российском законодательстве, в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закреплено понятие «информационные технологии»,

¹ См.: Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий : Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 г. № 231 (в ред. Указа Президента от 16.04.2025 г. № 236-ФЗ) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2022. № 18. Ст. 3052; Собр. законодательства Российской Федерации. 2025. № 16. Ст. 2008.

² См.: Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества : уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. 2019. № 1. С. 108.

под которым законодатель понимает процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов³.

В соответствующем Постановлении Правительства Российской Федерации дается определение «сквозных» цифровых технологий⁴, являющихся частью технологического процесса. Таким образом, мы понимаем, что «сквозные» цифровые технологии представляют собой более узкое понятие, чем «цифровые технологии», но, безусловно, охватывают процессы по сбору, обработке, хранению, поиску и распространению информации. Это позволяет нам с уверенностью причислить искусственный интеллект, технологии распределенных реестров, технологии блокчейн, смарт-контракты, технологии виртуальной реальности, Интернет вещей к «сквозным» цифровым технологиям, поскольку все они охватывают сумму вышеизложенных процессов и методов.

Что касается понятия «цифровые технологии», то это компьютерные технологии, такие как программное обеспечение и оборудование, позволяющие перевести большинство процессов в компьютерные вычисления, а также оцифровать данные, т. е. перевести информацию в двоичную систему исчисления – цифровую. Использование цифровых технологий – это и есть цифровизация, ведущая к эффективности, позволяющая вести электронный документооборот, обрабатывать значительные объемы данных.

Стоит отметить, что в системе публичного управления, при цифровизации, взаимодействие между органами государственной власти и гражданами меняется, т. е. минимизируется личное контактирование, в некоторых случаях переходит от обыкновенного личного взаимодействия к виртуальному, и, самое интересное, появляется взаимодействие в упреждающем, так называемом проактивном режиме. Коммуникативные процессы протекают в новых, ранее не применяемых формах.

Применение цифровых технологий в государственном управлении оптимизирует его, способствует улучшению, поскольку операции осуществляются намного быстрее, а количество ошибок уменьшается. В случае проактивного режима и вовсе, посредством межведомственного вза-

³ См.: Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. Федерального закона от 24.06.2025 г. № 156-ФЗ) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448; Собр. законодательства Российской Федерации. 2025. № 26 (ч. 1). Ст. 3486.

⁴ См.: О государственной поддержке программ деятельности лидирующих исследовательских центров, реализуемых российскими организациями в целях обеспечения разработки и реализации дорожных карт развития перспективных «сквозных» цифровых технологий : постановление Правительства Российской Федерации от 3 мая 2019 г. № 551 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2019. № 19. Ст. 2307.

имодействия органов власти, а именно направления межведомственных запросов и получения соответствующих ответов, реализуется автоматическое взаимодействие между государством и гражданами. Всё это стало возможным благодаря цифровым технологиям.

Совершенно верно отмечают Е. Л. Власова и Е. Н. Канина, что «цифровизация внесла значительные коррективы в систему общественных отношений»⁵. Мы полностью разделяем мнение ученых: безусловно, процессы внедрения и применения цифровых технологий в публичном управлении меняют структуру занятости населения, появляются совершенно новые профессии, а какие-то профессии и вовсе становятся неактуальны.

Обозначим и раскроем подробнее самые популярные и распространенные технологии, которые используются в государственном управлении: искусственный интеллект, большие данные, технологии распределенного реестра, такие как технология блокчейн и смарт-контракты, а также технология «Интернет вещей».

Передовое место в процессе цифровизации, безусловно, занимает искусственный интеллект, поскольку заметно повышает эффективность деятельности в различных сферах, в том числе в сфере публичного управления. В утвержденной Указом Президента России стратегии научно-технологического развития Российской Федерации искусственный интеллект выделяется как одна из передовых технологий⁶.

Стоит сразу отметить и Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, в которой, во-первых, закреплено понятие «искусственный интеллект», а во-вторых, отражены направления повышения доступности инфраструктуры, необходимой для развития технологий искусственного интеллекта⁷.

Это в очередной раз подчеркивает высокое значение цифровой технологии, поскольку применение искусственного интеллекта способствует оптимизации трудоемких процессов, уменьшению временных затрат, требуемых на выполнение определенных задач, зачастую не только вычислительных, но и связанных с более важными и серьезными задачами в системе публичного управления.

⁵ Власова Е. Л., Канина Е. Н. К вопросу о цифровизации юриспруденции // Право и государство : теория и практика. 2025. № 4. С. 280.

⁶ См.: О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2024. № 10. Ст. 1373.

⁷ См.: О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (в ред. Указа Президента от 15.02.2024 г. № 124-ФЗ) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700; Собр. законодательства Российской Федерации. 2024. № 8. Ст. 1102.

Понятие «искусственный интеллект» закреплено законодательно в ст. 2 Федерального закона № 123-ФЗ, где под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, которые сопоставимы с результатами интеллектуальной деятельности человека⁸. Этой же статьей закреплено определение «технологии искусственного интеллекта», означающее технологии, которые основаны на использовании искусственного интеллекта, т. е. включающие в себя: распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений, а также компьютерное зрение.

Аналогичное определение закреплено приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 392⁹.

Искусственный интеллект – это комплекс технологий, таких как: распознавание звука, образов, массовое наблюдение и т. п. В государственном управлении данная технология – это инструмент работы с большими данными, например различные методы машинного обучения (стоит подчеркнуть, что компьютеры именно обучают, а не программируют, при помощи собранных данных способны прогнозировать будущее), другими словами – способность использовать данные с целью заложить определенные правила поведения, которые будут применяться в будущем.

Примером использования искусственного интеллекта в государственном управлении служит робот-помощник Макс на портале «Госуслуги». Обновленная GPT-версия точно отвечает на поставленные вопросы, подсказывает подходящие разделы, поддерживает диалог по заданной теме, а также дает ссылки на соответствующие источники, стоит только написать требуемый запрос.

Ученые представляют искусственный интеллект как область исследований, которые охватывают философию, логику, статистику, информатику, математику, нейробиологию, лингвистику, когнитивную психо-

⁸ См.: О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федер. закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ (в ред. Федерального закона от 08.08.2024 г. № 233-ФЗ) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2020. № 17. Ст. 2701; Собр. законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (ч. 1). Ст. 4929.

⁹ См.: Об утверждении критериев определения принадлежности проектов к проектам в сфере искусственного интеллекта: приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 392 (зарегистрировано в Минюсте России 28.06.2021 г. № 64430). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

логию, экономику и право¹⁰. Данная технология постоянно развивается, в настоящее время она способна обработать множество параметров, а также выбрать оптимальное решение.

В ходе исследований искусственного интеллекта были разработаны нейронные сети, способные «обучаться» и распознавать образы. На сегодняшний день нейронные сети не способны построить такой порядок, которому давалось бы логическое обоснование.

Обобщив вышесказанное, можно сделать вывод, что с помощью вычислительных машин, которые используют анализ внушительных объемов данных для поиска закономерных связей, создаются системы, способные выполнять повторяющиеся задачи, требующие умственных усилий, но не требующие постоянного наблюдения со стороны человека.

Отдельно отметим, что одним из направлений искусственного интеллекта является машинное обучение, т. е. компьютеры получают данные и на основе этих данных «обучаются», что позволяет применять полученные «знания» на огромных объемах данных. Это является отличным инструментом при принятии управленческих решений.

Машинное обучение позволяет обучать модель искусственного интеллекта на заданных тестовых данных, в результате модель обучается в процессе выполнения заданий.

Стоит подчеркнуть, что машинное обучение, чат-боты и другие разновидности искусственного интеллекта используются не только для автоматизации повседневных задач, но и для предоставления услуг и повышения вовлеченности граждан.

Благодаря увеличению способов хранения данных появилась технология «большие данные», представляющая собой невероятные объемы ценной информации, которые используются с целью принятия решений, а также для анализа последствий таких решений, выдвижения предположений и формулировки решений (с помощью нейронных сетей).

Большие данные применяются для более эффективного управления информацией, поскольку эта технология позволяет собирать, хранить и обрабатывать значительный объем информации.

Н. И. Федурин отмечает, что большие данные характеризуются объемом, разнообразием и скоростью обновления, а также являются совокупностью инструментов и методов, которые предназначены для обработки различных данных, с целью получения воспринимаемых человеком результатов¹¹.

¹⁰ См.: Возможности применения искусственного интеллекта в государственном управлении и юридические экспертизы / Э. В. Талапина, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов, И. А. Чернышева. М., 2022.

¹¹ См.: Федурин Н. И. Цифровая экономика : методические рекомендации по выполнению практических работ. Иркутск, 2020. С. 6.

Можно выделить основные источники больших данных: данные сайтов, социальных сетей, спутников, сетей мобильной связи и т. д.

Как подчеркивают ученые, «использование “больших данных” отвечает критериям результативности и эффективности»¹². Мы не можем не согласиться с этим выводом, поскольку эффективность такой технологии очевидна.

А. А. Николаева и Е. А. Алфёрова пишут, что государственные органы используют большие данные для выявления закономерностей и тенденций из больших объемов¹³. Мы полностью разделяем их позицию, потому что эта технология позволяет государственным органам принимать более эффективные, более обоснованные и более результативные решения.

Таким образом, данная технология является важным инструментом принятия решений посредством огромных объемов информации, а также позволяет оперативно получать информацию о результатах, поскольку обладает высокой скоростью. Использование больших данных – современный и эффективный метод работы с информацией, потому что накопление невероятного объема информации позволяет не просто хранить ее, но и оперативно анализировать.

В системе публичного управления внедрение больших данных может применяться:

– в социальной сфере, например для оценки настроений в обществе, выявления направлений туризма и развития регионов, а также развития объектов культурного значения;

– в сфере здравоохранения, например для своевременного реагирования на рост заболеваний, а также выявления эпидемий;

– в сфере общественной безопасности, например для выявления мошенничества, подтверждения дохода физических лиц.

Технологии распределенного реестра выступают специальным подходом к хранению информации. Это электронная система баз данных, исключающая возможность их изменения.

Одной из наиболее прорывных и распространенных является технология блокчейн. Часто технологии распределенного реестра и блокчейн не разделяются и употребляются неразрывно.

В широком смысле блокчейн – это децентрализованная распределенная база данных обо всех подтвержденных операциях¹⁴.

¹² Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов [и др.]. М., 2019. С. 53.

¹³ См.: Николаева А. А., Алфёрова Е. А. Влияние цифровизации социальной сферы на качество жизни современного человека // Международная научная конференция «Качество жизни населения промышленных территорий в стратегии “Общество 5.0”»: сборник материалов конференции (Набережные Челны, 2 июня 2022 г.). Казань, 2022. С. 40–41.

¹⁴ См.: Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 96.

С помощью данной технологии стала возможна передача ценной информации без копирования, при помощи распределения между различными пользователями. Также появилась возможность обрабатывать значительные объемы данных, многие рутинные задачи автоматизируются, сокращается количество ошибок, связанных с повторным заполнением одних и тех же данных несколько раз, поскольку в этом просто нет никакой необходимости: заполненная единожды информация попадает в цифровые платформы, информационные системы, федеральные реестры. Всё это упрощает рабочие процессы взаимодействия должностных лиц с гражданами. С технологией блокчейна связано также преодоление таких проблем государственного управления, как коррупция и недостаточная прозрачность.

В сфере публичного управления ученые отмечают направления, в которых применение блокчейн-технологий наиболее эффективно, например формирование реестра документов: дипломы, полисы страхования имущества, здоровья, утерянные паспорта¹⁵.

Данные, которые хранятся в блокчейне, представляют собой последовательные, взаимозависимые блоки информации. Это означает, что информация не может быть изменена, а любое вмешательство по корректированию данных будет тут же замечено. Добавление новых данных в указанную выше технологию осуществляется особым методом, гарантирующим их достоверность.

Как отмечают ученые, в осуществление государственных функций блокчейн внедряется точноно, пока по таким направлениям, как реестры и удостоверение прав¹⁶.

Отметим и такой положительный эффект данной технологии, как безопасное хранение и управление конфиденциальными данными (например, удостоверения личности граждан, а также протоколы голосования). Это, безусловно, обеспечивает прозрачность деятельности государственных органов и способствует повышению доверия со стороны населения.

Э. В. Талапина отмечает, что преимущества блокчейна – высокая скорость, прозрачность и доверие – способствуют решению проблемы коррупции¹⁷.

¹⁵ См.: Ключиков А. В., Пряников М. М., Чугунов А. В. Блокчейн-технологии и их использование в государственной сфере // International Journal of Open Information Technologies. 2017. № 12. С. 127.

¹⁶ См.: Применение технологии распределенного реестра в государственном управлении : возможности и правовые риски / Э. В. Талапина, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов, И. А. Чернышева. М., 2021. С. 108.

¹⁷ См.: Талапина Э. В. Применение блокчейна в государственном управлении : перспективы правового регулирования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 98.

Стоит непременно отметить смарт-контракты, исполнение которых автоматизировано благодаря технологии распределенного реестра. Это создает новые возможности, уменьшает затраты, повышает скорость исполнения, а также минимизирует или даже полностью исключает посредников при проведении сделки и исполнении ее условий.

В настоящее время можно выделить такие смарт-контракты, которые контролируют имущественные отношения (цифровые активы), финансовые отношения (например, участие в аукционах), а также социальные отношения (например, проведение выборов или процедуры страхования). Таким образом, технологии распределенного реестра способствуют защите от мошенничества, а также позволяют участникам взаимодействовать более эффективно.

И. И. Какадий и А. И. Просвирина пишут, что «цифровизация государственного управления предполагает использование различных технологий для оптимизации государственных услуг и расширения участия граждан»¹⁸.

Таким образом, среди основных технологий, которые используются, выделяют такие, как: облачные вычисления; аналитика больших данных (Big data); искусственный интеллект; блокчейн; мобильные приложения; геопространственные технологии¹⁹. Считаем нужным обозначить некоторые из ранее не освещенных понятий.

Начнем с облачных вычислений, которые представляют собой технологию, позволяющую государственным учреждениям удаленно хранить данные, а также получать к ним доступ через интернет. Это решение экономически выгодно, так как исключает затраты на покупку и обслуживание оборудования (эти функции берет на себя облачный провайдер), а также предлагает большой объем масштабируемых ресурсов с оплатой по факту использования.

Благодаря мобильным приложениям и цифровым площадкам, разработанным Правительством специально в целях улучшения доступа к государственным услугам, к информации, а также для обеспечения обратной связи с гражданами, стало возможным предоставление различных обновлений в режиме реального времени.

Геопространственные технологии служат для изучения географической, наземной информации; в них применяются специальные приборы с целью анализа и визуализации данных. Эти технологии позволяют

¹⁸ Какадий И. И., Просвирина А. И. Электронные технологии предоставления государственных услуг в области социальной поддержки населения // Вестник евразийской науки. 2020. № 2. Т. 12. С. 44. URL: <https://esj.today/PDF/25ECVN220.pdf>

¹⁹ См.: Вагнер Е. Е. Международный опыт цифровизации государственного управления // Электронный научный журнал «Вектор экономики». 2023. № 3. URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2023/3/innovationmanagement/Wagner.pdf>

государству еще эффективней управлять различными ресурсами, в том числе природными, а также планировать.

Созданная по Указу В. В. Путина²⁰ для обеспечения деятельности государственных органов, органов публичной власти система в области противодействия коррупции «Посейдон» служит одним из примеров использования цифровых технологий в государственном управлении.

В настоящее время цифровые технологии не только проникают во все сферы общества, но и выходят на более высокий уровень. Одно из ярких проявлений этого процесса наблюдается в сфере государственного управления.

Подчеркнем тот факт, что именно цифровые технологии расширили спектр государственных услуг, сделав их более эффективными. Это, безусловно, помогает решить некоторые проблемы, но, с другой стороны, может вызывать и некоторые сложности, например у людей старшего поколения. В частности, цифровые технологии обеспечивают доступность получения важнейших документов, а также простоту взаимодействия населения с представителями органов власти через портал «Госуслуги». На уровне субъектов Российской Федерации также создаются аналогичные порталы.

В дополнение к этому подчеркнем социальную значимость государственных порталов, позволяющих голосовать за благоустройство города. В рамках национального проекта «Инфраструктура для жизни», инициированного Президентом Российской Федерации, на официальном сайте ros.gosuslugi.ru реализована возможность Всероссийского голосования по выбору общественного пространства своего города, которое будет благоустроено в следующем году. Благодаря использованию цифровых технологий авторизованному пользователю портала «Госуслуги» это становится доступно. Ежегодно число пользователей портала увеличивается, вместе с тем увеличивается и число тех, кто принимает участие в голосовании. Это показывает нам, что применение технологий в государственном управлении растет, повышается уровень цифровой грамотности населения – важнейшего аспекта в сфере цифровизации. Количество субъектов, готовых взаимодействовать с государством в цифровом формате, с каждым годом становится всё больше, что является положительным знаком.

Цифровая трансформация государственного управления представляет собой особые изменения процедур, государственных функций, кото-

²⁰ См.: О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации : Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2022. № 18. Ст. 3053.

рые способствуют повышению эффективности государственного управления, что, безусловно, увеличивает роль государства в регулировании отношений в цифровой сфере, а также приводит к внедрению цифровых технологий в государственное управление и появлению новых объектов правового регулирования.

В нашей стране самой успешной информационной системой является единый портал государственных и муниципальных услуг, который облегчает взаимодействие граждан и государственных органов, а также упрощает процесс предоставления данных услуг.

Сказанное означает, что освоение и внедрение цифровых технологий в публичное управление будет только углубляться и расширяться, а социально значимые услуги будут становиться еще более доступны в электронном виде. И всё это успешно запущено и функционирует благодаря прорывным цифровым технологиям, которые используются в государственном управлении.

Таким образом, мы видим, что цифровые технологии, применяемые в публичном управлении, безусловно, ведут к качественным изменениям в получаемых результатах, облегчают процесс взаимодействия представителей органов власти, должностных лиц с населением. Стремительное развитие цифровых технологий в государственном управлении, несомненно, делает его более эффективным и результативным, но, в силу своих особенностей, цифровизация государственного управления – непростой процесс и на законодательном уровне он не в полной степени проработан.

Библиографический список

Вагнер Е. Е. Международный опыт цифровизации государственного управления / Е. Е. Вагнер // Электронный научный журнал «Вектор экономики». – 2023. – № 3. – URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2023/3/innovation-management/Wagner.pdf>

Возможности применения искусственного интеллекта в государственном управлении и юридические экспертизы / Э. В. Талапина, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов, И. А. Чернышева. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – 190 с.

Власова Е. Л. К вопросу о цифровизации юриспруденции // Е. Л. Власова, Е. Н. Канина // Право и государство : теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 280–282.

Добринская Д. Е. Перспективы российского информационного общества : уровни цифрового разрыва / Д. Е. Добринская, Т. С. Мартыненко // Вестник РУДН. – 2019. – № 1. – С. 108–120.

Какадий И. И. Электронные технологии предоставления государственных услуг в области социальной поддержки населения / И. И. Какадий, А. И. Просвирин // Вестник евразийской науки. – 2020. – № 2. – Т. 12. – URL: <https://esj.today/PDF/25ECVN220.pdf>

Клечиков А. В. Блокчейн-технологии и их использование в государственной сфере / А. В. Клечиков, М. М. Пряников, А. В. Чугунов // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2017. – № 12. – С. 123–129.

Николаева А. А. Влияние цифровизации социальной сферы на качество жизни современного человека / А. А. Николаева, Е. А. Алфёрова // Международная научная конференция «Качество жизни населения промышленных территорий в стратегии “Общество 5.0”»: сборник материалов конференции (Набережные Челны, 2 июня 2022 г.). – Казань: Издательство Казанского университета, 2022. – С. 40–43.

Применение технологии распределенного реестра в государственном управлении: возможности и правовые риски / Э. В. Талапина, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов, И. А. Чернышева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. – 314 с.

Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву / А. И. Савельев // *Закон*. – 2017. – № 5. – С. 96–119.

Талапина Э. В. Применение блокчейна в государственном управлении: перспективы правового регулирования / Э. В. Талапина // *Вопросы государственного и муниципального управления*. – 2020. – № 3. – С. 96–113.

Федурина Н. И. Цифровая экономика: методические рекомендации по выполнению практических работ / Н. И. Федурина. – Иркутск: Иркутский ГАУ, 2020. – 63 с.

Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов [и др.]. – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 113 с.

References

Application of Distributed Ledger Technology in Public Administration: Opportunities and Legal Risks / E. V. Talapina, V. N. Yuzhakov, A. A. Efremov, I. A. Chernysheva. – Moscow: Publishing House “Delo” of RANEPa, 2021. – 314 p.

Dobrinskaya D. E. Prospects for the Russian Information Society: Levels of the Digital Divide / D. E. Dobrinskaya, T. S. Martynenko // *Bulletin of RUDN University*. – 2019. – No. 1. – Pp. 108–120.

Fedurina N. I. Digital Economy: Guidelines for Completing Practical Work / N. I. Fedurina. – Irkutsk: Irkutsk State Agrarian University, 2020. – 63 p.

Kakadiy I. I. Electronic technologies for the provision of public services in the field of social support for the population / I. I. Kakadiy, A. I. Prosvirina // *Bulletin of Eurasian Science*. – 2020. – No. 2. – T. 12. – URL: <https://esj.today/PDF/25ECVN220.pdf>

Klechikov A. V. Blockchain technologies and their use in the public sphere / A. V. Klechikov, M. M. Pryanikov, A. V. Chugunov // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2017. – No. 12. – Pp. 123–129.

Nikolaeva A. A. The impact of digitalization of the social sphere on the quality of life of a modern person / A. A. Nikolaeva, E. A. Alferova // International Scientific Conference “Quality of Life of the Population of Industrial Territories in the Strategy of Society 5.0”: Collection of Conference Materials (Naberezhnye Chelny, June 2, 2022). – Kazan: Kazan University Press, 2022. – Pp. 40–43.

Possibilities of Applying Artificial Intelligence in Public Administration and Legal Expertise / E. V. Talapina, V. N. Yuzhakov, A. A. Efremov, I. A. Chernysheva. – Moscow : Publishing House “Delo” of RANEPА, 2022. – 190 p.

Saveliev A. I. Some Legal Aspects of the Use of Smart Contracts and Blockchain Technologies under Russian Law / A. I. Saveliev // Law. – 2017. – No. 5. – Pp. 96–119.

Talapina E. V. Application of Blockchain in Public Administration : Prospects of Legal Regulation / E. V. Talapina // Issues of Public and Municipal Administration. – 2020. – No. 3. – P. 96–113.

The Digital Future of Public Administration Based on Results / E. I. Dobrolyubova, V. N. Yuzhakov, A. A. Efremov [et al.]. – Moscow : Publishing House “Delo” of RANEPА, 2019. – 113 p.

Vlasova E. L. On the Digitalization of Jurisprudence / E. L. Vlasova, E. N. Kanina // Law and State : Theory and Practice. – 2025. – No. 4. – 280 p.

Wagner E. E. International Experience in Digitalization of Public Administration / E. E. Wagner // Electronic Scientific Journal “Vector of Economics”. – 2023. – No. 3.

Для цитирования:

Сиверина Ю. Л. Виды цифровых технологий, применяемых в публичном управлении // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 4(13). С. 116–128.

Recommended citation:

Siverina Yu. L. Types of digital technologies used in public administration // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 4(13). Pp. 116–128.

Сведения об авторе

Сиверина Юлия Леонидовна – аспирант кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета
E-mail: j28s@yandex.ru

Information about author

Siverina Yulia Leonidovna – Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law at Voronezh State University
E-mail: j28s@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ О СТАНДАРТЕ ДОКАЗЫВАНИЯ «ВНЕ РАЗУМНЫХ СОМНЕНИЙ» В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТРАДИЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА

Н. О. Столповских

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 ноября 2025 г.

Аннотация: в статье обосновывается, что специфика подхода к оценке достоверности и достаточности доказательств в обособленных спорах с участием аффилированных с должником лиц определяется не квалифицированным, «сверхповышенным» стандартом доказывания, а закономерностями во взаимоотношениях субъектов хозяйственной деятельности, объединенных общими экономическими интересами. Использование знаний о типичных формах взаимодействия аффилированных лиц в гражданском обороте при силлогическом построении умозаключений приводит к выводам о доказательственном значении отдельных средств доказывания, которые отличаются от результатов их оценки при рассмотрении иных категорий гражданских дел.

Ключевые слова: банкротство, стандарт доказывания, аффилированность, оценка доказательств, вне разумных сомнений, бремя доказывания.

LEGAL POSITIONS ON THE “BEYOND A REASONABLE DOUBT” STANDARD OF PROOF IN BANKRUPTCY CASES THROUGH THE LENS OF TRADITIONAL PROVISIONS OF DOMESTIC EVIDENTIARY LAW

N. O. Stolpovskih

Voronezh State University

Abstract: the article substantiates that the specific approach to assessing the reliability and sufficiency of evidence in separate disputes involving persons affiliated with the debtor is determined not by a qualified, “super-heightened” standard of proof, but by the patterns inherent in the relationships between business entities united by common economic interests. The use of knowledge about typical forms of interaction between affiliated persons in civil

© Столповских Н. О., 2025

transactions during the syllogistic construction of inferences leads to conclusions about the evidentiary value of individual means of proof that differ from the results of their assessment in other categories of civil cases.

Key words: bankruptcy, standard of proof, affiliation, evaluation of evidence, beyond a reasonable doubt, burden of proof.

Применительно к делам о несостоятельности (банкротстве) арбитражными судами сформулирован подход, согласно которому при установлении факта исполнения обязательства перед должником аффилированным с ним лицом подлежит применению стандарт «вне разумных сомнений», более строгий по сравнению со стандартом, применяемым к ординарным кредиторам.

Как указал Верховный Суд РФ в определении № 308-ЭС18-16740, аффилированное лицо должно «исключить разумные сомнения в реальности долга, поскольку общность экономических интересов, в том числе повышает вероятность представления кредитором внешне безупречных доказательств исполнения по существу фиктивной сделки с противоправной целью последующего распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора и уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю кредиторов независимых»¹.

Раскрывая содержание анализируемого стандарта доказывания, суды отмечают, что для выполнения бремени доказывания аффилированному лицу необходимо раскрыть разумные экономические мотивы своих действий и действий должника², исчерпывающим образом указать все существенные обстоятельства заключения и исполнения сделки, на которые такое лицо ссылается в обоснование своих требований или возражений³.

При этом стандарт доказывания «вне разумных сомнений» подлежит применению в деле о банкротстве независимо от характера обособленного спора. Так, например, из необходимости использования анализируемого доказательственного правила суды исходят при рассмотрении споров по заявлениям о признании сделок должника недействительными; об установлении требований кредиторов в деле о банкротстве;

¹ Определение Верховного Суда РФ от 21 февраля 2019 г. № 308-ЭС18-16740. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 23 сентября 2019 г. № 306-ЭС18-6320 (3). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7. П. 1. Абз. 12.

об исключении имущества из конкурсной массы; о взыскании убытков с контролирующих лиц и т. д.

Характеристика стандарта «вне разумных сомнений» (*beyond a reasonable doubt*) как «сверхповышенного» стандарта доказывания обусловлена тем, что именно данный критерий в странах общего права подлжит применению к стороне обвинения при доказывании виновности обвиняемого в совершении преступления. Лорд Деннинг, комментируя анализируемый стандарт в решении по делу *Miller v. Minister of Pensions* (1947), указал, что для выполнения бремени доказывания при его использовании нет никакой необходимости в достижении определенности или достоверности (*certainty*), а достаточно получить высокую степень вероятности. Требование «вне разумных сомнений» не подразумевает того, что не должно остаться и «тени сомнений»⁴. Следует отметить, что анализируемый стандарт доказывания вовсе не применяется при рассмотрении гражданских дел в Великобритании и США⁵.

На необходимость использования стандарта «вне разумных сомнений» в отечественном уголовном процессе неоднократно обращала внимание Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ⁶, а в литературе можно встретить предложения по нормативному закреплению данного критерия достаточности и достоверности доказательств при рассмотрении уголовных дел⁷.

Именно на уголовно-процессуальную природу анализируемого стандарта доказывания обращают внимание некоторые авторы в обоснование своих возражений против его использования в арбитражном судопроизводстве. Так, например А. Г. Архипова и А. Г. Карапетов указывают, что «предельно высокий стандарт “вне разумных сомнений” следует сразу же отвергнуть. Сама идея применять его по каким-либо гражданским делам (в отличие от дел уголовных) – очень сомнительный шаг и явная аномалия: стандарт “вне разумных сомнений” к гражданскому праву отношения иметь не должен...»⁸.

⁴ См.: Смольников Д. И. Косвенные доказательства в гражданском судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 152.

⁵ См.: Воронов Ф. А. Аффилированность и ее правовые последствия при несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 79–80.

⁶ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 5 августа 2014 г. № 56-АПУ14-29; апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12 января 2018 г. № 81-АПУ17-21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ См., напр.: Мезинов Д. А. Стандарт «Вне разумных сомнений» как критерий достижения цели уголовно-процессуального доказывания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 3.

⁸ Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства : комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2022. С. 949–950 (авторы раздела – А. Г. Архипова, А. Г. Карапетов).

Объясняя возможные мотивы применения столь жесткого стандарта по отношению к аффилированным лицам, некоторые ученые исходят из предположения о том, что, устанавливая требование «вне разумных сомнений» к достоверности и достаточности доказательств, вышестоящие инстанции создают барьер для включения в реестр требований кредиторов задолженности перед лицами, имеющими общие экономические интересы с должником. Данное обстоятельство, по мнению авторов, может быть расценено как установление нормы о субординации требований (выведении за реестр) «через черный ход»⁹.

Однако правомерность данного тезиса вызывает серьезные сомнения. Если предположить, что действительная цель «сверхповышенного» стандарта доказывания – ограничить доступ лицам, связанным с должником, к реестру требований кредиторов, в том числе с целью исключения их участия в принятии ключевых решений, определяющих ход и результаты процедуры, то каким образом можно объяснить использование тех же самых подходов к оценке достаточности и достоверности доказательств при рассмотрении всех других обособленных споров с участием аффилированных лиц, в том числе по заявлениям о конкурсном оспаривании сделок, совершенных должником?

Следует также отметить, что в исследованиях, посвященных проблеме субординации требований в деле о банкротстве, в тех случаях, в которых авторы полагают возможным применить данный механизм, не исключается одновременное использование стандарта «вне разумных сомнений». Как отмечает А. И. Шайдуллин, при рассмотрении требований контролирующего должника лица ему в первую очередь необходимо пройти «тест на мнимость» в соответствии со стандартом доказывания «вне разумных сомнений», а уже во вторую очередь – «тест на субординацию» в соответствии с критериями, формулируемыми в судебной практике¹⁰. Как указывает автор, «проблематика понижения в очередности подлежит обсуждению только в том случае, если аффилированный кредитор сумеет пройти первый рубеж – повышенный стандарт доказывания “вне разумных сомнений”»¹¹.

Таким образом, обоснование причин развиваемого арбитражными судами особого подхода к доказыванию обстоятельств, на которые ссыла-

⁹ См.: *Карпатов А. Г., Косарев А. С.* Стандарты доказывания : аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия РФ. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5. Специальный выпуск. С. 65; *Будылин С. Л.* Стандарты доказывания в банкротстве. По мотивам определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 4 июня 2018 г. № 305-ЭС18-413 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 11. С. 153.

¹⁰ См.: *Шайдуллин А. И.* Субординация обязательственных требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 75.

¹¹ Там же. С. 76.

ются аффилированные лица, экономической целесообразностью или какими-либо политико-правовыми факторами представляется ошибочным.

В контексте размышлений о специфике доказательственной деятельности при рассмотрении анализируемой категории обособленных споров особый интерес представляет учение о логической структуре оценки доказательств.

Как отмечается в отечественной процессуальной литературе, определение доказательственного значения представленного средства доказывания производится путем построения умозаключения, соответствующего по своим признакам силлогизму, в структуре которого меньшей посылкой является доказательство, большей посылкой – закономерность как знание о типичной связи явлений природы и общества, связывающее доказательство с искомым фактом¹². На данное обстоятельство обращал внимание С. В. Курылев, отмечавший, что «закономерности участвуют в любом случае установления судом фактов, но не в качестве доказательства, а в качестве того знания судьи и других людей о связях явлений действительности, при помощи которого могут быть использованы доказательства»¹³.

Вопросы логической структуры оценки доказательств были предметом исследования в работах А. А. Эйсмана, которым оценка доказательств также рассматривалась как процесс применения к известным сведениям о доказательственных фактах общих положений, обеспечивающих закономерность логического перехода к выводу об искомых фактах¹⁴.

С учетом изложенного отдельного внимания заслуживают типичные ситуации во взаимоотношениях аффилированных лиц, при которых под видом исполнения того или иного обязательства решаются специфические задачи во внутригрупповых или корпоративных отношениях. В таком случае хозяйственные операции совершаются в целях, не соответствующих их предназначению, а должник фактически никакого встречного предоставления со стороны аффилированного кредитора не получает.

Полагаем, что указанные закономерности – это специфичные силлогические посылки, которые должны быть учтены арбитражным судом, рассматривающим обособленный спор. Их применение при оценке достоверности и достаточности доказательств позволяет обнаружить новые связи представленных доказательств с другими обстоятельствами, помимо обстоятельств предмета доказывания, о существовании которых

¹² См.: *Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. Общая часть. Книга первая. Уголовно-судебная достоверность. Харьков, 1882. II. С. 31.

¹³ *Курылев С. В.* Избранные труды. Минск, 2012. С. 258.

¹⁴ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. редактор Н. В. Жогин. Изд. 2-е испр. и доп. М., 1973. С. 450 (автор главы – А. А. Эйсман).

нельзя предположить при проверке обоснованности требований ординарного неаффилированного кредитора.

Так, например, платежное поручение – казалось бы, прямое достоверное доказательство перечисления денежных средств, в случае представления которого не нужно исследовать ни финансовое положение заявителя, ни цели их расходования должником: ведь из данного документа, предоставленного банком, однозначно следует, что денежные средства на самом деле поступили со счета кредитора на счет банкрота.

Вместе с тем, учитывая закономерности взаимоотношений должника и аффилированного с ним лица, в ряде случаев по результатам оценки платежного поручения, представленного в обоснование своих требований либо возражений таким лицом, можно сделать только многозначные выводы.

Многозначная связь может возникнуть, например, при рассмотрении требований аффилированного лица, являющегося вместе с должником членом одной группы компаний. Если такой кредитор ссылается на перечисление платежным поручением заемных денежных средств должнику, в равной степени возможно, что операция действительно связана с исполнением обязательства кредитором, как и то, что она опосредовала лишь транзитное перемещение денежных средств: полученное должником было перераспределено в пользу других членов группы компаний, а активы банкрота в итоге не пополнились на сумму перечисления¹⁵.

Следует отметить, что применительно к требованиям таких кредиторов, которые вместе с должником являются членами одной группы лиц, арбитражные суды сформулировали правило, согласно которому анализируемый стандарт доказывания «подлежит применению вне зависимости от основания включения (материальное обязательство, погашение долга, заключение договора уступки прав требований)»¹⁶.

При этом в обоснование такого подхода суды справедливо обращают внимание на следующую закономерность: «Группа лиц по общему правилу предполагает интеграцию входящих в нее звеньев не только через общую управленческую, ценовую, техническую, кадровую политику, наличие общей стратегии, но также через объединение финансовых ресурсов и капиталов», поэтому даже при формальном перечислении денежных средств одним участником группы нельзя однозначно утверждать,

¹⁵ См.: Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. П. 1; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 28 октября 2021 г. по делу № А14-16949/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 сентября 2023 г. по делу № А14-18319/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

что операция совершена именно за его счет. Как представляется, именно многозначной связью платежных документов из-за наличия указанной закономерности и вытекающей из нее альтернативной связи обусловлена необходимость в исследовании и оценке дополнительных доказательств при рассмотрении требований одного участника к другому участнику группы лиц, признанному несостоятельным.

В контексте проблемы самодостаточности стандарта «вне разумных сомнений» представляет особый интерес правовая позиция, сформулированная Верховным Судом РФ в определении № 305-ЭС16-20992¹⁷. Судебная коллегия посчитала ошибочным применение стандарта «ясные и убедительные доказательства» при рассмотрении требований кредитора – общества к своему участнику. Мотивируя вывод о том, что платежные поручения о перечислении денежных средств в качестве займа гражданину, имеющему долю в уставном капитале плательщика, не являются достаточным доказательством наличия задолженности, Верховный Суд РФ указывает на необходимость применения особого стандарта доказывания к кредитору, учитывая «высокую степень его аффилированности».

В то же время в мотивировочной части анализируемого определения Верховный Суд РФ обращает внимание в том числе на следующие закономерности: являются весьма распространенными «ситуации, когда прибыль изымается участником общества или выплачивается ему под прикрытием иной сделки, например, займа»¹⁸; наличие у единственного участника возможности «путем манипулирования денежными средствами подконтрольного... общества искусственно нарастить кредиторскую задолженность на случай своего банкротства с целью последующего уменьшения количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов»¹⁹. Следовательно, операции по перечислению денежных средств могли иметь корпоративный характер и представлять собой дивиденды, распределенные в пользу должника в связи с его участием в уставном капитале кредитора; спорные перечисления могли быть намеренно совершены по указанию единственного участника, полностью контролирующего деятельность кредитора, с противоправной целью и на самом деле были, например, потрачены на нужды самого общества (на закупку сырья, выдачу заработной платы сотрудникам и т. д.). Таким образом, связь платежных поручений в данном случае также является многозначной, и, как представляется, именно для устранения альтернативных связей кредитору, заявившему свое требование в деле о банкрот-

¹⁷ См.: Определение Верховного Суда РФ от 7 июня 2018 г. № 305-ЭС16-20992. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

стве, необходимо «обосновать экономическую целесообразность предоставления денежных средств своему участнику на возвратной основе»²⁰.

Не является, на наш взгляд, следствием применения квалифицированного, «сверхповышенного» стандарта доказывания изложенный в определениях № 301-ЭС17-22652(3)²¹ и № 306-ЭС20-16964(2)²² Верховного Суда РФ правовой подход, возлагающий обязанность на заявившего свои требования кредитора раскрыть разумные экономические мотивы заключения обеспечительных сделок с должником, если такой кредитор (займодавец), заемщик и поручитель либо залогодатель (должник) аффилированы друг с другом.

Судебная коллегия в вышеуказанных определениях справедливо обращает внимание на следующие закономерности: в основном акцессорные обязательства используются в качестве дополнительных гарантий возврата долга внешним кредитором, когда денежные средства выбывают из-под его контроля; когда все стороны основного и акцессорного обязательств аффилированы между собой, денежные средства остаются под контролем группы, и «с точки зрения нормального гражданского оборота, отсутствует необходимость использовать механизмы, позволяющие дополнительно гарантировать возврат финансирования». Следовательно, при установлении факта аффилированности между займодавцем, заемщиком и поручителем (залогодателем)-должником многозначной становится связь между договором поручительства и фактом наличия реального акцессорного обязательства должника. Возникающая же при этом альтернативная связь договора с фактом недобросовестного формирования искусственной кредиторской задолженности даже более вероятна, учитывая вторую закономерность, на которую обратил внимание Верховный Суд РФ.

Таким образом, из анализа приведенных выше доказательственных ситуаций следует, что при установлении фактов в обособленных спорах с участием аффилированных с должником лиц не усматривается проявлений квалифицированных правил определения достоверности и достаточности доказательств. Особенности доказательственной деятельности в рассматриваемых случаях обусловлены тем, что в качестве силлогических посылок, существенно расширяющих круг альтернативных связей доказательств с иными фактами, помимо искомого, должны быть приняты во внимание закономерности во взаимоотношениях между субъектами хозяйственной деятельности, объединенными общими экономическими интересами.

²⁰ Определение Верховного Суда РФ от 7 июня 2018 г. № 305-ЭС16-20992. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 28 мая 2018 г. № 301-ЭС17-22652(3). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²² См.: Определение Верховного Суда РФ от 16 ноября 2022 г. № 306-ЭС20-16964(2). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографический список

Будылин С. Л. Стандарты доказывания в банкротстве. По мотивам Определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 04.06.2018 г. № 305-ЭС18-413 / С. Л. Будылин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 11. – С. 130–157.

Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Общая часть. Книга первая. Уголовно-судебная достоверность / Л. Е. Владимиров. – Харьков : в Университетской типографии, 1882. – 156 с.

Воронов Ф. А. Аффилированность и ее правовые последствия при несостоятельности (банкротстве) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ф. А. Воронов. – М., 2024. – 32 с.

Карапетов А. Г. Стандарты доказывания : аналитическое и эмпирическое исследование / А. Г. Карапетов, А. С. Косарев // Приложение к Вестнику экономического правосудия. – 2019. – № 5. – С. 4–96.

Курылев С. В. Избранные труды / С. В. Курылев. – Минск : Издательство «Промышленно-торговое право», 2012. – 606 с.

Мезинов Д. А. Стандарт «Вне разумных сомнений» как критерий достижения цели уголовно-процессуального доказывания / Д. А. Мезинов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2017. – № 3. – С. 40–47.

Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства : комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2022. – 1582 с.

Смольников Д. И. Косвенные доказательства в гражданском судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук / Д. И. Смольников. – М., 2015. – 221 с.

Теория доказательств в советском уголовном процессе : монография / Р. С. Белкин, А. И. Винберг, В. Я. Дорохов ; отв. ред. Н. В. Жогин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Юридическая литература, 1973. – 736 с.

Шайдуллин А. И. Субординация обязательственных требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ : дис. ... канд. юрид. наук / А. И. Шайдуллин. – М., 2022. – 251 с.

References

Budylin S. L. Standards of Proof in Bankruptcy. Based on the Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the RF Supreme Court dated 04.06.2018 No. 305-ES18-413 / S. L. Budylin // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2018. – № 11. – P. 130–157.

Change of persons in the obligation and responsibility for violation of the obligation : commentary to articles 330–333, 380–381, 382–406.1 of the Civil Code of the Russian Federation / rev. ed. A. G. Karapetov. – Moscow : M-Logos, 2022. – 1582 p.

Karapetov A. G. Standards of proof : analytical and empirical research / A. G. Karapetov, A. S. Kosarev // Appendix to the Bulletin of Economic Justice. – 2019. – No. 5. – Pp. 4–96.

Kurylev S. V. Selected works / S. V. Kurylev. – Minsk : Publishing house “Industrial and Commercial Law”, 2012. – 606 p.

Mezinov D. A. Standard “Beyond reasonable doubt” as a criterion for achieving the goal of criminal procedure evidence / D. A. Mezinov // Bulletin of Tomsk State University. Law. – 2017. – No. 3. – Pp. 40–47.

Shaidullin A. I. Subordination of liability claims of the controlling debtor and persons affiliated with him in bankruptcy cases of business companies : dis. ... cand. legal sciences / A. I. Shaidullin. – Moscow, 2022. – 251 p.

Smolnikov D. I. Indirect evidence in civil proceedings in Russia : dis. ... cand. legal sciences / D. I. Smolnikov. – Moscow, 2015. – 221 p.

Theory of evidence in the Soviet criminal process : monograph / R. S. Belkin, A. I. Vinberg, V. Ya. Dorokhov ; resp. ed. N. V. Zhogin. – Ed. 2nd, rev. and add. – Moscow : Legal literature, 1973. – 736 p.

Vladimirov L. E. The doctrine of criminal evidence. General part. Book one. Criminal judicial reliability / L. E. Vladimirov. – Kharkov : at the University Printing House, 1882. – 156 p.

Voronov F. A. Affiliation and its legal consequences in insolvency (bankruptcy) : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences / F. A. Voronov. – Moscow, 2024. – 32 p.

Для цитирования:

Столповских Н. О. Правовые позиции о стандарте доказывания «вне разумных сомнений» в делах о банкротстве сквозь призму традиционных положений отечественного доказательственного права // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 4(13). С. 129–138.

Recommended citation:

Stolpovskih N. O. Legal positions on the “beyond a reasonable doubt” standard of proof in bankruptcy cases through the lens of traditional provisions of domestic evidentiary law // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 4(13). Pp. 129–138.

Сведения об авторе

Столповских Никита Олегович – аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Воронежского государственного университета

E-mail: n.stolpovskih@yandex.ru

Information about author

Stolpovskih Nikita Olegovich – Post-Graduate Student of Department of Civil Law and Procedure of Law Faculty of Voronezh State University

E-mail: n.stolpovskih@yandex.ru

МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В. В. Шутов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 ноября 2025 г.

Аннотация: в статье проводится ретроспективный анализ нормативно-правового регулирования государственного противодействия экстремистской деятельности. Исследуются подходы отечественного законодателя к преодолению данной проблемы в разные исторические эпохи. Производится оценка эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию религиозному экстремизму.

Ключевые слова: религиозные организации, религиозные группы, религиозные движения, религиозная деятельность, противодействие религиозному экстремизму.

MECHANISMS OF STATE COUNTERACTION TO RELIGIOUS EXTREMISM IN RUSSIA: HISTORICAL ANALYSIS

V. V. Shutov

Voronezh State University

Abstract: the article provides a retrospective analysis of the legal regulation of state counteraction to extremist activities. The author examines the approaches of the Russian legislator to overcome this problem in different historical epochs. The effectiveness of law enforcement agencies in countering religious extremism is being assessed.

Key words: religious organizations, religious groups, religious movements, religious activities, countering religious extremism.

Сегодня религия является существенным компонентом российской действительности. Религиозные убеждения позволяют людям выбирать тот или иной образ жизни, формировать мировоззрение – в этом проявляется их созидательная, интегрирующая роль. На протяжении столетий религия являлась источником созидания для России. Благодаря ей был установлен прочный контакт с христианским миром, распространялась грамота, на основе религиозной морали формировались правовые нормы.

В то же время значительная роль религии в общественной жизни обуславливает и риски ее деструктивного использования для достижения личных и политических целей.

Новые проявления религиозного экстремизма указывают на то, что религия не потеряла своего влияния и продолжает определять и легитимизировать процессы социальной реальности. Социальная практика религиозных объединений может выходить за рамки религиозных предписаний и носить либо конструктивный, либо деструктивный характер¹. Позиционируя себя хранителями религиозных традиций и прикрываясь правом на свободу совести, религиозные экстремисты всё чаще заявляют о себе. В связи с этим на государство ложится обязанность по оценке деятельности религиозных объединений и определению их правового статуса².

Проблема правового регулирования религиозных экстремистских организаций возникла в Российской империи в середине XIX в. Первоисточником в этом вопросе можно справедливо считать Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. И хотя непосредственно «экстремистская деятельность» как понятие на тот момент не было сформулировано, понятие «радикализм», под которым понималось стремление к коренному изменению системы государственного устройства, использовалось достаточно широко³.

Глава 6 Уложения была посвящена борьбе с незаконными сообществами, целью которых являлось противодействие распоряжениям правительства, возбуждение неповиновения властям, разрушение основ общественной жизни, в том числе религии, семейного союза и собственности, или возбуждение вражды между сословиями и вообще между отдельны-

¹ См.: Жуков А. В. Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-4.

² См.: Излученко Т. В. Религиозная экстремистская деятельность как негативное проявление социальной активности : философский контекст // Вестник Вятского государственного университета. 2022. № 1(143).

³ См.: Сальников Е. В. Революционеры или экстремисты : отдельные вопросы современной методологии исследований революции // История : факты и символы. 2017. № 3(12).

ми частями и классами населения, а также между хозяевами и рабочими, а равно побуждение к устройству стачек⁴.

Развивая данные положения, Уголовное уложение 1903 г. устанавливает в 5-й главе запрет на участие в сообществах, заведомо воспрещенных в установленном порядке.

Деятельность данных сообществ могла быть направлена на побуждение к неповиновению или противодействию закону, обязательному постановлению или законному распоряжению органов государственной власти, на возбуждение вражды между отдельными частями, классами или сословиями населения, а также на побуждение рабочих к организации или участию в стачках⁵.

Уложение 1903 г. отдельно выделяет сообщества, поставившие целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов.

Помимо этого Уголовное уложение устанавливало ответственность за экстремистский характер высказываний, который мог быть выражен в призывах к: бунту; насильственному изменению существующего в государстве общественного строя; неповиновению или противодействию закону, обязательному постановлению или законному распоряжению органов государственной власти; совершению тяжких преступлений.

Дух времени наглядно отражает ст. 134 Уложения 1903 г., которая устанавливает уголовную ответственность за распространение «заведомо ложного слуха об изменении установленных Законами Основ управления или порядка наследия Престола, или о кончине Царствующего Императора или Наследника Престола, или об отречении Царствующего Императора от Престола или Наследника Престола от права наследования оного».

Данная диспозиция хорошо коррелирует с абз. 11 п. 1 ст. 1 ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», которая, раскрывая понятие «экстремистская деятельность», в качестве одной из составляющих называет публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением.

⁴ См.: Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1908.

⁵ См.: Уголовное уложение 22 марта 1903 г. URL: https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/normativnie_akti/ugolovnoe_ulozhenie_1903_g_.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

В России понятие «экстремизм» впервые возникает в начале XX в. в работах Ю. В. Ключникова, который использует его по отношению к событиям революции 1917 г. В таком контексте экстремизм проявляется как крайняя и радикальная форма взглядов и убеждений, которые были принесены в российское общество⁶.

Дальнейшее развитие термин получил в работах Н. В. Устрялова, который также рассматривал его как крайнюю идеологическую составляющую, однако несколько более продолжительную во времени⁷.

Таким образом, в ранние годы становления советской власти экстремизм преподносился не только как отрицательное явление, но и применялся в положительном смысле по отношению к революционным настроениям⁸.

Говоря о раннем советском периоде и законодательстве того периода в качестве аналога экстремистской деятельности в контексте времени, можно рассматривать контрреволюционное действие и контрреволюцию.

На первоначальном этапе под данную категорию попадали любые попытки присвоения функций органов государственной власти, независимо от лица или учреждения, от которых исходило посягательство, а также объема функций, на которые оно было направлено⁹.

При формировании белогвардейского движения контрреволюционным действием были признаны любые связи с поддерживающими его организациями, заговоры и мятежи¹⁰. Цель этой категории преступлений заключалась в свержении советского правительства¹¹.

Появление первого советского Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. добавило определенный идеологический оттенок в понятие «контрреволюция». Теперь помимо свержения власти Советов, контрреволюционной признавалась деятельность иностранных государств и международных организаций, направленная на интервенцию, блокаду или шпионаж,

⁶ См.: Ключников Ю. В. На великом историческом перепутье. М., 2001.

⁷ См.: Антюхов Ю. В. История значения понятия экстремизма в России до легализации термина в отечественном законодательстве // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 6(69).

⁸ См.: Фуртат В. В. История экстремизма и ее отражение в понятийном аппарате // Вестник РПА. 2019. № 3.

⁹ См.: О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти : постановление ВЦИК от 16 января 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 14. Ст. 202.

¹⁰ См.: О красном терроре : постановление СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1918. 10 сент. № 195.

¹¹ См.: О подсудности революционных трибуналов : постановление Кассационного отдела Всероссийского Центрального исполнительного комитета от 6 октября 1918 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / под ред. проф. И. Т. Голякова. М., 1953.

«которые не признают равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности»¹².

Образование Союза ССР 30 декабря 1922 г. и принятие союзного Уголовного кодекса 1926 г. отразились на правовой терминологии. Так, контрреволюционным стало признаваться свержение, подрыв или ослабление советской власти и избранных лиц, внешней безопасности и «основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции»¹³.

При этом использование религиозных предрассудков масс в контрреволюционных целях выступало квалифицирующим признаком согласно ст. 58.14 УК РСФСР 1926 г.

Впоследствии в УК РСФСР 1926 г. была добавлена ст. 59.7, отдельно устанавливающая уголовную ответственность за возбуждение межнациональной или религиозной вражды и розни¹⁴.

Хрущевская оттепель, наступившая после смерти И. В. Сталина, затронула все стороны общественной жизни СССР, в том числе и данную сферу. Соответствующие изменения были внесены в ст. 58.1 УК СССР 1926 г. Законодатель решил уйти от термина «контрреволюция», а перечень государственных преступлений был кардинально пересмотрен.

С принятием Закона СССР от 25 декабря 1958 г. понятие «контрреволюция» перестало использоваться в отечественном уголовном праве¹⁵.

Новый УК РСФСР 1960 г. в 74 ст. закрепил среди государственных преступлений нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии, которое представляло собой умышленные действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства, пропаганду исключительности либо неполноценности граждан по признаку отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, а равно прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой, национальной принадлежности или отношения к религии¹⁶.

¹² См.: Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. 1 июня. № 80. Ст. 153.

¹³ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1926. 6 дек. № 80. Ст. 600.

¹⁴ См.: Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) : постановление ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г. // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1927. 27 февр. № 48.

¹⁵ См.: Об уголовной ответственности за государственные преступления : закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 8.

¹⁶ См.: Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

С распадом Советского Союза в конце XX в. проблема религиозного экстремизма и экстремистской деятельности в целом обострилась. Широкий масштаб распространения и дерзкий характер экстремистски настроенных лиц и объединений признавался даже Президентом РФ¹⁷.

В 1993 г. УК РСФСР 1960 г. был дополнен ст. 143-1, которая предусматривала уголовную ответственность за организацию религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или с иными посягательствами на личность или права граждан либо с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или совершению иных противоправных действий, а также руководство таким объединением¹⁸.

Часть 1 ст. 282 УК РФ установила ответственность за возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации.

Основной профильный закон «О противодействии экстремистской деятельности» был принят и вступил в действие в 2002 г.¹⁹ Отождествляя понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность», законодатель в п. 1 ст. 1 выделил 13 различных проявлений экстремизма, среди которых:

- насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

¹⁷ См.: О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 г. № 310 // Собр. законодательства РФ. 1995. 27 марта. № 13. Ст. 1127.

¹⁸ См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях : закон Российской Федерации от 27 августа 1993 г. № 5668-1 // Рос. газета. 1993. 9 сент. № 174.

¹⁹ См.: О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. 29 июля. № 30. Ст. 3031.

– воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

– воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

– совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы – в качествеотягчающего признака согласно п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ;

– использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций;

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Но нередко при ликвидации религиозных объединений органы прокуратуры в качестве дополнительных заявляют основания, предусмотренные ч. 2 ст. 14 ФЗ от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» и отражающие сущность объединений, признаваемых экстремистскими, а именно:

– нарушение общественной безопасности и общественного порядка;

– принуждение к разрушению семьи;

– посягательство на личность, права и свободы граждан;

– нанесение ущерба нравственности, здоровью граждан, в том числе использованием в связи с их религиозной деятельностью наркотических и психотропных средств, гипноза, совершением развратных и иных противоправных действий;

- склонение к самоубийству или к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии;
- воспрепятствование получению обязательного образования;
- принуждение к отчуждению принадлежащего им имущества в пользу религиозного объединения;
- воспрепятствование угрозой причинения вреда жизни, здоровью, имуществу выходу гражданина из религиозного объединения;
- побуждение граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей;
- неоднократное непредставление отчета о получении денежных средств и имущества от международных и иностранных организаций в органы юстиции²⁰.

Фридинский С. Н., анализируя исторический аспект противодействия преступлениям экстремистского характера, видит в действующем российском уголовном законодательстве преемственность норм советского права на основании сходства отдельных объективных признаков²¹.

По мнению Э. С. Ахьядова, наиболее удачно понятие «экстремизм» было сформулировано в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом²² как «деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в этих целях незаконных вооруженных формирований или участие в них»²³.

Однако, как указывает Конституционный Суд РФ, Конвенция не является препятствием для государств, являющихся ее участниками, устанавливать в национальном законодательстве более широкий перечень экстремистских проявлений в целях достижения максимальной эффективности в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом²⁴.

²⁰ См. : О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

²¹ См.: Фридинский С. Н. Исследование генезиса уголовно-правовых норм об ответственности за отдельные виды экстремистской деятельности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 2(23).

²² См.: О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом : Шанхайская конвенция от 15 июня 2001 г. // Собр. законодательства Российской Федерации. 2003. 13 окт. № 41. Ст. 3947.

²³ Ахьядов Э. С. Теоретико-правовые аспекты, понятие и сущность феномена экстремизма в РФ // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2023. № 1(49).

²⁴ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кочемарова Владислава Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 статьи 1 и части третьей статьи 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 1053-О. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149425/ (дата обращения: 10.06.2025).

Обращаясь к международной практике формулирования понятия, следует сказать о мнении Парламентской ассамблеи Совета Европы, которая понимает экстремизм как «форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма»²⁵.

На территории РФ религиозные объединения могут быть созданы в двух формах: религиозной группы и религиозной организации.

Религиозная группа – добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица.

Религиозной организацией признается добровольное объединение граждан РФ, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории РФ, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и зарегистрированное в качестве юридического лица²⁶.

Ключевыми факторами разграничения двух форм является факт государственной регистрации в качестве некоммерческой организации и статус гражданства их участников.

Статья 7 ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ запрещает создание и деятельность любых общественных и религиозных объединений, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности.

В случае выявления признаков любых из 13 проявлений экстремистской деятельности впервые объединению органами прокуратуры выносятся письменное предупреждение, которое может быть передано в суд.

Дата вступления предупреждения в законную силу является точкой отсчета 12-месячного срока, в течение которого религиозная организация или группа не может допустить новых фактов, свидетельствующих о наличии признаков экстремизма в их деятельности. Неустранение выявленных нарушений, а также совершение новых в рамках указанного периода является безусловным основанием для ликвидации такого объединения.

При установлении данных обстоятельств органы прокуратуры, в частности, районный прокурор, прокуроры субъектов РФ, их заместители, Генеральный прокурор РФ и его заместители, а в некоторых случаях Министерство юстиции РФ и его территориальные управления, органы местного самоуправления обращаются с административным иском заявлением в суд в целях защиты от нарушений прав и свобод человека и гра-

²⁵ Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе : резолюция ПАСЕ № 1344 (2003). URL: [https://www.coe.int/T/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2003\]/\[Sept_2003\]/Res%201344%20Rus.asp](https://www.coe.int/T/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp) (дата обращения: 10.06.2025).

²⁶ См.: О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

жданина, причинения вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и юридических лиц, обществу и государству, распространения, производства и хранения экстремистских материалов.

Ликвидация религиозного объединения и запрет его деятельности является мерой публично-правовой ответственности, применяемой в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод²⁷. Ликвидация не означает запрет конкретного вероучения, исповедуемого в группе или организации. Под ограничение попадает сама организационная форма его проповедования, что означает наличие у членов возможности отправлять культ в индивидуальном порядке.

В соответствии с ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» была принята Стратегия противодействия экстремизму в РФ, определившая стратегические направления планирования по консолидации усилий органов публичной власти и институтов гражданского общества в области противодействия экстремизму²⁸.

Стремление экстремистских организаций, в том числе действующих из-за рубежа, дестабилизировать общественно-политическую обстановку в РФ обуславливает принятие новых нормативных актов, направленных борьбу с возникающими угрозами.

Начало этого процесса было положено принятием так называемого закона Яровой, которым установлена обязанность религиозных объединений маркировать выпускаемую литературу, печатные издания, аудио- и видеоматериалы, распространяемые в том числе в ходе миссионерской деятельности²⁹.

²⁷ См.: О гражданских и политических правах : международный пакт от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291; О защите прав человека и основных свобод : конвенция от 4 ноября 1950 г. // Собр. законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163; О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, являющихся юридическими лицами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 64. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8537/> (дата обращения: 10.06.2025).

²⁸ См.: Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495013/ (дата обращения: 10.06.2025).

²⁹ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : Федер. закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2016. № 28. Ст. 4558.

В целом законодателем было уделено особое внимание регулированию именно миссионерской деятельности. Так, иностранные граждане, задействованные в ней, теперь обязаны заключать трудовой или гражданско-правовой договор для сотрудничества с религиозными организациями.

Закрепление понятия «миссионерская деятельность», под которой стала пониматься деятельность религиозного объединения, направленная на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся его участниками, в целях вовлечения указанных лиц в состав членов и осуществляемая публично, в том числе посредством СМИ и сети «Интернет», позволило провести линию разграничения этой деятельности, что упростило процесс правоприменения для правоохранительных органов.

Ужесточения коснулись и законодательства об административных правонарушениях. Были введены в действие ч. 3–5 в ст. 5.26 КоАП РФ, установившие административную ответственность за несоблюдение требований к маркировке религиозной литературы, миссионерской деятельности и участию иностранных граждан в деятельности религиозных объединений.

С сентября 2025 г. вступила в силу ст. 13.53 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за умышленный поиск в сети «Интернет» заведомо экстремистских материалов, включенных в соответствующий федеральный список, и получение доступа к ним³⁰.

Принимаемые органами государственной власти меры оказали положительный эффект на существовавшие тренды в области противодействия распространению экстремизма. За период 2014–2025 гг. правоохранительными органами выявлено около 12 000 преступлений экстремистской направленности, что стало основанием для привлечения к уголовной ответственности свыше 9000 лиц, а более чем 3000 материалов были признаны экстремистскими.

Тем не менее за 10-летний период наблюдается рост количества экстремистских преступлений приблизительно на 29,6 %, что, с одной стороны, свидетельствует о повышении эффективности деятельности правоохранительных органов, вызванной в том числе расширением уголовных и административных составов экстремистских правонарушений, а с другой – о сохранении высокого уровня экстремистских угроз³¹.

³⁰ См.: О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» : федер. закон от 31 июля 2025 г. № 281-ФЗ // Рос. газета. 2025. № 172. Ст. 9711.

³¹ См.: Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495013/ (дата обращения: 10.06.2025).

Библиографический список

Антюхов Ю. В. История значения понятия экстремизма в России до легализации термина в отечественном законодательстве / Ю. В. Антюхов // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 6(69). – С. 11–14.

Ахъядов Э. С. Теоретико-правовые аспекты, понятие и сущность феномена экстремизма в РФ / Э. С. Ахъядов // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. – 2023. – № 1(49). – С. 108–113.

Жуков А. В. Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России / А. В. Жуков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12-4. – С. 69–70.

Излученко Т. В. Религиозная экстремистская деятельность как негативное проявление социальной активности : философский контекст / Т. В. Излученко // Вестник Вятского государственного университета. – 2022. – № 1(143). – С. 43–51.

Ключников Ю. В. На великом историческом перепутье / Ю. В. Ключников. – М. : Вузовская книга, 2001. – 184 с.

Сальников Е. В. Революционеры или экстремисты : отдельные вопросы современной методологии исследований революции / Е. В. Сальников // История : факты и символы. – 2017. – № 3(12). – С. 47–54.

Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / Н. С. Таганцев. – СПб. : тип. М. Стасюлевича, 1908. – 714 с.

Фуртат В. В. История экстремизма и ее отражение в понятийном аппарате / В. В. Фуртат // Вестник РПА. – 2019. – № 3. – С. 99–104.

References

Antyukhov Yu. V. The history of the meaning of the concept of extremism in Russia before the legalization of the term in domestic legislation / Yu. V. Antyukhov // Scientific Notes of the Orel State University. – 2015. – No. 6(69). – Pp. 11–14.

Akhyadov E. S. Theoretical and legal aspects, the concept and essence of the phenomenon of extremism in the Russian Federation / E. S. Akhyadov // Bulletin of the Kadyrov Chechen State University. – 2023. – No. 1(49). – Pp. 108–113.

Fridinsky S. N. Research of the genesis of criminal law norms on responsibility for certain types of extremist activity / S. N. Fridinsky // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. – 2011. – No. 2(23). – Pp. 27–31.

Furtat V. V. The history of extremism and its reflection in the conceptual framework / V. V. Furtat // Bulletin of the RPA. – 2019. – No. 3. – Pp. 99–104.

Izluchenko T. V. Religious extremist activity as a negative manifestation of social activity : a philosophical context / T. V. Izluchenko // Bulletin of Vyatka State University. – 2022. – No. 1(143). – Pp. 43–51.

Klyuchnikov Yu. V. At the Great historical crossroads / Yu. V. Klyuchnikov. – Moscow : Vuzovskaya kniga, 2001. – 184 p.

Salnikov E. V. Revolutionaries or extremists : selected issues of modern methodology of Revolution research / E. V. Salnikov // History : Facts and Symbols. – 2017. – No. 3(12). – Pp. 47–54.

Tagantsev N. S. The Code of Criminal and Correctional punishments of 1885 / N. S. Tagantsev. – St. Petersburg : M. Stasyulevich Publishing House, 1908. – 714 p.

Zhukov A. V. Religious security as a subject of scientific discourse in post-Soviet Russia / A. V. Zhukov // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. – 2017. – No. 12-4. – Pp. 69–70.

Для цитирования:

Шутов В. В. Механизмы государственного противодействия религиозному экстремизму в России: исторический анализ // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 4(13). С. 139–151.

Recommended citation:

Shutov V. V. Mechanisms of state counteraction to religious extremism in Russia: historical analysis // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 4(13). Pp. 139–151.

Сведения об авторе

Шутов Валерий Витальевич – соискатель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета

E-mail: v.shut@internet.ru

Information about author

Shutov Valery Vitalievich – Applicant of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of Voronezh State University

E-mail: v.shut@internet.ru

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

УДК 341

ОБЗОР ПЯТОЙ ЕЖЕГОДНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИЗ АРХАИКИ В XXI ВЕК: ПРАВОВОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ» (Воронежский государственный университет, 28 мая 2025 г.)

В. А. Сиринько, Д. А. Ефремов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 ноября 2025 г.

Аннотация: в обзоре представлены тезисы докладов участников Пятой международной научно-практической конференции «Из архаики в XXI век: правовое конструирование», состоявшейся на базе Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета 28 мая 2025 г.

Ключевые слова: юридическая антропология, юридическая конструкция, правовое конструирование, институт канонического права, семья, брак, международное право, религиозные учения, механизм государства, правовые семьи, правоприменение, правовая реальность.

REVIEW OF THE FIFTH ANNUAL INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “FROM ARCHAIC TO THE 21ST CENTURY: LEGAL CONSTRUCTION” (Voronezh State University, May 28, 2025)

V. A. Sirinko, D. A. Efremov

Voronezh State University

Abstract: the review presents abstracts of reports by participants of the Fifth International Scientific and Practical Conference “From Archaism to the 21st Century: Legal Construction”, held at the Scientific and Educational Center for Legal Anthropology and Conflictology of the Faculty of Law of Voronezh State University on May 28, 2025.

© Сиринько В. А., Ефремов Д. А., 2025

Key words: legal anthropology, legal construction, the institution of canon law, family, marriage, international law, religious teachings, the mechanism of the state, legal families, law enforcement, legal reality.

28 мая 2025 г. на базе ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» открыла работу дискуссионная площадка «Из архаики в XXI век» Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии. Тематика Пятой, юбилейной, научной конференции была посвящена правовому конструированию.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ВГУ, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, доктор юридических наук, профессор Светлана Николаевна Махина, которая поздравила коллег и участников конференции с пятилетним юбилеем.

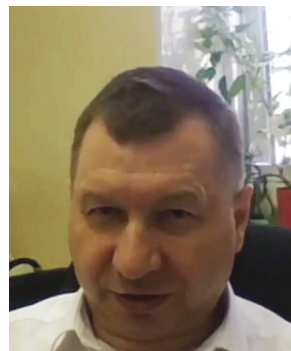
Светлана Николаевна отметила, что с помощью различных форм правового конструирования можно предлагать к созданию эффективные формы государственности, формировать ту реальность, которая так нужна государству и его гражданам. Она подчеркнула, что в основу правового конструирования всегда закладывается антропологический код, т. е. влияние личности человека, социума в целом на нормы права, правовые устои государства и общества.

В рамках изучения тематики конференции следует подчеркнуть, что мы говорим о целой совокупности юридических конструкций, многие из которых на сегодняшний момент не имеют должного научного осмысления. Самый беглый анализ позволил выделить, например, такие дискуссионные категории, как: правовая инженерия, правовая технология, правовой дизайн, правовой инжиниринг, прикладная юриспруденция и др. Профессор С. Н. Махина выразила надежду, что в результате дискуссии мы сможем определить, какие из этих конструкций являются тождественными, а какие нет, более глубоко разобраться в их сущности.

Заканчивая приветственную речь, С. Н. Махина предоставила право первого выступления **главному научному сотруднику отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктору юридических наук, профессору, заслуженному работнику высшей школы РФ Дмитрию Алексеевичу Пашенцеву.** Начиная свой доклад на тему: **«Конструирование правовой реальности с позиций историко-антропологической теории права»**, автор указал, что анализ правовой реальности производится учеными не в статике, а в определенной динамике как постоянно развивающегося-

ся, живого явления. По мнению выступающего, конструктивистский подход не позволяет ученым не учитывать антропологический фактор правовой реальности, который является одним из доминирующих.

Д. А. Пашенцев сделал акцент на трех стадиях конструирования правовой реальности. Первая – это создание знаковой формы. Право является знаковой символической системой. Любой знак требует толкования и интерпретации, так же, как и любой другой текст.

Вторая стадия конструирования правовой реальности состоит в том, что упомянутая знаковая форма должна стать частью правосознания участников общественных отношений, которые должны осознать значимость новых норм, сформировать собственное представление ментального характера об этих нормах.

Третья стадия, по мнению автора, является решающей в процессе конструирования правовой реальности, без которой две первых стадии оказываются лишены всякого смысла. Ее сущность заключается в том, что разработанные нормы должны трансформироваться в повседневное массовое поведение участников общественных отношений. Если этого не происходит, конструирование новых норм начинает наносить вред правовой среде общества, а иногда становится полностью невозможным.

Д. А. Пашенцев пришел к выводу, что акцент в конструировании правовой реальности на сегодняшний день в значительной мере сместился с правотворческой деятельности на процедуру правоприменения, что свидетельствует об «антропологизации», поскольку ни одна правовая норма сама по себе не регулирует общественные отношения. Без вовлечения человеческого фактора разработанные и сконструированные нормы не найдут отклика в практике правоприменения.

Евгения Валерьевна Калинина, профессор кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Приволжского исследовательского медицинского университета, доктор юридических наук, доцент, выступила с докладом на тему: «Эсхатология и утопия как инструменты социально-правового конструирования в иудаизме и иудео-христианстве».

Она озвучила тезис о том, что продвижение трендов демократизации, с фокусом на защиту прав и свободы человека в ущерб коллективной безопасности социума, привело к атомизации и расчеловечиванию

масс. Последствиями такого подхода стали дезинтеграция и деградация общественного сознания. Этот процесс угрожает утратой традиционного антропологического кода народов, изначально ориентированных на коллективизм и социальную солидарность.

В период социальных, политических и правовых трансформаций в гражданском обществе активизируется научный и общественный дискурс, направленный на поиск оптимальных моделей организации власти, общества и права. В этот процесс вовлекаются не только академические исследователи, но и практические специалисты, представители различных общественных слоев, занимающиеся активным изучением поставленных проблем.

Е. В. Калинина отметила, что периоды преобразований часто сопровождаются ростом популярности иррациональных, мистических, религиозных и утопических мотивов. Чтобы избежать рискованных идеологических дискуссий, стороннему наблюдателю полезно обратиться к историческому опыту, иллюстрирующему реакцию населения на периоды нестабильности и дискомфорта в политической, экономической и правовой сферах. Так, например, история показывает многочисленные случаи массового распространения апокалиптических ожиданий. В качестве иллюстрации автор привела период зарождения христианства, которое стало почвой для появления новых морально-правовых парадигм и религиозной системы взглядов. Поскольку религии зачастую сочетают элементы эсхатологии и утопического мышления, целесообразно рассмотреть идеи и попытки воплощения иудейской и раннехристианской апокалиптичности и утопизма в социально-политической сфере.

Автор иллюстрировала выступление отрывками из Книги Пророка Исайи, описывающими спокойную идиллическую картину желаемого будущего без конфликтов и жестокости, где даже дикие звери живут мирно рядом с травоядными животными. Проводя проекцию на современное человечество, Е. В. Калинина выразила надежду, что аналогичная гармония достижима лишь тогда, когда общество преодолет внутренние недостатки и грехи, толкающие его к насилию и агрессии.

Для воплощения подобной картины, по мнению автора, необходимы следующие условия: соблюдение определенной идеологической основы и создание общества нового типа, осуждение двуличия, особенно среди официальных культовых учреждений.

Указанные эсхатологические представления возникли первоначально вследствие критики обычаев, принятых ко временам эпохи Второго Храма. Позднее общинные проекты строились исходя из неприятия прежних традиций, приведших общество к моральной деградации и потере духовной чистоты. Возвращение к искренней вере в личного Бога Спра-

ведливости, присутствие которого ощущается внутри души каждого человека, становилось важнейшей задачей человека того времени.

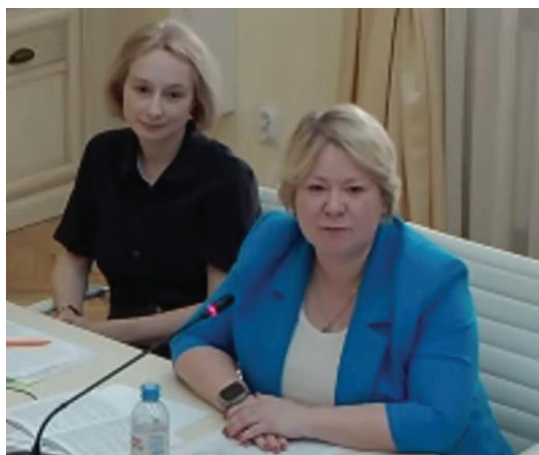
Еще одним объединяющим для общества условием выступает общая память народа о пережитых гонениях. Эта тема веками характеризовала еврейский народ, который постоянно обращался к воспоминаниям о перенесенных испытаниях и страданиях, что укрепляло единство общины и одновременно служило основанием для особых привилегий.

Некоторые группы распространяли мессианские учения, порой вдохновлявшие восстания против римского владычества. Их идеи легли в основу множества мистических течений и сект, позже оказавших влияние на развитие раввинистического иудаизма. Представители каждой секты демонстрировали приверженность конкретной трактовке Торы и соответствующим ей доктринам. Идеология этих сект нашла отражение даже в последующих коммунитарных проектах, корни которых уходят в эпоху Второго Храма, г. Иерусалим, завершившуюся в 70 г. н. э. датой разрушения данного храма.

Ольга Сергеевна Рогачёва, профессор кафедры административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета ВГУ по научной работе и аспирантуре, представила интересный доклад на тему: «Юридические конструкции в административном судопроизводстве».

Анализируя Кодекс административного судопроизводства РФ, автор выделила две основные категории дел. Первую группу составляют споры, инициированные гражданами, оспаривающими действия должностных лиц органов власти, нормативные акты и др. Вторая группа включает дела, возникающие вследствие обращения государственных структур в судебные органы для подтверждения полномочий, возникающих из отношений государственного контроля (надзора).

О. С. Рогачева подчеркнула, что применение понятия «административный иск» ко всем видам дел представляется некорректным, так как оно не учитывает особенности дел непроцессуального характера, которые следовало бы отразить в Кодексе отдельно. Содержание ст. 4 КАС РФ определяет право граждан обращать-

ся в суд с иском, если они считают, что их права были нарушены или созданы необоснованные препятствия для их осуществления. Эти же положения раскрываются в ст. 124 КАС РФ, где мы говорим о конкретных требованиях, которые могут быть заявлены в рамках административного судопроизводства.

Однако эти требования, по сути, сформулированы как требования спора о праве. Выделяя ключевой недостаток такого подхода, О. С. Рогачёва подчеркнула, что он заключается в отсутствии четкого разделения категорий дел, различающихся характером требований. Это особенно важно для эффективной защиты прав и интересов граждан.

Актуальным остается вопрос соотношения материального и процессуального административного права. Поскольку исторически производство по делам, вытекающим из административных правоотношений, произошло из гражданского процесса, термин «спор» подчеркивает наличие разногласия, которое требует отдельного подхода в законодательном регулировании.

По мнению автора, важно отметить наличие юридического спора, участие двух сторон с противоречивыми интересами, разрешение конфликта независимым судебным органом, принцип состязательности и равенства участников процесса. Возникает вопрос формулирования тех требований, которые могут быть заявлены гражданином при обращении в суд, когда он оспаривает действия того или иного органа государственной власти. Материальное административное право сегодня не содержит, к сожалению, способы защиты публичных прав, ограничиваясь общей формулировкой в законах о том, что гражданин может обжаловать действия госоргана, что существенно отличается от Гражданского кодекса РФ, где подробно определены способы защиты частных интересов.

Отсюда вытекают трудности с выбором адекватных формулировок административного иска, которые постепенно уточняются судебной практикой, включая контроль Конституционного Суда РФ, который ставит вопрос о надлежащей форме защиты в административном процессе: достаточно ли признать незаконность действий органа власти либо необходимо требовать от суда принятия определенных мер по отношению к государству?

Изложив сущность проблематики, выступающая предложила следующий метод решения проблемы: скорректировать содержание ст. 124 КАС РФ, закрепив конкретные способы защиты прав граждан в сфере административных и иных публичных правоотношений, уточнив, что категория «административный иск» не может распространяться на бесспорные производства.

Завершая свое выступление, О. С. Рогачёва выразила надежду, что озвученная ею проблематика должна быть разрешена путем совместных

усилий ученых в области материального административного права, а также отраслей процессуального права.

Ольга Николаевна Шеменёва, профессор кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, представила доклад на тему: «Воля и волеизъявление при установлении происхождения детей».

Выбранная О. Н. Шеменёвой тема является достаточно актуальной в современном мире. Поскольку сегодня наука достигла значительного прогресса, определить биологическое происхождение ребенка больше не представляет трудностей и не влечет значительных материальных расходов. Однако практика показывает, что и правовые нормы, и общественные запросы предполагают важность подтверждения отцовства (реже – материнства) традиционными методами, без привлечения современных технологий ДНК-анализа.

Особое значение приобретает добровольное волеизъявление, решение мужчины и женщины признать себя родителями детей, с которыми могут даже отсутствовать кровные связи. Важно отметить, что под родственными отношениями понимается исключительно правовая связь, закрепленная семейным правом. Материнство, исходя из очевидных физиологических обстоятельств, редко вызывает сомнения, поэтому закон предусматривает разные способы документального оформления данного факта.

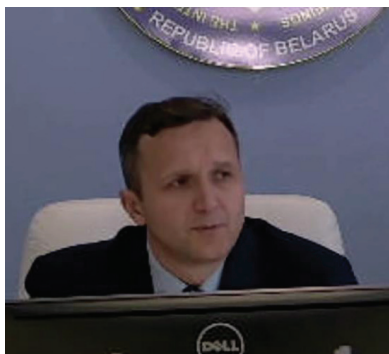
Что касается признания отцом ребенка, родившегося в браке, такая процедура исторически базируется на простом правиле, известном еще с античных времен: ребенок, рожденный замужней женщиной, считается ребенком мужа. Эта норма часто оказывается справедливой, и большинство записей об отцах основаны именно на таком предположении. Таким образом, признание отцовства связано с автоматическим внесением сведений сотрудником органа регистрации актов гражданского состояния (ЗАГС) на основе факта брака матери и отца, даже если согласие самого мужчины формально не запрашивалось.

В ситуации, когда родители не находятся в официальном браке, для записи сведений об отце ребенка оба родителя совместно обращаются в ЗАГС. При подаче совместного заявления не проверяется биологическая принадлежность ребенка данному мужчине. Органы власти и службы опеки не занимаются изучением истинного происхождения малыша. Лишь в исключительных ситуациях, когда мать не способна самостоятельно подать заявление, мужчину допускают зарегистрировать отцовство при согласовании с органами опеки.

О. Н. Шеменёва подчеркнула, что волеизъявление имеет решающее юридическое значение, согласно действующему законодательству и ре-

шениям Верховного Суда РФ. Согласно ст. 51, 52 Семейного кодекса РФ, мужчина теряет право оспорить свое отцовство, ссылаясь на отсутствие биологического родства, если регистрация была осуществлена на основании его собственного официального заявления. Однако Верховный Суд РФ немного смягчил данную норму, допуская возможность отмены отцовства в случае, если первоначальное решение было принято мужчиной под давлением обмана, угрозы или принуждения. Во всех иных обстоятельствах, если мужчина осознанно принял решение признать отцовство, тот факт, что ребенок не является его родным по крови, не принимается судом во внимание.

Кроме того, волевые поступки сторон имеют важное значение и в иных судебных разбирательствах по семейным вопросам, включая признание исковых требований или отказ от них. Судебная практика подтверждает неизменяемый характер выраженного ранее волеизъявления. Даже многократные генетические экспертизы впоследствии не смогут отменить принятое судебное решение, основанное на изначальном добровольном признании отцовства.

Методологические особенности построения и познания в антропологической концепции права в контексте практики юридического конструирования были раскрыты Вадимом Ивановичем Павловым, профессором кафедры конституционного и международного права Учреждения образования «Академия министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидатом юридических наук.

Современное понимание антропологии права начало разрабатываться в XIX в. и было представлено познаниями права в контексте правосознания, правовой культуры различных народов и этносов.

С течением времени, во второй половине XX в., начала складываться вторая ветвь юридической антропологии, выполняющая теоретико-методологические функции, т. е. создающая общую правовую теорию и методологию. Впоследствии данное направление стало развиваться в контексте широкого обращения к человеческой проблематике.

Упомянутое автором направление включает в себя юридическую этнографию, однако его основная цель заключается в развитии методологических основ фундаментального правопонимания с применением новейших философских концепций и научного аппарата гуманитарных наук XIX–XX вв. Среди используемых подходов выделяются

герменевтика права, феноменология, теория коммуникации и прочие научные течения.

По мнению докладчика, необходимо оттолкнуться от пяти основных направлений развития антропологии права.

Теоретико-методологическая направленность связана с разработкой базовой терминологии и понятий, позволяющих выстраивать дальнейшие правовые конструкции. Данный блок активно развивается в настоящий момент.

Операциональное (или инструментальное) направление предназначено для создания промежуточных научных конструкций («теорий среднего уровня»), применяемых для анализа конкретных правовых явлений, таких как правовая культура, правосознание, источники права.

Отраслевое направление предполагает применение методов и инструментов антропологии права для изучения отдельных отраслей права, включая уголовное, гражданское и другие виды права.

Этнографическое направление изучает специфику правового сознания и поведения в разных культурах и регионах мира, учитывая различия национальных традиций и культур.

Исторический ракурс исследует влияние исторических процессов и культурных особенностей на формирование современного права.

Эти компоненты формируют основу понятия «антропологический подход в праве», отражающего идею человекомерности или человеко-размерности права.

Возвращаясь к вопросу о правовом конструировании, В. И. Павлов озвучил тезис о том, что данное явление представлено несколькими основными формами, применяемыми в антропологии и праве.

Первая форма носит классический характер и соответствует тому значению, которое придавали процессу конструирования еще в эпоху развития классической юриспруденции периода Рудольфа фон Иеринга. Ее ведущая характеристика заключается в научно-доктринальной обработке правового материала, осуществляемой специалистами-юристами. Это приводит к усовершенствованию правотворчества и повышению качества отправления правосудия.

Вторая форма представляет собой своего рода инструментальное применение норм, которое фактически практикуется и заслуживает особого внимания.

Третья форма связана с вопросом понимания права и его онтологическими аспектами. Догма права служит основанием для юридизации общественной жизни, позволяя четко определить границы права и сферы, выходящие за пределы его компетенции. Автор исходит из того, что текущий аспект приобретает особое значение в условиях судейского пра-

ва, когда появляется необходимость разрешить конкретные дела, основываясь на строгих критериях принадлежности события к области права. В этом контексте особую значимость приобретает роль догмы как фундамента для юридического упорядочивания общественных отношений.

Использование достижений ученых прошлого, по мнению автора, будет способствовать развитию правовой мысли ученых современности, занимающихся разрешением насущных проблем антропоцентрического подхода к праву.

Виктория Михайловна Малиновская, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кандидат юридических наук, представила доклад на тему: «Модель механизма государства как юридическая конструкция».

В. М. Малиновская акцентировала внимание на том, что исследование правовой сущности государства и способов реализации его властных полномочий выступает неотъемлемой составляющей концепции публичного права. Анализируя известную работу Томаса Гоббса «Левиафан», представляющую собой фундаментальное сочинение английского мыслителя, автор обратила внимание слушателей на то, что на об-

ложке книги изображено символическое представление верховной власти (Левиафана), сопровождаемое латинской надписью из Библии: «Нет на земле власти, которая бы сравнилась с ним». Это стало первым художественным воплощением образа государственного механизма.

Термин «модель механизма государства» применяется как в общей теории государства и права, так и в области конституционного права. По мнению Виктории Михайловны, помимо общего понятия «государственный механизм», в теорию права необходимо ввести понятие «модель механизма государства», обозначающее структуру и принципы функционирования элементов государственной системы.

Анализ исторических форм и современных моделей позволяет выделить разные типы механизмов государства, такие как демократический, теократический, автократический. Эта классификация основана на особенностях форм правления (“kratos” – власть).

Отталкиваясь от природы управления в современных государствах, В. М. Малиновская привела в пример такие государства с теократической моделью механизма функционирования, как Афганистан, Саудовская

Аравия, Бруней и Ватикан. Несмотря на ее кажущуюся архаичность, это не мешает модели существовать в современном мире. Ее основой служит наличие монотеистической религиозной общности.

Теократическая модель официально закреплена и в Конституции Исламской Республики Иран. Здесь важную роль играет разделение властей между высшим руководителем государства (верховным лидером) и президентом. Основной принцип организации данной модели заключается в божественном происхождении власти: источник власти – Бог, глава государства назначается временно и получает полномочия непосредственно от Божества. Религия занимает центральное положение в стране, став государственным институтом, обязательным для всех граждан. Законодательство формируется на основе религиозных норм.

Помимо теократической, автор упомянула еще одну современную модель механизма государства – партократическую, характерную, например, для КНДР. Партократическая модель предполагает слияние партийной и государственной власти, отраженное в конституционных нормах. Особенность этой модели состоит в том, что вместо религии граждане обязаны придерживаться официальной государственной идеологии. Для поддержания единства взглядов создаются специальные правоохранительные органы, подавляющие любые проявления несогласия с господствующей идеологией.

Подводя итог, В. М. Малиновская акцентировала внимание участников конференции на том факте, что современное гражданское общество будет функционировать более эффективно, если граждане и органы власти будут понимать сущность механизма управления государством. Автор предлагает ввести в действие особую юридическую конструкцию, закрепляющую определение механизма управления государством, его сущность.

Валентина Васильевна Гриценко, профессор кафедры административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета,

доктор юридических наук, профессор, представила доклад на тему: «Конструкция принципа справедливости налогообложения: мифы и реальность».

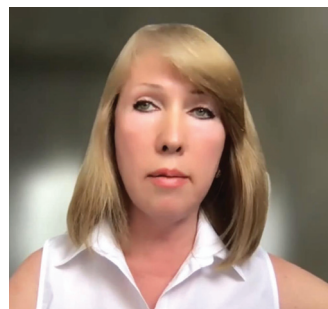
В. В. Гриценко отметила, что налоговое право, по своей сути, должно быть справедливым. Попытка внедрения принципа справедливости уже предпринималась в России с принятием первой части Налогового кодекса РФ, утвержденной 31 мая 1998 г. и официально вступившей в дейст-

вие с 1 января 1999 г. Именно тогда в Налоговом кодексе РФ впервые появился принцип справедливости, зафиксированный в ст. 3. Однако спустя всего несколько месяцев, 9 июля 1999 г., были внесены изменения, исключившие понятие справедливости из текста Кодекса.

Данная проблема остается актуальной и на сегодняшний день. В своем послании Федеральному собранию РФ в 2024 г. Президент РФ подчеркнул необходимость установления справедливого налогообложения, отметив, что богатые граждане обязаны вносить в бюджет больший вклад, нежели менее обеспеченные слои населения. Именно эта концепция лежит в основе принципов справедливости налогообложения.

Большинство авторов в современных исследованиях сходятся во мнении, что ст. 3 Налогового кодекса РФ обобщает ключевые принципы налогообложения, включая принцип справедливости. Однако государственный законодатель, по неизвестной причине, избегает называть отдельно принцип справедливости. По мнению автора, необходимо восстановить первоначальное понимание, заложенное еще при принятии первой части Налогового кодекса РФ 31 мая 1999 г. Для этого целесообразно пересмотреть содержание ст. 3 Налогового кодекса РФ, регулирующей базовые принципы налогообложения, дополнив ее формулировкой о справедливости налогообложения.

Юридическое понятие творчества, проблемы научного конструирования и практического применения проанализировала в своем докладе Татьяна Владимировна Шатковская, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Южно-Российского института управления филиала РАНХиГС при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор.

Она обосновала точку зрения, согласно которой категория творчества воспринимается научным сообществом исключительно как абстрактное философское понятие, не имеющее прямого отношения к практике. Однако такое мнение ошибочно, поскольку термин «творчество» активно применяется в российском правовом поле.

В качестве примера профессор Т. В. Шатковская привела ст. 26, 44 Конституции РФ, ст. 10 Основ законодательства Российской Федерации о культуре, выдержки из трудового, семейного, административного права. Наиболее распространено использование термина в четвертой части Гражданского кодекса РФ, где творчество является ключевым критерием защиты объектов авторского права. В сущности, любая интеллектуальная собственность предполагает наличие творческого замысла. С 5 февраля

2025 г. действует Федеральный закон № 330-ФЗ «Об основных направлениях развития креативных и творческих индустрий Российской Федерации», одной из ключевых целей которого является поддержка творческой самореализации в рамках креативной экономики.

Т. В. Шатковская не обошла стороной столь актуальную на сегодня тему, как проблемы, связанные с искусственным интеллектом и творчеством нейросетей. С одной стороны, развитие нейросетей показывает, насколько широким может быть термин «творчество».

С другой стороны, данное понятие недостаточно детально раскрыто в законе. «Можно ли обвинять в этом законодателей?» Полагая, что нет, Т. В. Шатковская дополнила свою мысль тезисом о том, что, с большой долей вероятности, разрешение данной проблемы необходимо поручить научному сообществу. Ему предстоит сформулировать точные критерии, отражающие сущность этого феномена, и представить их законодательной власти для облачения полученных выводов в букву закона.

На сегодняшний день стало очевидным, что понятие творчества – межотраслевое, охватывает сразу несколько отраслей права: интеллектуальное, трудовое, образовательное, административное, уголовное, конституционное и др. Во всех сферах наблюдаются разные подходы к пониманию этого термина.

Профессор Т. В. Шатковская не обошла стороной и практические аспекты проблемы. Поскольку категория творчества многозначна и субъективна, возникают сложности с ее определением. Так, например, судьям приходится определять наличие или отсутствие творческого элемента при разрешении конкретных дел. Именно поэтому важно разработать конкретные критерии оценки творчества.

Автор предложила объективировать творческий вклад как комплексное понятие через совокупность критериев. Первый критерий – это наличие оригинальности, которая может устанавливаться через выявление уникальных особенностей объекта, отражающих личность автора, его индивидуальный замысел. Второй – это новизна, которая может быть объективной, субъективной и, по сути, означает качественное отличие объекта от существующих объектов. И третий универсальный критерий – это интеллектуальный вклад автора, требующий умственных усилий, которые бы выходили за рамки чисто технической работы.

Подводя итог своему выступлению, автор сформулировала ряд предварительных выводов, заключающихся в необходимости формирования юридических понятий с учетом баланса между теоретическими подходами и потребностями судебной практики. Текущие и будущие научные исследования обязаны ориентироваться на потребности правоприменителей, сохраняя связь с правовой доктриной.

Юрий Геннадьевич Арзамасов, профессор кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности, ФГАОУ ВО «РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина», доктор юридических наук, профессор, сделал доклад на тему: «Конструирование оптимальной модели правового регулирования нормотворческого процесса в России».

Докладчик начал выступление с постановки проблемы статуса конструирования процесса регулирования нормотворчества. Он подчеркнул, что данная тематика плотно пересекается с темой источников права.

Еще в конце XX в. группа ученых во главе с А. С. Пиголкиным подготовила и внесла в Государственную Думу РФ проект федерального закона о нормативных правовых актах РФ. Однако впоследствии данный законопроект был снят с обсуждения по причине устаревания, пройдя лишь первое чтение в нижней палате Парламента РФ.

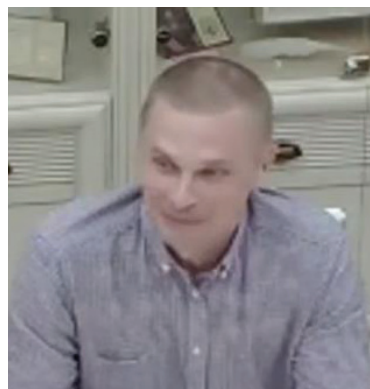
Автор обратился к зарубежному опыту решения аналогичной проблемы. Приводя в пример Республику Казахстан, упомянул, что там действует закон о правовых актах, охватывающий нормативно-правовые акты, акты правоприменительной практики и интерпретационные акты. Что касается исламских стран, таких как Саудовская Аравия, то их мусульманская доктрина официально признается одним из основных источников права. Более того, даже в рамках романо-германской правовой семьи существуют аналогичные примеры. Например, в австрийской юридической практике ученые часто ссылаются на научные труды известного философа права Ганса Кельзена. Исходя из этого, автор доклада полагает, что в судах и государственных учреждениях России также следовало бы учитывать работы признанных научных исследователей, что могло бы заполнить существующий правовой вакуум.

Отдельного внимания, по мнению автора, заслуживает проблема правовых обычаев. Современные российские учебные пособия зачастую ограничиваются лишь санкционированными традициями. Статья 5 Гражданского кодекса РФ была адаптирована под современные реалии, вместе с тем, несмотря на многочисленные поправки, многие положения Кодекса сохраняют отсылки к обычаям делового оборота. Анализ практики Торгово-промышленной палаты обнаруживает, что всего зарегистрировано порядка двадцати таких обычаев. Это вряд ли отражает их реальный масштаб в нашей стране. Закономерно возникает серьезный вопрос относительно роли правовых обычаев в российском праве.

Еще одной важной темой, затронутой автором, стала категория судебного прецедента. С точки зрения теории, принято считать, что российское право не признает прецедент как самостоятельный источник права. Между тем, на практике решения судов нередко зависят именно от предшествующих судебных актов. Поэтому имеет смысл рассмотреть возможность признания судебного прецедента дополнительным источником права, особенно когда возникают очевидные пробелы в действующем законодательстве, применительно к гражданским спорам.

Ю. Г. Арзамасов высказал предложение о возможности введения отдельного нормативно-правового акта в России, определяющего статус источников права в целом. Сравнивая текущую ситуацию по данной проблеме у нас и в зарубежных странах, автор упомянул, что такой подход успешно реализован в ряде европейских стран, включая Ватикан, который представляет собой уникальный пример теократического государства с детально разработанным юридическим регулированием. Таким образом, принятие подобного закона стало бы следующим важным этапом в развитии отечественной правовой системы.

Дмитрий Станиславович Шелестов, доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, представил вниманию участников конференции доклад на тему: «Конструирование норм права и нормативно-правовых актов в контексте преемственности исторических традиций (конституционно-правовой аспект)».

Ключевым элементом в выступлении спикера стал вопрос: что было важнее регламентировать при создании Основного закона государства – права или обязанности человека?

Ученые-теоретики полагают, что принятие Конституции РФ в конце XX в. и аналогичных документов стран СНГ сильно зависело от влияния европейских моделей и западных либеральных идей. Итог такого воздействия очевиден: вторая глава Конституции РФ называется «Права и свободы человека и гражданина». Автор озвучил точку зрения, что в ней был упущен ключевой компонент – «обязанности человека и гражданина». Он не упоминается даже в заглавии, хотя в тексте главы присутствует.

Продолжая исторический экскурс, Д. С. Шелестов рассказал, что первые нормативно-правовые акты – «Основные государственные законы» 1906 г. – содержали формулировку «права и обязанности российских под-

данных». Это соответствовало принципу, согласно которому каждому праву корреспондирует определенная обязанность. Аналогичным образом были составлены советские Конституции, начиная с 1936 г., где также существовал раздел «Права и обязанности».

Конституция 1993 г. стала уникальной среди всех российских конституционных актов, поскольку впервые не включала понятие «обязанность» в заголовок главы. Важно отметить, что сами обязанности присутствуют в ее тексте.

Вторая сторона исследуемого докладчиком вопроса касается порядка изложения материала в Основном Законе. Выступающий задался вопросом: какие элементы необходимо ставить первыми – права или обязанности? Важно помнить, что Конституция предназначена не только для профессионалов-юристов, но и для широкого круга читателей. Многие ограничиваются чтением лишь заголовков, особенно в условиях информационной перегрузки. Заголовок «Права и свободы» создает впечатление приоритета прав над обязанностями.

Между тем, в России традиционными являются представления о служении Родине как о важнейшей обязанности гражданина. Альтернативой выступает либеральная концепция, преимущественно распространенная в Европе, согласно которой приоритет отдается правам индивида, обеспечению социальных гарантий, бесплатному образованию и здравоохранению, после чего рассматривается выполнение обязанностей перед обществом.

Этот вопрос представляется актуальным с позиций антропологии права: изменилась ли природа современной правосубъектности человека? Выступающий упомянул один любопытный аспект формирования уголовного права. В содержании особых разделов исторических уголовно-правовых документов, таких как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовное уложение 1903 г., обнаруживается следующая последовательность ценностей, подлежащих охране: первая глава посвящена охране религиозных убеждений («защита веры»); вторая группа статей охраняет государственные институты, включая монархическое устройство и целостность территории; третья категория норм касается защиты личности.

Таким образом, в имперской правовой модели индивидуальная безопасность стояла на последнем месте среди приоритетов законодательной охраны.

Взгляд на брак и семью как институт канонического права раскрыла в своем выступлении Юлия Владимировна Сорокина, профессор кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук.

При анализе текущих действий Католической церкви, возглавляемой Папой Львом XIV, у стороннего наблюдателя могут возникать противоречивые чувства. Современные критики, включая журналистов, политиков и общественных деятелей, утверждают, что церковь излишне консервативна, догматична и недостаточно чутко реагирует на потребности общества. С другой стороны, внутри самой церковной среды звучат обвинения в чрезмерной модернизации, подкрепленные различными аргументами против реформирования Католической церкви.

Согласно Евангелиям, основой христианской веры являются высказывания Иисуса Христа, утверждавшего, что предпочтительнее оставаться холостым или незамужней. Далее Христос добавляет, что если кто-то решает вступить в брак, этот союз должен быть нерушимым согласно христианским, евангельским принципам. Здесь Иисус выступает против фарисеев и иудейского закона, позволяющего супругам свободно получать развод. Христианское учение категорически отвергает идею развода и рассматривает повторный брак разведенных лиц как грех прелюбодеяния.

Таким образом, исторически взгляд Католической церкви на брак основан на принципе его нерасторжимости. Даже если супруги разделились и живут отдельно, повторный брак – нарушение божественных законов. Брак и семейные обязанности воспринимаются как серьезные обязательства, которые требуют глубокого осознания ответственности каждого супруга перед Богом и обществом.

Профессор Ю. В. Сорокина отметила, что современное положение института брака демонстрирует сохранение принципа нерасторжимости в рамках традиционной религиозной догмы. В случаях нарушения верности или разделения супругов Церковь считает брак юридически действительным и не поддерживает развод. Вторая женитьба или замужество признается Церковью нарушением религиозных предписаний, а лица, совершившие подобное действие, лишаются возможности участия в таинствах, таких как причастие и исповедь. Эти ограничения носят религиозный характер и не имеют силы государственных санкций, соответственно их исполнение носит добровольный характер.

В 1983 г. была принята новая редакция Кодекса канонического права, утвержденная Папой Иоанном Павлом II. Этот документ опреде-

ляет брак как союз мужчины и женщины, заключенный ради их взаимного благополучия и рождения детей. Таким образом, в вопросах семьи и брака в каноническом праве очевидно сохранение традиций и ценностей.

Габриэль Борха Этлис, руководитель общественной организации «Мирный Эквадор», практикующий юрист, профессиональный медиатор, эксперт Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета, представил доклад на тему: «Механизм происхождения и модификация Кодекса прав ребенка Республики Эквадор».

Начать выступление спикер решил с краткого освещения тематики последних изменений Кодекса Эквадора о правах ребенка и подростка. Этот документ вступил в силу в 2003 г., объединив ранее разрозненные правовые положения о детях в единый акт. Кодекс охватывает широкий спектр вопросов, включая образование, здравоохранение, всестороннее развитие, уголовную ответственность подростков, определение алиментов и опеки при разводах, а также административные меры защиты прав детей.

Отметив, что с начала действия Кодекса прошло уже больше двух десятилетий, автор обратил внимание слушателей, что за этот период в кодифицированный акт были внесены многочисленные изменения, особенно касающиеся норм уголовного права, многие из которых утратили силу после принятия Конституции 2008 г.

Особо спикер подчеркнул содержание ст. 106 Кодекса, касающееся родительской ответственности за воспитание детей при разводе. Согласно решению Конституционного суда Эквадора 2021 г., указанная статья противоречит международному принципу равной ответственности обоих родителей за ребенка. Суд постановил, что автоматически назначать опеку над ребенком лишь одной стороне, преимущественно матери, недопустимо, поскольку это игнорирует конкретные обстоятельства и индивидуальные качества родителей.

В связи с этим в 2021 г. Социальный суд Республики Эквадор принял решение о необходимости индивидуально рассматривать каждую ситуацию и определять, за кем, матерью или отцом, должно оставаться опекунство. Вместе с тем существующая практика юридического администрирования в Эквадоре требует четких законодательных рамок и инструкций, поэтому суды редко применяют новую интерпретацию.

Единственный путь исправления ситуации – принятие Парламентом соответствующих изменений в законодательство, на основании постановления Конституционного суда Республики Эквадор.

Кроме того, выступающий предложил обратиться к опыту других испаноговорящих государств, столкнувшихся с аналогичными проблемами. Так, в Испании родители при разводе составляют согласованный протокол поведения, позволяющий совместно принимать важные решения относительно воспитания, образования и медицинского обслуживания ребенка, обеспечивая равноправное участие обоих родителей в жизни детей, включая вариант совместного опекуинства, которого пока нет в эквадорском законодательстве.

Юридические конструкции, их понятие, признаки и значение проанализировал в своем выступлении Евгений Леонидович Поцелуев, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека юридического факультета Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Опираясь на работы ученого-теоретика профессора С. С. Алексеева, докладчик отметил, что под правовыми конструкциями следует понимать высокоразвитый слой правовой материи, обладающий глубоким содержанием и имеющий гораздо большее значение, нежели простая совокупность элементов правового пространства. Автор проиллюстрировал свою мысль примерами из гражданского и уголовного права, такими как договоры купли-продажи, разнообразные составы преступлений, а также универсальные конструкции, включая необходимую оборону и крайнюю необходимость.

С. С. Алексеев в своих трудах подчеркивал, что понятие «правовая конструкция» подразумевает определенную схему, отражающую принципы действия норм, определяющих обязанности и ответственность субъектов правоотношений. Эта схема является устойчивой, стабильной и типичной моделью, предназначенной для защиты интересов лиц и достижения оптимального результата.

Действующий в обществе порядок, воплощенный в правовых конструкциях, непосредственно определяется особенностями социальной системы государства, уровнем ее развития, ценностными ориентирами и реальным воплощением нормативных актов. Ключевым аспектом любых правовых конструкций выступает интеллектуальная разработка оп-

тимальных моделей построения прав, обязанностей и ответственности, соответствующих юридических фактов.

В ходе выступления Е. Л. Поцелуев привел ссылку на работы Т. В. Кашаниной, которая выделяла пять признаков юридической конструкции.

Автор отметил, что каждая юридическая конструкция базируется на постоянных правовых принципах, образцах и стандартах. Например, существуют международные нормы и стандарты обращения с заключенными. Помимо этого выделяют процедуры юридического мышления, включающие моделирование, абстрагирование и структуризацию нормативного материала.

Подытожив сказанное, автор условно выделил основные признаки юридической конструкции: модель ситуации; уровень абстракции; процедура, методология юридического мышления; логическое построение нормативного содержания; внутренняя структура и юридическое воздействие.

Ко всему прочему, Е. Л. Поцелуев допустил, что в указанный им перечень представляется возможным включить конфиденциальность как характеристику юридических конструкций. Согласно концепции постмодернизма истина относительна и референтные группы достигают согласия по различным вопросам, которое впоследствии признается научным сообществом.

Леонид Александрович Харитонов, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, кандидат юридических наук, представил участникам конференции доклад на тему: «Эффективность правоприменения и переосмысление догматической традиции».

Докладчик указал, что эффективность юридических норм, прежде всего, определяется возможностью их применения судами. Оценивая эффективность самой судебной практики, автор предположил, что здесь целесообразно применять методы экономического анализа права, ориентированные на максимизацию выгоды. Эти подходы позволяют количественно оценить правовые явления, используя концепции, предложенные Ричардом Познером и представителями школы правовой экономики, включая теорему Коуза и принцип Паретто.

Автор не обошел стороной проблему связи теоретического подхода с реальной судебно-процессуальной деятельностью. Традиционно используемый в юриспруденции понятийный аппарат XIX в. нередко вос-

производится в современных учебниках без учета изменений судебной реальности. Например, классическое разделение правоприменительного процесса на последовательные этапы далеко не всегда соответствует современным реалиям.

Часто процессуальная теория искусственно связывает разнородные юридические механизмы, создавая ложное представление о единстве и простоте правового процесса. Другое распространенное заблуждение заключается в чрезмерной формализации судебных процедур. Согласно этому взгляду, суды следуют четким этапам рассмотрения дела, хотя на практике решения часто принимаются исходя из интуиции судьи, основанной на опыте. Так, опытный судья, изучив дело, заранее определяет исход спора, затем обосновывая его формально.

Таким образом, число этапов судебного разбирательства варьируется в зависимости от сложности конкретного дела. Простые дела требуют меньшего числа стадий, тогда как сложные случаи включают дополнительные этапы, учет мнений сторон и аргументированное обоснование итогового решения методом юридической квалификации.

«Юриспруденцию понятий» как этап эволюции доктринального правоведения романо-германской семьи проанализировал Антон Михайлович Михайлов, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук.

Раскрывая содержание конструкции «юриспруденция понятий», автор упомянул немецкого правоведа Рудольфа Йеринга, который в свое время резко критиковал подход к праву с использованием указанного термина. По его мнению, данная форма юридического мышления игнорирует социальные, экономические и политические условия, формирующие правовые категории, и пренебрегает целевым аспектом права, обеспечивающим его развитие и воспроизведение.

Концептуальная юриспруденция, согласно Йерингу, также оставляет вне внимания индивидуальные общесоциальные интересы, которые важно учитывать при формировании системы понятий. Ранний Йеринг сравнивал концепцию с языком и буквенным алфавитом, полагая, что выявление базовых элементов позитивного права позволит создать простую и непротиворечивую систему, соответствующую юридическим реалиям.

Докладчик упомянул труды знаменитого представителя немецкой пандектистики Бернхарда Виндшейда, поддерживавшего методы юри-

спруденции понятий, что заложило фундамент понятийного строя германского гражданского законодательства, которое позже советские исследователи частично заимствовали для Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.

Методология этого направления берет начало в период жизни немецкого юриста Георга Фридриха Пухты, активности исторической школы права, основанной на геометрической методике Христиана фон Вольфа середины XVIII в.

Рационализм Вольфовского учения воплотился в дедуктивной иерархии понятий, которую впоследствии адаптировал Г. Ф. Пухта, взяв основополагающее юридическое понятие («лицо») непосредственно из философии права, а не из действующего законодательства.

Екатерина Андреевна Есаева, преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, раскрыла тему: «Юридическая конструкция вьетнамской семьи: историко-правовой анализ».

Проводя исследование, автор отметила, что феодальные своды законов, в определенные периоды времени действующие на территории Вьетнама, не включали четких определений понятий «семья» и «брак». В результате этого соответствующие представления формировались преимущественно в рамках религиозных учений. Согласно древним представлениям, семья являлась большой группой совместно проживающих родственников, зачастую охватывавшей вплоть до пяти поколений.

Один из наиболее острых вопросов современности, активно обсуждаемый в западном полушарии Земли, – возможность вступления в однополые союзы. Е. А. Есаева подчеркнула, что традиционные воззрения Вьетнама подразумевали создание семьи исключительно для продолжения рода и воспитания детей, поскольку рождение наследников возможно лишь в браке мужчины и женщины. По этой причине феодальные правовые нормы исключали возможность признания однополых союзов. Современные законодательные акты Вьетнама также не предусматривают подобные формы брака, формально запрещая их.

Ключевым аспектом семейного устройства, как полагает выступающая, является состав его участников. Исторически феодальные кодексы Вьетнама не давали конкретного перечня лиц, относящихся к членам семьи, однако ясно обозначалось, что основными представителями являлись родственники супруга по мужской линии, включая самого мужа, жену, возможных дополнительных супругов, общих и сводных детей. В современной практике круг членов семьи определяется значительно шире и включает равноправных представителей обоих супругов.

Еще одна важная составляющая института семьи заключалась в совместной жизни и ведении общего хозяйства. Особенность азиатского подхода состоит в культуре сыновней почтительности, подчеркивающей важность заботы младших поколений о старших родственниках. Однако роль женщин в традиционных семьях отличалась двойственностью. Несмотря на значительное влияние традиций, признающих ведущую роль женщины в управлении хозяйством и финансовыми ресурсами, юридически главенство оставалось за супругом-мужчиной.

Е. А. Есаева заострила внимание слушателей на том, что в культуре Вьетнама особое место отводилось обязанностям детей перед родителями, ярко проявившимся в феодальных нормах, обязывающих молодых людей подчиняться воле старшего поколения даже при достижении зрелого возраста. Современная юриспруденция сохраняет уважение к традиционным семейным ценностям, одновременно расширяя права и свободы отдельных членов семьи.

Заключительная часть выступления автора коснулась почитания умерших предков. Несмотря на отсутствие детального описания ритуала в древних законах, во Вьетнаме существовала строгая система соблюдения сроков траура и порядка похоронных церемоний. Нынешняя правовая практика позволяет гражданам самостоятельно выбирать форму прощания с покойными, отказываясь от жесткого регламентирования традиционной культуры преданности усопшим.

Для цитирования:

Сиринько В. А., Ефремов Д. А. Обзор Пятой ежегодной международной научно-практической конференции «Из архаики в XXI век: правовое конструирование» (Воронежский государственный университет, 28 мая 2025 г.) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 4(13). С. 152–175.

Recommended citation:

Sirinko V. A., Efremov D. A. The review of the Fifth Annual International scientific and practical conference “From Archaic to the 21st Century: Legal Construction” (Voronezh State University. May 28, 2025) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 4(13). Pp. 152–175.

Сведения об авторах

Сиринько Валерия Александровна – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: vallsi@mail.ru

Ефремов Дмитрий Андреевич – аспирант кафедры административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета

E-mail: efremov-112debax3@mail.ru

Information about authors

Sirinko Valeriya Alexandrovna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: vallsi@mail.ru

Efremov Dmitry Andreevich – Postgraduate Student of the Department of Administrative and Administrative Procedure Law of Voronezh State University

E-mail: efremov-112debax3@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Требования к материалам, направляемым для публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. К публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» (далее – Журнал) принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций, круглых столов, форумов, семинаров.

1.2. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по почте или по электронной почте. В случае, если материал направляется в редакционную коллегию по почте, необходимо прилагать электронный носитель, содержащий файл со статьей автора.

1.3. Содержание присылаемых в редакционную коллегию Журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям. Присланные авторами материалы должны отличаться высокой степенью оригинальности. В случае явного несоответствия формальным требованиям (в части структуры, основных сведений, ссылок, библиографического списка) главный редактор, заместители главного редактора или ответственный секретарь Журнала могут направить поступившие материалы на доработку авторам.

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском и английском языках;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работают (или занимают соответствующие должности) на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию Журнала;
- аннотация статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках (6–15 слов);

- текст статьи;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера (служебного, домашнего или мобильного) телефона, домашнего или служебного адресов, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо приложить в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения организации) о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале или подписанный научным руководителем краткий отзыв о рекомендации статьи к опубликованию.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи должен составлять 15–20 страниц (1 п.л., или около 40 тыс. знаков). По согласованию с редакцией журнала к публикации могут быть приняты статьи большего объема.

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация – сквозная. Текст сносок печатается шрифтом Times New Roman 12-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.5. В конце статьи приводится библиографический список в алфавитном порядке. Библиографический список подлежит переводу на английский язык по следующему образцу:

Библиографический список

Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Р. Алекси. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.

Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. – М. : Международные отношения, 2004. – 238 с.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Habermas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

References

Aleksi R. The concept and validity of law (the answer to legal positivism) / R. Aleksi. – Moscow : Infotropik Media, 2011. – 192 p. [In Rus.]

Radbrukh G. Legal philosophy / G. Radbrukh. – Moscow : International relations, 2004. – 238 p. [In Rus.]

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Habermas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

2.6. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.7. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.8. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.9. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

2.10. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.11. Наличие иллюстраций в публикациях приветствуется. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg. Для каждой иллюстрации в обязательном порядке должен быть указан источник ее получения.

3. РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

3.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

3.2. В случае, если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

3.5. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на законодательство;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования идентичной статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

3.6. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

3.7. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
И КОНФЛИКТОЛОГИИ
2025. № 4(13)

Подписано в печать 15.04.2026. Формат 70×100/16.
Уч.-изд. л. 13,9. Усл. печ. л. 14,6. Тираж 30 экз. Заказ 680

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3